

В. С. Мазлумян

О ЗАРОЖДЕНИИ ЯЗЫКА И НАЧАЛЕ МЫШЛЕНИЯ

В.С. Мазлумян

**О ЗАРОЖДЕНИИ ЯЗЫКА И
НАЧАЛЕ МЫШЛЕНИЯ**

2008

Работа посвящена проблеме генезиса человеческой психики из животного состояния, что, безусловно, связано с развитием языка и человеческого мышления. Предпринята попытка анализа особых условий жизнедеятельности наших предков, давших толчок такому развитию.

Выдвигается тезис о прогрессирующем развитии психики в связи с изменением уровня и самого содержания психических образов, опирающихся на развивающуюся символизацию.

The author discusses the advancement of the human psyche from its animal origins, which is undoubtedly connected to the development of language and human thought. She attempts to discern the specific events in the daily lives of our ancestors that enabled that development. She further suggests the idea of the connection between the progressive development of psyche and the level and the actual content of mental images which are based on evolving symbolization.

ISBN 0-9773915-1-5

V.S. Mazlumyan. Origins of Language and Thought

Published by Selectorweb, Inc. , New York, USA

Printed by Lightning Source, Inc., USA

Copyright © 2008 V.S. Mazlumyan

Предисловие

Возникновение и развитие рода Номо есть результат развития психики в условиях специфической и все усложнявшейся жизнедеятельности наших предков. Мы отмежевываемся от позиции антропоморфизма и его ориентации на сравнение с понгидами, имеющей целью выявить антропологически значимые черты сходства их психики с психикой представителей рода Номо. Результатом соответствующих исследований обычно оказывается описание ступеней интеллекта от животных к мыслительному уровню Номо. Однако характеристики смежных ступеней сами по себе не обнаруживают возможностей перехода от одного состояния к другому. В данной работе мы попытались проанализировать этот процесс с позиций психо – и социолингвистики, т.к. 1) процесс этот осуществлялся на знаковой, фактически языковой основе и 2) он должен был происходить в условиях жизненно значимого социального взаимодействия наших предков¹.

Исследование антропогенетического материала привело нас к необходимости допущения в качестве основных факторов развития психики языка и мышления, возникших, по-видимому, в ситуативной активности прегоминид под руководством лидера. В этом процессе из жесто-звукового сигнала лидера выделялась «номинанта» как естественное (позже ставшее символическим) воплощение психической пары: представление сигнала - представление действия, на базе которой у активанта стал развиваться механизм «свободного доречевого мышления» как новый динамический механизм оперирования психическими представлениями. (У лидера оперирование ситуативными представлениями возникало раньше на основе наблюдения за ситуативным процессом «сверху».)

На основе свободного доречевого мышления ситуативная активность прегоминид превратилась в ситуативную деятельность, со временем развившуюся в подлинный труд.

В работе проводится разделение понятий «поведение» и «деятельность» (часто недифференцированно применяемых в литературе по отношению к антропоидам) и дается

¹ Такой анализ оказался в рамках особого раздела науки: антропогенетической психологии.

антропологическое определение труда. Прослеживается, как на базе номинанты в сочетании с модальными знаками могла развиваться речевая деятельность с оперированием расчлененными коммуникативными единицами, продуцируемыми в момент общения (свидетельство разграничения языка и речи).

Роль номинанты как прообраза будущего слова была огромной и для формирования сферы представлений – основы не только планирования действий, но и последующей творческой и всей духовной деятельности развивавшихся людей.

Исследование выявляет важнейшую роль ПСС в развитии единиц психического оперирования, что привело к ускорению темпа развития психики в целом. Кроме того, анализ исследуемого материала дает возможность (в отличие от существующих теорий) сделать вывод о единстве корней человеческого мышления и речи и предположить антропогенетический «момент» функционального разграничения правого и левого полушарий мозга.

Анализируемый материал приводит к необходимости различения понятий «психика» и «психология» человека в их функционально-иерархической связи.

Автор выражает глубокую благодарность доктору филологических наук, завсектором психолингвистики Института языкознания РАН Е.Ф. Тарасову за внимание к работе и обсуждение ее основных положений.

Автор благодарен В.А. Мазлумянову за помощь при подготовке работы к печати.

Москва, 2008 г.

Происхождение человеческой речи остается тайной.

Ш. Уолберн

Как человеческое существо приобрело способность
к «сообщающему поведению» и как это
«сообщающее поведение» приняло форму речи?

А. Кендон

Введение

Происхождение человека — одна из научных проблем, волнующих мысль даже на фоне захватывающего сегодня духовного прогресса цивилизации. Она порой незримо присутствует в контексте не только археологии, антропологии, сравнительной и зоопсихологии, философии и др. наук, но естественно оказывается одним из фундаментальных оснований христианской религии, постулирующей создание человека Богом.

Христианский постулат о том, что «в начале было слово» обычно привлекал внимания меньше других; однако именно он представляется наиболее значимым в плане происхождения человека. И именно он получает определенный резонанс в теории Ф. Энгельса, утверждающего, что «сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» [67, с. 490].

Ниже мы попытаемся показать моральную справедливость христианского положения и научную прозорливость постулата Ф. Энгельса, так гармонично сочетающихся между собой.

Фило- и антропогенез психики — отнюдь не праздная или бесперспективная проблема в составе наук человековедения, где, помимо археологии, палеонтологии и этнологии, работают такие [наиболее близкие к данной проблеме] науки, как антропология, палеопсихология, палеоневрология, сравнительная и даже зоопсихология. Однако в последнем случае наблюдается тенденция приблизить некоторые психические способности антропоидов к человеческим — в качестве своеобразных «мостиков» перехода высшего интеллекта животных к низшему уровню человеческого сознания. Но при этом характеристики смежных ступеней остаются статичными и, несмотря на многочисленность описываемых

экспериментов, не прослеживается, каким путем одно состояние психики могло «перейти» в другое.

Существует немало гипотез по поводу причин и условий этого замечательного «перехода». Но каким образом он мог осуществиться? Именно этот аспект представляется на сегодняшний день наиболее интересным.

Современные языки – безусловно, результат длительного развития – представляют собой знаково-социальное явление со сложно организованной речью. В настоящее время система языка представляется (с вариациями по конкретным языкам) в виде многоуровневого иерархически организованного образования, где «норма» и «структура» образуют единство собственно языка как социальной «системы знаков», противопоставленной «речи» – уровню индивидуальных речевых произведений и их элементов (см. схему 1).

«язык»	структура	фонема	морфема	лингвистический знак	конструкция синтаксем
	норма	аллофон (звукотип)	алломорф	словоформа	«предложение»
	речь	звук (фон)	морф	реализация лингвистического знака	высказывание

Схема 1. Уровни языковых единиц и уровни лингвистического анализа

По горизонтали – уровни языковых единиц, по вертикали – уровни лингвистического анализа. На схеме не представлена систематика каждого уровня, а также систематика взаимоотношений между планом выражения и планом содержания языка. В целом по вертикали соотношение между уровнями следующее: а) от структуры к норме – отношения модели и ее воплощения, б) от нормы к речи – отношения языковой единицы и ее реализации.

Уровень нормы является центральным как для сознания носителей языка, так и для исследователя, так как уровень структуры всегда есть абстрагирование одной из ее сторон (единица в норме есть единство субстанции и формы); а речь во всей своей

изменчивой сущности базируется на единицах и отношениях нормы.

По горизонтали слева направо показаны уровни единиц разного ранга: а) уровень элементарных единиц (звуковых дифференторов, фигур – для большинства языков – фонем), б) уровень знаков (необходимо отметить специфику знаковой функции морфем: в качестве структурно-смысловых модификаторов слов они имеют преимущественно внутрисистемную значимость; поэтому собственно знаками можно считать лишь единицы лексического уровня), в) уровень синтаксем (ср. предложения, по Э. Бенвенисту). Так как предложение не является номенклатурной единицей языка, термин «предложение» может означать лишь нормативную сочетаемость лексических единиц по образцам лексико-грамматических конструкций. «Высказыванием» названы коммуникативные речевые единицы, создающиеся на базе единиц языка и оформляемые по правилам грамматической и лексической сочетаемости. «Высказывание» и «предложение» не всегда соответствуют друг другу, даже если под «предложением» иметь в виду цельную лексико-синтаксическую единицу: первое понятие шире и включает все виды возможных коммуникативных единиц в речи, в то время как «предложение» соответствует лишь определенному набору их структурных типов.

Систематика языка на уровне структуры в значительной степени определяется системой отношений в нем (отношения, создающие а) модели единиц и б) целостность системы). Последние можно свести главным образом к трем типам: 1) межуровневые, 2) внутриуровневые и 3) знаковые.

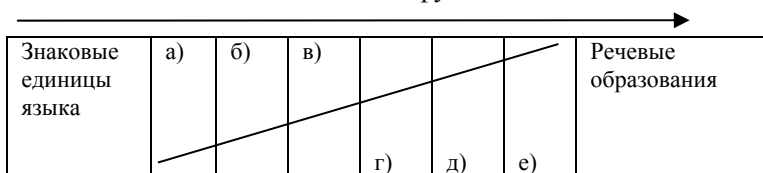
1. Межуровневые отношения – отношения между единицами разных рангов – Э. Бенвенист назвал иерархическими, подчеркивая при этом функциональную зависимость низших уровней от высших (так как значение и структура низших единиц обусловлены их вхождением в соответствующую высшую единицу).

2. Внутриуровневые отношения могут быть разбиты на три подтипа: а) парадигматические – функциональная противопоставленность одноранговых единиц в пределах своей подсистемы, б) синтагматические – отношения совместной встречаемости одноранговых единиц в пределах единицы соответствующего высшего ранга и в) дистрибутивные – отношения вариантов в пределах функциональной единицы.

3. Знаковые – отношения между планом выражения и планом содержания языка, проявляющиеся, в частности, между двумя сторонами лингвистического знака и единицами высших рангов.

По схеме 2 видно, что природа знаковых отношений изменяется с изменением ранга языковых единиц. При этом можно различать собственно знаковые отношения как заданные системой и ономаσιологические отношения, создаваемые в речи. См. схему 2.

Системная заданность знаковой функции:

Ономаσιологические отношения:

Схема 2. Знаковые функции в языке: а) морфема, б) слово, в) фразеологизм, г) свободное словосочетание, д) высказывание, е) сверхфразовое единство.

По схеме видно, что с уменьшением ранга единиц системная заданность их знаковой функции увеличивается; с увеличением ранга единиц она уменьшается, и здесь мы вступаем в область ономаσιологических отношений. Соответственно, в первом случае уменьшается, во втором – возрастает фактор индивидуальной мотивированности языкового обозначения².

Вся сложная систематика языка со всеми рангами единиц и типами отношений используется коммуникантами для обозначения и восприятия некоторой информации. Говорящий имеет целью поставить в соответствие некоторому звучанию определенное содержание, и именно так, чтобы содержание это а) (чаще всего) было понятно слушающему, б) (соответственно с а) было выражено

² Парадигматические и синтагматические отношения единиц опираются, в основном, на их знаковые отношения. Структура языка, таким образом, оказывается областью соотношения моделей и значимостей.

максимально адекватно и в) оказало определенное воздействие на слушающего.

Все это совершается в речи, и, в частности, в высказывании как коммуникативной единице речи, базирующейся на существующей системе единиц и их отношений. Важнейшую функцию при этом выполняют знаковые отношения языка, главная особенность которых заключается в двойственном характере их природы и в адекватном (в значительной степени) подходе коммуникантов к их оценке. Последний фактор играет решающую роль при создании и расшифровке ономаσιологических отношений в высказывании. Именно ономаσιологические отношения между двумя сторонами высказывания с опорой на контекст, ситуацию и пресуппозицию оказываются носителями конкретного смысла в речи³.

Таким образом, знаковые отношения являются важнейшим видом отношений в языке. Они специфичны и неоднородны на разных уровнях. В определенном смысле знаковые отношения определяют структуру и специфику языка, а через соотношение структур обоих планов – и форму речи. С другой стороны, знаковые отношения в языке изначальны и телеологичны: системная знаковость служит базой для взаимопонимания людей, создаваемые же на их основе ономаσιологические отношения в тексте являются продуктом речетворческого процесса, имеющего целью выражение определенного смысла. Можно сравнить характер знаковой функции единиц разного ранга (см. схему 2).

1. *Знаковая функция морфем* отличается а) системной замкнутостью, то есть направленностью значения морфем на языковую систематику (здесь надо искать основное отличие морфем от служебных слов); б) несамостоятельностью функционирования в речи; в) системной заданностью, устойчивостью семантического содержания (системное функционирование обуславливает относительную стабильность их значения).

2. *Знаковая функция слов* характеризуется: а) отсутствием системной замкнутости (ориентирована вовне системы), б)

³ В высказывании соотношение значений языковых единиц в условиях контекста и ситуации образует некоторое содержание; последнее в сочетании с пресуппозицией, а также при ассоциации с представлениями, понятиями и целыми информационными блоками сознания обретает для коммуникантов смысловую значимость (реальный смысл).

относительной независимостью в речевом процессе, в) значительной подвижностью семантического содержания в речи, особенно в ономаσιологическом ряду (синонимические замены, переносы).

3. *Знаковая функция фразеологизмов* – та же, что у слов, но момент произвольности в ономаσιологическом ряду может быть сильнее, так как это всегда образно-стилистическая синонимизация системных знаковых единиц (доминантного понятия).

4. *Знаковая функция свободного словосочетания* а) заключается в продуцировании и формировании (не всегда свободном, но часто по образцам таксономической системы) содержательных кусков высказывания, б) представляет собой преимущественно простой (линейный) ряд семантических связей, но в) с элементами модальности.

5. *Знаковая функция высказывания* заключается а) в объединении линейных семантических рядов перекрестными семантическими связями и б) в наложении сверхлинейных («супрасегментных») ярусов предикативности, контекста и пресуппозиции, формирующих ономаσιологические отношения в пределах смыслового целого.

6. *Знаковая функция коммуникативного единства* (сверхфразовое единство и текст) а) заключается в создании сложного (высшего для данного коммуникативного акта) логического и/или эмотивного смысла на базе взаимодействия исходных простых смыслов, входящих в единство высказываний, б) включает выбор стиля и типа сочетаемых коммуникативных единиц в зависимости от условий и цели коммуникативного акта (в том числе от намерения говорящего оказать то или иное воздействие на слушающего), в) характеризуется тема-рематическими отношениями между смысловыми частями.

Из сказанного ясно, что высказывание является узлом и основным базисом для создания ономаσιологических отношений (в речи). Это минимальная единица коммуникативного процесса, в которой знаковые отношения системных единиц, преобразуясь в ономаσιологический ряд линейных и перекрестных семантических связей, в ассоциации с контекстом ситуации общения и пресуппозицией порождают некоторый коммуникативно значимый смысл. Взаимодействие двух планов языка в процессе его функционирования именно в меру подвижности знаковых

отношений в коммуникативном процессе создает свободу и адекватность речевого выражения. Подвижность знаковых отношений, в общем, обусловлена языковой системой как социальным орудием человеческого общения и мышления; однако ее реализация, определяющая кванты творчества в речевом процессе, в значительной степени субъективна и зависит от а) языковой способности говорящего, б) речемыслительного соотношения коммуникантов и в) ситуации общения – в том числе, предмета речи⁴. При этом весь механизм языка, функционально нацеленный на коммуникативную экспликацию смысла, оказывается фактически используемым и направленным на продуцирование высказывания.

Современное высказывание как единица коммуникативного процесса является основной формой речевого самовыражения человека по поводу некоторой ситуации. Функционально оно приближается к сигналам животных – их естественной реакции на ситуацию, использующейся для регуляции поведения в группе. Не описывая коммуникативные средства животных (это сделано в специальных работах), отметим, однако, их основные общие характеристики в интересующем нас ракурсе. Это: 1) нерасчлененность и непродуцируемость сигнала-сообщения, 2) естественность и, отсюда – однозначность связи между звучанием и значением, 3) замкнутость коммуникативной «системы» (число возможных сообщений не превышает исходного набора сигнальных знаков), 4) отсутствие противопоставления «языка» – «речи», 5) отсутствие структурности как в номенклатуре сигнальных знаков, так и в самом сигнале-сообщении, 6) возможность рассмотрения номенклатуры сигнальных знаков и сигналов-сообщений как, соответственно, психической и психофизиологической сторон коммуникативной способности животных.

Если сигналы-сообщения животных есть механическая реализация, воспроизведение номенклатурных сигнальных знаков, то современные высказывания человека, базируясь на всей системе языка, характеризуются структурной сложностью звукового плана и тонкой многоуровневой структуризацией выражаемого содержания.

⁴ В частности, ситуацией общения обусловлен выбор конкретного типа коммуникативной единицы: от междометия до сложного коммуникативного единства типа сверхфразовой единицы и текста.

Высказывания не заданы в системе, и продуцирование их представляет собой сложный психофизиологический процесс, обеспечивающий неограниченные возможности передачи информации.

Таким образом, при общности основной функции (экспрессивно-регуляторной), между сигналами животных и высказываниями современного человека существует отличие как в отношении структурной сложности коммуникативной единицы, так и в плане возможностей выражения содержания.

Теория эволюционного развития человека (данные палеонтологии, археологии, палеоневрологии, сравнительной психологии, эволюционной физиологии и др.) представляют современный уровень развития человека как результат длительной эволюции всего организма, его мозга и сознания – от древнейших примитивных форм через некоторые промежуточные ступени к современному состоянию. Безусловно, параллельно с этим процессом шел и процесс формирования языка – основы мыслительной деятельности и важнейшего средства общения людей.

Мнение известных лингвистов и психологов о развитии человеческого языка от нерасчлененных звуковых комплексов к их расчленению и структурной организации можно поставить в прямую связь с развитием человеческого мышления; а последнее находится в естественной связи с развитием производства, общественных отношений, культуры, науки.

Трудовая теория Ф. Энгельса, дающая вполне вероятную трактовку развития общественного человека, его сознания и речи в условиях коллективного труда, стала наиболее признанной в современной науке.

В «Диалектике природы» Ф. Энгельс пишет: «Наши обезьяноподобные предки... были общественными животными... Начинаясь с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперед кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства... Формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась потребность что-то сказать друг другу. ... Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг» [67, с. 490].

Труд, общество, интеллект, членораздельная речь – это основные характеристики, выделяющие человека в животном мире. Они не были присущи человеку изначально в их современном виде. Развитие их происходило постепенно и означало одновременно и развитие самого человека.

Из сказанного ясно, что человеческий язык должен был развиваться из первоначального состояния, близкого к коммуникативным системам животных. В работе «Проблема глоттогенеза в современной науке» А.А. Леонтьев пишет: «...от форм коммуникации в животном мире к собственно человеческому языку современности тянется цепь каких-то переходных способов общения» [53, с. 143]. Таким образом, в настоящее время постулат об изначальной примитивности коммуникативной системы наших предков, ее близость к коммуникативным системам животных не требует особых доказательств. Именно развитие психики и социальности создало человека и человеческое общество. Но в каких условиях это все происходило? Каковы были направление и этапы этого развития? Нас, лингвистов, естественно, не устроит общий археолого-антропологический подход, постулирующий соответствие общих типов речевого выражения уровню материальной культуры и производства, или чисто механическое представление развития речевого выражения от звука к слогу, от слога к слову и от него – к предложению, ибо в этих подходах не содержится функционального анализа этапов развивающегося языка.

Представляется, что адекватную картину интересующего нас процесса можно получить при его функционально-генетическом рассмотрении. Мы подходим к изучению этого процесса 1) с позиций классиков о развитии языка как материальной основы мышления в процессе трудовой деятельности людей, 2) при генетическом осмыслении идеи А. Мартине о двойном членении как уникальной характеристике человеческой речи и 3) с идеей В. Гумбольдта и В. Вундта о предшествовании «предложения» слову.

Все это неизбежно вводит нас в проблематику антропогенеза.

В последнее время у некоторых авторов наблюдается явная тенденция приблизить психические способности антропоидов к человеческим. В убеждении, что высшая ступень интеллекта непосредственно предшествует низшей ступени сознания в

поведении понгид, видят чуть ли не человеческие способности, допуская, по-видимому, что эти черты «высшего» интеллекта могут служить непосредственным мостиком для перехода к низшему уровню сознания.

Но характеристики смежных ступеней остаются статичными, и, несмотря на многочисленность описываемых экспериментов, не прослеживается, каким путем одно состояние психики могло перейти в другое.

Опираясь на работы классиков, мы попытались проанализировать этот процесс с позиции психолингвистики, не претендуя на единственное или окончательное решение проблемы. Описываемые в известных работах интеллектуальные способности понгид предстают в следующем виде: животные могут выделять ядро решения задачи «во внутреннем плане представления», отражать результат промежуточного действия и его отношение к конечной цели; сверх того, они также обладают «сложным репертуаром свободных операций», применяемых в различных сочетаниях для выполнения конкретной деятельности.

В контексте предлагаемых в данной работе представлений всю активность антропоидов можно трактовать как реализацию фрейм-моделей ситуативного поведения или несколько более высокого эмотивно-смыслового выбора. При этом «ядром» задачи оказывается не что иное, как инстинктивно-биологическая цель, которая представлена в наглядной ситуации, элементы сложного поведения (часто называемые «операциями») – это реализация более простых фрейм-моделей из прошлого опыта, которые «апробируются» применительно к формо-пространственным отношениям конкретной ситуации, так что результат промежуточного «действия» оказывается вполне наглядным. А то, что все описываемое сложное поведение происходит в рамках наглядной ситуации, не отрицается никем.

В экспериментальной обстановке частые и близкие по типу опыты позволяют животному «с ходу» придумывать неожиданное решение новых задач. Более того, на базе простых фреймов может спонтанно осуществиться новый вид активности, интегрирующий прошлые навыки и оказывающийся «находкой» данной особи.

Таким образом, в любом случае проявляется ситуативная связанность мышления животных. И в этом плане высший интеллектуальный уровень животных, вероятнее всего, отличается

от низшего наличием эмотивно-смыслового выбора и возможностью интеграции элементарных фрейм-моделей из арсенала прошлого опыта.

У антропоидов, в действительности, есть представления объектов и ситуативных отношений, автоматически вызывающие соответствующее поведение. Эти ситуативные фреймы и их сочетания в процессе жизненного опыта накапливаются в большом количестве, но у животных нет возможности оперировать этими представлениями – без опоры на соответствующую символизацию (ср. каких успехов именно в этом отношении добились некоторые экспериментаторы).

По-видимому, только на уровне низшего сознания, уже в какой-то мере опирающегося на символизацию, можно говорить о свободном от конкретной ситуации оперировании представлениями. Древняя биологическая символизация в условиях ситуативной деятельности под руководством лидера, постепенно преобразуясь, обрела новый психический статус как средство фиксации представлений и передачи их в коммуникации, а также в качестве опоры в процессе мышления – что привело к развитию не только практической деятельности, но и всей психики в целом.

В свете сказанного, по-видимому, сегодня нет необходимости в антропоморфизации поведения понгид, тем более что появление постулируемых способностей остается совершенно необъяснимым в плане филогенеза.

1.1. Об уровнях психики. Фреймовское мышление. Эмотивно-смысловой выбор

Врожденная связь организма со средой обеспечивается простейшей функциональной системой, базовым компонентом которой является генетическая запись биологически значимых факторов; при их возбуждении автоматически включается соответствующая реакция организма – безусловный рефлекс (БР). Онтогенетически на эту первоначальную связь накладываются психические ассоциации, опосредствующие ее и формирующие таким образом условный рефлекс (УР) как средство индивидуального приспособления организма к изменяющимся условиям среды (поэтому прекращение соответствующих

воздействий на организм может привести к ослаблению и даже затуханию условных рефлексов)⁵.

На низшей ступени развития животных организмов инстинкт самосохранения осуществляется через функционирование этих двух связей; при этом базовый компонент генетической, как и индивидуальной, памяти скорее всего представляет собой разновидность голографической записи, активность которой обеспечивается воздействием «когерентного луча» – раздражителя, вызывающего соответствующую реакцию (ср. [87]). Назовем ее *функцией Основной голограммы или «голограммы существования»*.

Усложнение психических ассоциаций в процессе активизации поведения животных, играющее значительную роль в эволюции, приводит к формированию образного восприятия и представлений, повышающих уровень ответа животного от безусловного рефлекса – через условный – до все более усложняющихся реакций выбора. При этом собственно психическая работа заключается, в частности, во включении в эту цепь все новых ассоциаций, расширяющих опосредствование связи организма со средой и формирующих уже более абстрактные, психологические сущности.

Начиная с работ А.Н. Леонтьева принято различать несколько стадий (ступеней) психики. Сам А.Н. Леонтьев в своем капитальном труде «Проблемы развития психики» разграничивает сенсорную, перцептивную, интеллектуальную стадии развития психики и стадию сознания [55]. В дальнейшем на этой основе предлагались сходные, но несколько отличные градации; например, сенсорно-перцептивный уровень психического отражения, уровень представлений и вербально-логический; четыре ступени восприятия мира по А.В. Ерахтину [35] и др. Мы будем исходить из базисной системы А.Н. Леонтьева.

Так, у кольчатых червей с сенсорной психикой (вернее, на грани сенсорной и перцептивной) инстинктивной двигательной реакцией на уровне ощущений обеспечивается уподобление форме объекта. При этом взаимодействие с изменяющейся средой может закрепиться в виде условного рефлекса⁶.

⁵ Кроме того, различные травмы могут вывести из строя какие-то звенья психических ассоциаций, упрощая связь: раздражение – реакция, в результате чего происходит ее деградация.

⁶ По И.П. Павлову, индивидуальное приспособление существует во всей

Большинство позвоночных характеризуется перцептивной психикой, при которой на основе развития дистантного восприятия (особенно зрительного) и интегративной активности основных органов чувств формируются образы отдельных предметов, а процессы дифференциации и обобщения приводят к возникновению обобщенных образов, фиксируемых в индивидуальной памяти в виде «чувственных представлений». Активность поведения по принципу проб/ошибок осуществляется в соответствии с формой предмета, закрепляя двигательные навыки в качестве рефлексов, приводящих к удовлетворению потребностей животного⁷.

Однако активность филогенетически продвинутого уровня не исчерпывается рефлексорным поведением. Она обеспечивает адекватное поведение животного в проблемной ситуации за счет переноса целых операций из арсенала прошлого опыта в новую ситуацию (обезьяны и другие наиболее развитые позвоночные, например птицы, особенно врановые). А.Н. Леонтьев считает способность «широкого переноса операций» одной из двух основных характеристик этого уровня психики. И это уже – стадия интеллекта.

На этой стадии «выбор» реакции оказывается не простым включением отдельных двигательных навыков, соответствующих форме конкретного предмета, так как животное уже воспринимает не только форму предметов, но и формо-пространственные отношения между компонентами ситуации; функция психики здесь заключается в выборе реакции, соответствующей именно формо-пространственным отношениям в ней⁸. Именно так на новом уровне *Основная голограмма* осуществляет инстинкт самосохранения и продолжения рода (основной генетический закон). Внешнее воздействие и ответ организма фиксируются в памяти как единое событие. При поведении типа проб/ошибок в памяти фиксируются

истории развития животного мира [78]. См. также [94]. К.Э. Фабри отмечает, что «врожденное и приобретаемое поведение не являются последовательными ступенями эволюционной лестницы, а развиваются и усложняются совместно, как два компонента единого процесса» [112, с. 180].

⁷ «В основе всех форм эволюции лежит способ проб и ошибок» [124, с. 39].

⁸ Формо-пространственные представления являются фундаментом двигательной активности в трехмерном мире и на всех высших уровнях организма, включая человека.

главным образом положительные результаты активности, как индивидуальные «жизненные смыслы» *ситуативно-поведенческих фреймов*, определяющих дальнейшее поведение животного. На каком-то этапе окружающая среда оказывается представленной в мозгу обезьяны в виде набора фреймов как совокупностей ситуативно-признаковых отношений, ассоциированных с определенной активностью⁹. Обезьяна как бы «примеривает» к реальной ситуации соответствующий фрейм. Это происходит неосознанно в виде некоторого резонансного ответа голографической записи в памяти на воспринимаемую ситуацию. При этом выделяется диссонансный узел, вызывающий некоторый шаг активности со стороны обезьяны. Но самое важное здесь то, что обезьяна может в принципе абстрагироваться от предметного содержания ситуаций, обобщая формо-пространственные отношения в них, что и расценивается как «широкий перенос операций» с одной ситуации на другую (способность к обобщению и абстракции *in concreto* у обезьяны отмечал еще И.П. Павлов).

Подобную активность обезьяны нельзя назвать действиями в полном смысле этого слова. С понятием действия тесно связано целеполагание и воля. Но, как писал А.А. Леонтьев, обезьяна не может предвидеть заранее результат своего «действия», если оно совершается впервые [52]. Более того, она не воспринимает изменение ситуативной обстановки как результат своих манипуляций [74]. Значит, о целеполагании здесь не приходится говорить¹⁰. Но и о проявлении воли, по-видимому, – тоже: этот важный атрибут действия (как элемента деятельности) формируется на следующем, филогенетически более продвинутом уровне взаимодействия организма со средой. А пока активность обезьяны – лишь проявление инстинкта удовлетворения биопотребности, и функция психики заключается в согласовании ответной реакции с ситуативными отношениями. На этом уровне психики этологи

⁹ В определенном смысле близко к этому функционирование фрейм-структур в синхронном срезе современного языкового сознания [47].

¹⁰ Интересна, однако, приспособительная активность попугаев кеа в Новой Зеландии, которые большей частью без проб/ошибок решают не только естественные задачи, но и головоломки, предлагаемые экспериментатором. Д. Этгенборо считает, что их мыслительные способности соответствуют уровню развития ребенка.

считают возможным для обозначения активности животных применение термина «поведение» [51].

Вторая черта интеллектуальной психики, по А.Н. Леонтьеву, это двухфазная деятельность: первая фаза – подготовка и вторая – осуществление. А.Н. Леонтьев отмечает, что во время первой фазы животное не имеет в виду свою последующую операцию, так как «оно не способно представить себе ее» [55, с. 259]. Таким образом, вторая фаза как будто не зависит напрямую от первой.

Тогда что же такое двухфазная активность животного? По-видимому, хоть обезьяна и не представляет себе свою последующую операцию, все же осуществление первой фазы – это не простой автоматизм и не случайные пробы-ошибки (А.Н. Леонтьев отмечает, что первая фаза отвечает объемному отношению между вещами, то есть формо-пространственным отношениям в ситуации). Ликвидация диссонирующего узла в наглядной ситуации должна приблизить ее формо-пространственные отношения к соответствующему фрейму в памяти – условие, в пределах которого только и возможно для животного удовлетворение его потребности. Таким образом, на этом этапе фрейм оказывается моделью «потребного будущего», по Н.А. Бернштейну [7]¹¹. Фреймовская активность может осуществляться на основе голографической записи опыта в памяти, соответствующий участок которой активизируется в ответ на «когерентное воздействие» конкретной воспринимаемой ситуации, что включает соответствующую функциональную систему как ответ Основной голограммы (голограммы существования)¹².

¹¹ Г.Г. Филиппова говорит о действии «обобщенных ситуативных фреймов соотношения предметов по размеру и форме (которые сформировались в процессе предшествующих опосредованных действий с объектами и теперь используются в целевом действии)» [114, с. 86].

¹² В контексте «сферической» модели интеллектуальных операций Е.Н. Соколова использование прошлого опыта в соответствующей ситуации можно представить себе как реализацию активности определенного нейронного ансамбля соответствующей функциональной системы – одной из составляющих в гиперсфере ее многомерного пространства. При этом «обнаружение цели» определяется близким совпадением активизированного содержания памяти с восприятием [99, с. 55]. Представляется, что именно голограмма может быть разгадкой

На этом уровне пробы и ошибки продолжаются, пока результат не приведет к полному совпадению наличной ситуации с фреймом. Причем, пока первый шаг не реализован (и обезьяна не видит измененной ситуации), она не представляет себе следующего шага: у нее чисто предметное мышление; нет знакового обозначения, на которое она могла бы мысленно опереться. Но пробы/ошибки на перцептивном уровне и на уровне интеллекта – разные вещи. В первом случае они могут привести к случайной реализации потребности инстинкта, во втором – это попытки приведения ситуативных отношений к определенной фреймовской модели.

По мнению Н.Н. Ладыгиной-Котс, шимпанзе вообще не способны к установлению мысленной связи между явлениями [49] Но, по С.Л. Новоселовой, у обезьян при научении формируется «обобщенный базис действий», разное сочетание компонентов которого позволяет им без многократных предварительных проб и ошибок находить решение очень сложных задач в «деятельностной ситуации»; при этом сигналом к последующей активности обезьяны оказываются новые формо-пространственные отношения в ситуации – результат ее прошлых «действий» [74] На наш взгляд, умножение фреймовских моделей в условиях постоянно проводимых сходных, хоть и усложняющихся, экспериментов приводит к активизации близких фреймовских записей в памяти обезьяны, что дает возможность выбора верного решения задачи без предварительных проб/ошибок. Это и есть тот «обобщающий базис действий», который является «интеллектуальной основой деятельности» и который можно считать «поступательным развитием» интеллекта обезьяны *в условиях эксперимента.*

опережающей активности на уровне инстинктивного поведения.

Работы по объемной голографической памяти в технике ведутся с 1960-х годов. «В ЭВМ каждый квант информации характеризуется значением и адресом (для выборки из памяти), а в мозгу – лишь значением (а выборка из памяти осуществляется ассоциативно из структур голограмм)» [120, с. 20]. Здесь ответ и на опережающую физиологическую активность растений перед зимним периодом. Этому не противоречит и теория Ю. Конорского о формировании в течение жизни животного и человека специфических гностических нейронов, избирательно возбуждающихся стимулами определенной конфигурации [44].

Еще больший прогресс в этом плане достигается в условиях словесной дрессировки животных, а также при обучении шимпанзе амслену. Однако естественное и филогенетически результативное развитие умственной деятельности происходило в совершенно иных, определенных условиях ситуативной активности наших предков (об этом речь пойдет дальше). Таким образом, общее поведение организмов (и не только высших) не исчерпывается автоматической реакцией (безусловной или условной) на предъявляемую ситуацию. В ответ на незафиксированную в памяти ситуацию следует реакция проб/ошибок с фиксацией положительных образцов поведения, что обогащает память новыми моделями активности.

По-видимому, фреймовские модели могут усложняться в онтогенезе в результате *интеграции «простых» фреймов в сложные поведенческие структуры* – впрочем, функционально адекватные простым фреймам¹³. Но и фреймовским поведением не исчерпывается интеллект филогенетически продвинутых видов. Ориентировочный рефлекс как активный поиск жизненно значимых для организма возможностей, помимо фактов научения путем усвоения новых фреймовских моделей, может обуславливать довольно высокий уровень выбора поведения в конкретной незапрограммированной ситуации, который оказывается результатом сложной психической опосредствованности как пути выявления биозначимости данной ситуации.

У высших это далеко не всегда выбор из ряда готовых вариантов, но часто поиск ассоциативных путей решения задачи с формированием незапрограммированных связей между новыми агентами среды (или новым их соотношением) и Основной голограммой. Именно так представляется суть того, что И.П. Павлов называл «ручным мышлением». На этом пути порой наблюдаются индивидуальные находки животных с элементами «творчества», как например, у японских макаков или у шалашника, украшающего свое гнездо, так сказать, «на свой вкус», где уже проявляются эмотивно-смысловые ассоциации особи, определяющие для нее значимость воздействующего или

¹³ Притом, что и сами рефлексорные реакции (даже безусловный рефлекс) имеют весьма сложную структуру [123].

присутствующего фактора. И такое поведение может осуществляться не только в связи с конкретной наглядной обстановкой, но и в соответствии с контекстом укрупненной, может быть, даже перспективной ситуации, включающей данную ситуацию как ее часть. Ранг ситуации при этом укрупняется за счет расширения ее естественного контекста, по-видимому, также фиксируемого в голографической записи прошлого опыта¹⁴.

Таким образом, можно отметить явный филогенетический прогресс психики от а) примитивных проб/ошибок, через б) чисто фреймовское поведение к в) «ручному мышлению» с более сложным поведением в контексте предметной ситуации. Но еще более активным представляется мышление животных в межиндивидуальном и межгрупповом общении. В «бытовых» ситуациях в отношениях между особями, где надо предвидеть тот или иной ответ «оппонента» (члена группы или врага), происходит отход от жестко фреймовского поведения.

В этих случаях можно в принципе говорить даже об определенном осмыслении животным своего поведения. Например, обезьяна, ведущая психологическую игру за самца в стае, или птица, пытающаяся увести врага от гнезда, притворяясь раненной. Все они представляют себе ответную реакцию. Это – активное *эмотивно-смысловое поведение*¹⁵. Осуществляется оно, конечно, на базе глобального ситуативного мышления, но здесь уже нет однозначности фреймовской модели и механистичности ее воплощения. Выбор поведения происходит на основе вероятности той или иной реакции, ожидаемой в ответ (не является исключением и поведение хищников: крокодил, например, прекращает охоту на зебру, если риск слишком велик).

¹⁴ Субъективная содержательность психических сигналов является еще одним важным и специфическим моментом для их противопоставления рефлекторным функциям. Последние, впрочем, тоже могут быть упреждающими – именно вследствие голографической записи ситуации, так как возбуждение какого-либо ее участка «текущей ситуацией» может активизировать всю запись соответствующего опыта, определяя тем самым возможное разворачивание событий.

¹⁵ С повышением психического уровня «осмысление» обретает все большую содержательность для индивида, максимально развитую у человека.

Итак, фреймовская психика механистична: полное соответствие ситуации фрейму механически вызывает определенное поведение. А эмотивно-смысловой выбор содержит некоторый элемент произвольности по отношению к фрейму, так как здесь происходит мысленное сопоставление воздействия с перспективным ответом (конечно, под контролем Основной голограммы). И это уже можно назвать *психологией, то есть социально ориентированной психикой*. Таким образом, можно дифференцировать жестко фреймовское поведение при контакте животного с неживой природой (здесь ситуация не перспективна, она сразу задана) и эмотивно-смысловой выбор – в контакте с одушевленным миром. Во втором случае также может быть запрограммирован набор некоторых ответов в моделях памяти; хотя все же превалируют не формо-пространственные представления, но вероятностные связи между действием и ответом, поэтому мышление здесь более подвижно¹⁶.

Особенно интересно поведение подопытных шимпанзе, которые даже шутят с воспитателем в предвкушении его реакции. Ведь здесь совсем нет биологической выгоды, и маловероятна запрограммированность ответной реакции – по крайней мере, в первый раз. Этот чисто социальный межиндивидуальный контакт – явный образец того, что эксперимент развивает психологические способности обезьяны.

Таким образом, фрейм не является единственной моделью поведения на уровне интеллектуальной психики животных. Правда, в эмотивно-смысловом выборе еще есть что-то от фрейма; например, частичная типизация поведения¹⁷. Но неопределенность встречной реакции требует предвидения ее вероятности и выбора в соответствии с этим поведения, которое обеспечит наиболее

¹⁶ В дальнейшем мы увидим, как на уровне Ното с развитием возрастает независимое от Основной голограммы поведение в связи с увеличением в нем роли *вторичных голограмм*, как вторичных, третичных и более высоких ассоциаций между первичными, основанными на непосредственных ситуативных восприятиях. Этот духовный характер вторичных голограмм и отличает человеческую психику от психики животных.

¹⁷ Тот же факт украшения гнезда шалашником сам по себе есть инстинктивная реализация соответствующей фрейм-модели; везде высшие проявления психики опираются на ее низшие уровни.

благоприятное развитие событий. В сравнении с этим: при фреймовском поведении осуществляется ориентация на *фактически представленные* формо-пространственные отношения; здесь же необходимо *умственное представление возможного*, то есть того, чего еще нет в непосредственно наблюдаемой ситуации.

Помимо эмотивного момента (желательность/нежелательность того или иного исхода взаимодействия, его приятность/неприятность, опасность...) в контексте отношений проявляется и волевой момент в достижении желаемого результата.

Однако можно ли говорить о проявлении подлинной воли в этом процессе? Если воля это проявление настойчивости в преодолении препятствий (внешних/внутренних) на пути к поставленной цели, то в данной ситуации мы имеем промежуточную ступень формирования подлинной воли из инстинктивного побуждения¹⁸.

1.2. Ситуативная активность с лидером. Свободно-доречевое мышление

Развитию индивидуальной воли в филогенезе, по-видимому, предшествовал целый период развития и проявления особых нервных функций. Здесь мы встречаемся с очень интересной гипотезой Б.Ф. Поршнева. По его мнению, «родовым всеобщим отличительным свойством семейства гоминид, постепенно отодвигавшимся от троглодитид... стала вторая сигнальная система» [86]. Из недопустимости коллективного труда и общественных отношений на уровне обезьяньего мозга (I CC) автор логически предполагает существование промежуточной функциональной системы как переходного механизма для возникновения коллективного труда и самой речи (II CC). Такой переходный механизм, по предположению автора, должен был сформироваться на базе самой I CC.

По мнению Поршнева, первичной функцией общения было побуждение. Автор считает, что из всех речевых зон мозга самой древней является лобная, в частности, префронтальный отдел. Это дает основание заключить, что у истоков II CC лежит не обмен

¹⁸ По С.Е. Ячину воля интериоризируется индивидом из общества [130].

информацией, то есть не сообщение чего-либо от одного к другому, а особый род влияния одного индивида на поведение другого, особое общение еще до прибавки к нему функции сообщения. Обращаясь к теории А.А. Ухтомского о доминанте как рабочем принципе нервных центров, Поршневу полагает, что еще у прегоминид развитие давних зачатков тормозной динамики нервной системы животных привело к формированию интердикции как механизма, парализующего возможность каких-либо других действий, кроме доминантной. При этом именно нейрофизиологические функции интердикции и суггестии (как высшей ее формы) могли служить тем амбивалентным компонентом, который мог обеспечить регуляцию группового поведения в совместной ситуативной активности¹⁹. Автор придает очень большое значение функции суггестии: «Суггестия противостоит первой сигнальной системе, тому, что диктует организму его собственная сенсорная сфера: она приспосабливается к необходимости найти во внешней среде пути к выполнению заданий, что приводит к развитию корковых анализаторов, перцептивных и ассоциативных систем нового качества. Именно выполнение императивного задания усовершенствовало человеческий мозг» [86, с. 440] (выделено мною. – В.М.).

Представляется, что такие условия могли возникнуть при коллективной активности под руководством вожака (лидера)²⁰. Его роль была значительной не только при установлении стадных отношений, но и в разных видах совместной активности, таких как облава на крупных животных, разделка туши и др. (по-видимому, этот «черешок», по выражению Поршнева, должен быть отнесен к началу коллективной активности уже у поздних австралопитековых).

¹⁹ По-видимому, это сложная межиндивидуальная функция подчинения внушению. Ср.: «Суггестия есть побуждение к реакции, противоречащей, противоположной рефлексорному поведению отдельного организма» [86, с. 197].

²⁰ У Е.Н. Панова в описании племени охотников и собирателей намбиквара лидер именуется то вождем, то вожаком, причем его личные качества определяют судьбу и в конечном итоге последующее процветание либо полное исчезновение племени [80].

Первоначально жест вожака воспринимался в качестве аналога ситуативного раздражителя и обретал функцию побудительного стимула, вызывавшего в группе сородичей опосредованную цепочку ситуативной активности типа ЦСА I: наглядная ситуация 1 + жест вожака → мышечное чувство (ощущение) → мышечная активность → новая ситуация 2²¹. При этом у вожака ведущим моментом активности может быть интенция к организации активности группы (из первичной роли главаря при потенциальной склонности членов группы к подчинению). П.В. Симонов считает, что иерархия возникает не потому, что ее «устанавливают» высокоранговые животные, но потому, что их делает доминантами подчиненное поведение других членов сообщества [96]. И все-таки не надо забывать о пассионариях (по Л. Н. Гумилеву). Вероятно, наиболее ярко проявляются контрастные типы психики при их встрече.

Первые сигнальные знаки вожака-лидера скорее всего были направлены не на новые, особые по сравнению с фреймом, действия, а просто на организацию совместных согласованных усилий в конкретной ситуации. Сигнализация широко распространена в мире животных (и даже растений). Как правило, функцию сигнала выполняют симптом – как продолжение «хозяина», предупреждающий о его присутствии на какой-то территории (биометки, химические выделения животных), или естественные символические самовыражения (пение птиц, ритуалы ухаживания в брачный период; например степень окраса павлиньего хвоста или тип окраски у хамелеонов). В отличие от этого жестовые сигналы вожака в ситуативной активности прегоминид, представляя восприятию образ нужного движения, были не естественным инстинктом или самовыражением; они носили волевой, целенаправленный характер.

Специфика функции организатора, не участвующего в практической деятельности группы, давала ему возможность и время мысленно сравнить фреймовский результат с желаемым. Его ЦСА такова: наглядная ситуация → мышечное ощущение, которое

²¹ В ЦС I мышечное чувство переходит в мышечную активность непосредственно. У Л. Нуаре: «...мышление и действие были первоначально неразрывны» [76, с. 31].

при сигнализации превращается в жест с представлением действия → оценка результата → новый жест. При этом в его представлении должен был происходить принципиальный «отрыв» действия от фреймовского результата. Эти мыслительные повороты (ср. «внутренние повороты», по Н.Я. Гроту [26]) – второй момент, вторая сторона активности вожака, опережавшая «неповоротливость ситуативного действия» [25]. На их основе и в результате обратной афферентации могла развиться способность оперирования представлениями о способах действия и возможных результатах, что в дальнейшем станет основой осознания причинно-следственных отношений. А пока результат ситуативной активности становился предметом самостоятельного обдумывания, давая возможность выбора того или иного действия в условиях наглядной ситуации.

Этот уровень мышления можно назвать *свободным доречевым мышлением*. Именно свобода лидера от конкретной физической активности при наблюдении за действиями группы могла развить у него способность оперирования представлениями – уровень, который оказался ведущим в последующем прогрессе его же мышления.

У животных при инстинктивно-подражательной активности также может присутствовать внешний фактор (например, поведение родителей для детеныша или сигнал вожака, определяющий поведение стаи). Но воспринимается такой сигнал как ведущий признак ситуации и вызывает он лишь соответствующее мышечное чувство, которое по психической природе отражательно-механистично. Соответственно, нет представления как опосредующего уровня, поведение неосмысленно²². Включается предметно-поведенческая модель: фрейм «а» обуславливает поведение «а»₁ в ситуации типа А, приводящее к новой ситуации А₁²³.

²² У животных есть простейшие представления (как обобщенный образ воздействующих сигналов), связывающие воспринимаемый сигнал с Основной голограммой. Но это пассивный «мостик» между сигналом и реакцией организма.

²³ Если, согласно герменевтике, человек в значительной степени включен в ситуацию и поэтому не всегда может осмысленно планировать свою деятельность во всех аспектах, то животное полностью является частью ситуации (сравним известное мнение Н.Н. Ладыгиной-Котс: шимпанзе –

Даже у шалашника, который удивляет нас, крася камешки в гнезде, поведение механически однотипное. Иное дело в ситуации описываемого типа активности прегоминид: здесь связь между ситуацией и поведением опосредуется извне сигналом лидера. Если поначалу жест вожака активизировал действия группы в рамках фреймовской модели поведения, то многократность и императивность его жестов, а также нередкая замена одного жеста другим могли усиливать их оперативность и вносить некоторый момент произвольности в прежнюю механистичность связи: Сит. А – действие «а». (О роли жеста см. также в [20, 135, 137, 138].) И это – первый прогрессивный момент в сравнении с поведением животных.

Второй важный шаг сигнального руководства лидера в подобной ситуации связан с появлением *преобладающего звукового компонента* в нем. Такой сигнал не тождествен звуковому сигналу в животной стае. Звуковой сигнал лидера прегоминид делает связь между ситуацией и поведением еще более условной, по сравнению с жестовым сигналом. Он усиливает элемент произвольности между ситуацией и поведением, так что ситуативная активность для активанта становится еще более свободной и выходит за рамки фрейма. В прежней ассоциативной паре (образ жеста: мышечное чувство) постепенно нивелировался ее материальный компонент и формировалась новая ассоциативная пара (*представление* сигнала: *представление* действия), которая и направляла теперь активность группы. Со временем эта пара, находясь полностью на уровне представлений, обретала функцию двустороннего знака, в принципе уже допускавшего мысленное оперирование ситуативными представлениями. Для самого лидера преобладание звукового компонента в сигнале (обусловленное, возможно, не только внешними причинами), со временем могло привести к развитию речевых центров, что тоже усиливало мыслительную деятельность в виде более свободного оперирования представлениями – сначала в пределах ситуации, а затем и вне нее²⁴.

рабы внешней ситуации) [49]. Его поведение рефлекторно, с элементами волевой интенции в рамках определенного фрейма и элементами эмотивно-смыслового выбора.

²⁴ См. Д. Кимуру о роли жестовой сигнализации правой рукой в развитии речевых центров в левом полушарии головного мозга (по [46]).

Для представителей группы этот момент был очень важен тем, что приводил к постепенному обособлению *цели* конкретного поведения. Теперь образ действия и образ результата уже не компоненты глобальной фреймовской модели, но относительно *свободно соотносящиеся* (через сигнал лидера) *представления*. И это должно было помимо прочего приводить к развитию и укреплению в мышлении самого уровня представлений. С другой стороны, в условиях функционирующего уровня представлений регулирующий сигнал еще больше развивал мышление активанта, и он понемногу начинал связывать результат ситуативного изменения с собственной активностью, что в сочетании с ощущаемой произвольностью связи: «тип ситуации – тип поведения» мог способствовать развитию индивидуальной воли как *осмысленной целенаправленности поведения*.

Представляется, что подлинное практическое *действие* должно характеризоваться как минимум следующими чертами: 1) наличием цели, 2) представлением операции и, возможно, необходимого орудия, 3) осознанием себя как деятеля (что предполагает противопоставление себя ситуации), 4) наличием воли к действию, 5) проявлением воли к совершению действия.

Если безусловный и условный рефлекс действуют по прямой, хоть и сложной, связи: стимул – реакция, а начальный интеллектуальный уровень характеризуется так называемым «ручным мышлением», функционирующим в основном в пределах хранящихся в памяти ситуативно-поведенческих фреймов, то на описываемом этапе ситуативная активность субъекта уже выходит на *мысленное манипулирование ситуативными элементами* (которые раньше воспринимались как признаки глобальной ситуации), обеспечивающее в сложной ситуации под руководством лидера выбор реакций с выходом за пределы фрейма²⁵. Психические

Возможность порождения речи в процессе жестоголосового межиндивидуального взаимодействия рассматривается и Б.Ф. Поршневым [86].

²⁵ Сами фреймы представляют собой сложные голографические образования, объединяющие нейроны и нейронные группы разных типов и уровней функционирования во в разной мере устойчивые нейронные ансамбли. Одни из них (возможно, менее устойчивые) образуют паттерны более конкретных отражений – предметов, движений, ситуаций.

операции теперь поднимаются на более высокий уровень активности, заключающийся уже не только в сопоставлении фреймовских поворотов, но и в ассоциативно-выборочной деятельности по отношению к ситуативным элементам и формирующимся кодам их образов и схем ситуативных отношений. Поэтому именно свободное доречевое мышление (обозначим его M_2 в отличие от ручного мышления M_1) можно считать началом «собственно умственного действия», по П.Я. Гальперину.

Таким образом, M_2 – это новый предметно-деятельностный уровень мышления активанта, при котором вместо прежней ЦСА I (с ручным мышлением M_1) осуществляется ЦСА II: наглядная ситуация 1 – звукожестовый/звуковой сигнал лидера – представление о действии → действие – новая ситуация 2. При этом у активанта формируется новая психическая связь: представление сигнала: представление действия с заменой фреймовского глобального восприятия ситуации на дискретно-предметное.

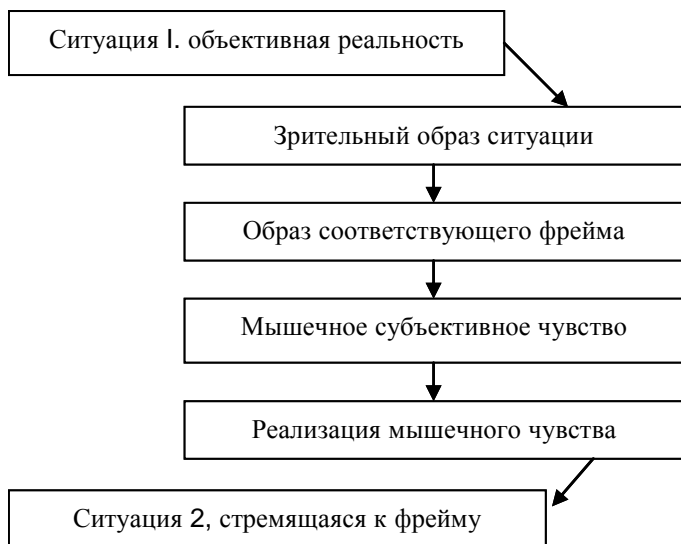
Из сравнения приводимых ниже схем (I и II) видно, что «ручное мышление» (M_1) оказалось исходной точкой развития подлинной интеллектуальной деятельности (M_2), толчком к которой послужил переход к коллективной деятельности под руководством лидера.

Итак, если при M_1 активность обезьян как прямое проявление инстинкта в сложной ситуации является актом, направленным на приближение ситуации к хранящемуся в памяти фрейму, то при M_2 (по-видимому, поздние австралопитековые) благодаря образованию психической пары (представление сигнала: представление действия) индивидуальное поведение постепенно начинает восприниматься как *средство изменения ситуации* в нужном направлении. То есть в представлении появляются более или менее самостоятельные агенты: ситуация 1 – некоторое поведение – ситуация 2, где

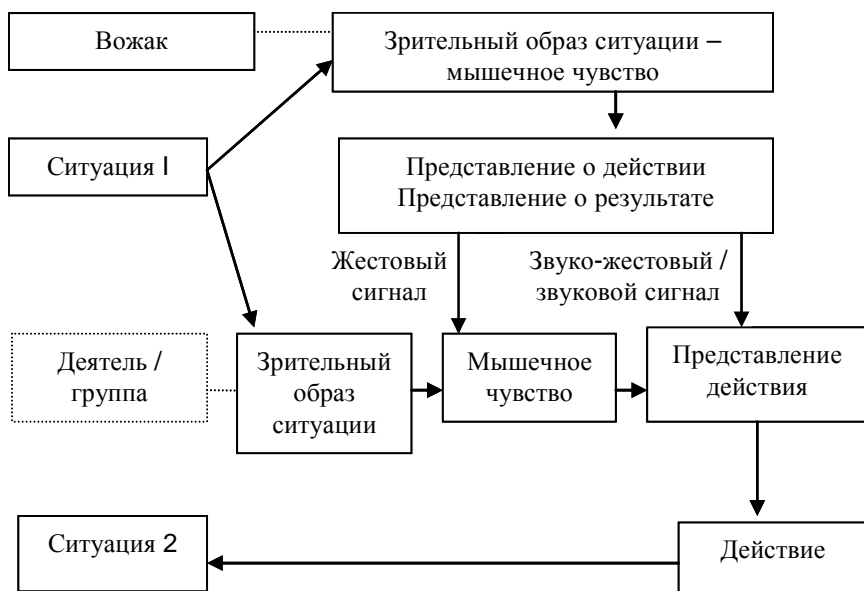
Другие (более устойчивые) – это паттерны соответствующих обобщенных представлений, каждый из которых является как бы центром «облака образов» с варьирующимися нюансами зрительных, звуковых, двигательных характеристик. В онтогенезе они могут обретать более или менее устойчивые эмотивно-смысловые штрихи, носителями которых могут оказаться специальные нейроны или нейронные группы. Эти последние, имея самый прямой выход на Основную голограмму, по-видимому, являются потомками наиболее древнего (раннего) пласта нервной связи организма со средой.

поведение уже может считаться *действием*, которое обретает качество направленности к представляемой или указываемой цели и постепенно облекается чувством воли как двигателем активности субъекта, что в нашем контексте можно трактовать как фактор психического развития индивида в процессе вытеснения исходной суггестии контрсуггестией²⁶. Ср. схемы 3 и 4:

²⁶ Представляется, что воля – это потомок биологической активности ориентировочного рефлекса; это как бы инстинктивная активность, обретшая осмысленное психическое содержание. Она может реализоваться в практической физической активности (конкретные действия, деятельность), в душевной (отношение к людям, природе – с конкретной реализацией) и в духовной (любая творческая деятельность). Сравни интересную идею Д.И. Дубровского о связи акта свободной воли с самодетерминацией субъективной эго-структуры [32].

**Схема 3. Ситуативная активность при М1
(ручное мышление)**

**Схема 4. Ситуативная активность при М2
(свободное доречевое мышление)**

1.3. Роль звуковой сигнализации в психологизации ситуативного поведения

Психическая активность, возникшая на базе ассоциативной пары (представление сигнала: представление действия) в условиях ситуативного контакта с лидером, «растрясла» глобально-ситуативные фреймы, выделяя предметно-операторные элементы ситуации и приводя их в новое мысленное соотношение соответственно с поставленной лидером задачей.

Все моменты свободного доречевого мышления возникают, естественно, в первую очередь у лидера как наиболее одаренного и активного участника ситуативной деятельности, имеющего к тому же возможность в силу специфики своей функции мысленно опережать практическую ситуативную деятельность группы. Именно свободное наблюдение привело к мысленному оперированию элементами ситуативной деятельности и «родило» мысль, идею; а желание реализовать ее посредством активности сородичей вызвало коммуникативный сигнал.

Изображая действие жестом, а часто уже изначально – звуко-жестовым сигналом, лидер представлял себе соответствующий результат заранее²⁷. Благодаря опережающему представлению ситуативной деятельности у него могло появиться и представление о возможных вариантах действий, ведущих к различным ситуативным результатам. Более того, его позиция, вероятно, давала ему возможность не только предвидеть результат конкретного действия, но и представить себе последовательность действий, необходимых для достижения желаемой цели. А это – путь к *планированию деятельности*.

²⁷ Можно встретить мнение, что в стае каждый член не знает что делать, а стая в целом – знает. Но, как представляется, сумма незнаний не может породить знание. Скорее всего, в стае все знает вожак, другие члены ему повинуются или следуют примеру. Так, известен эксперимент с рыбками в аквариуме, однозначно выявляющий наличие лидера [9]. Л.А. Цымбал считает, что информация, открытия, знания продуцируются гениями, а не массой [120]. Известно, что только организованность (самоорганизация) на любом уровне материи ведет к адекватной активности и прогрессивному развитию. Даже в духовной сфере (не говоря о материальном и социальном развитии) людям нужны идеалы и примеры благородства и духовного развития.

Такие возможности можно считать новым, более высоким уровнем интеллектуальной деятельности – с элементами абстрактного мышления.

У деятелей на первых порах свободное доречевое мышление проявлялось в пассивной форме в виде подсознательного манипулирования ситуативной парой (представление сигнала: представление действия), воплощающей биозначимое содержание смысла конкретной операции. Однако именно подсознательные акты соотнесения ситуативных образов с сигналами лидера динамизировали их психику, и постепенно активность ориентировочного рефлекса под руководством лидера превращалась в коллективную деятельность, в которой *действие и общение объединились*. Таким образом, данный анализ приводит нас к подтверждению положения А.А. Леонтьева о том, что речь, еще не будучи «общением во время труда», уже выполняла роль «общения для труда» [53]. И, как мы это видим, с момента ее зарождения она «не прилагалась» к совместной деятельности трудового производства, а являлась «одним из средств, конституирующих эту совместную деятельность».

Представляется, что такой путь развития ситуативной активности должен был способствовать гоминизации наших предков²⁸.

Кратко суммируем сказанное выше. Ассоциация текущего восприятия (комплекса восприятий) с прошлым его воздействием на организм образует внутреннюю психическую связь. Какие-то из

²⁸ Ср. известный постулат Ф. Энгельса о роли труда и речи в превращении обезьяны в человека [67]. В.П. Якимов связывает с началом коллективной деятельности системное использование природных предметов с целевым назначением [128]. Несмотря на факт большого сходства структуры мозга австралопитековых с мозгом антропоидных обезьян, В.И. Кочеткова считает, что «творцами первично преднамеренной подработки *камня* (выделено мною. – В.М.) были представители различных родов и видов африканских прегоминид» [46]. В.М. Хрисанфова же и И.В. Перевозчиков пишут, что «на самых ранних этапах антропогенеза ни масса мозга, ни грубая мускулатура сами по себе еще не дают достаточных оснований для суждения о перестройке мозга в гоминидном направлении, так как она, скорее всего, *первоначально затрагивала нейроны или даже молекулярный уровень*» [119] (выделено мною. – В.М.)

этих ассоциаций («средоустойчивые») формируют безусловные рефлексы как видовую реакцию организма. Менее регулярные, изменяющиеся воздействия формируют прижизненные условные рефлексы. Те и другие функционируют как прямые запрограммированные реакции на воздействие среды (ассоциативная связь выходит непосредственно на Основную голограмму) и являются как бы пассивным ответом на них.

Более сложные реакции связаны с фрейм-моделями; они свидетельствуют о более активном отношении животного к внешней ситуации, не обязательно воздействующей на него. Такую реакцию уже можно назвать подлинным *поведением* [51]. Здесь пробы/ошибки еще не осмысляются, но означают выбор полезной фрейм-модели из арсенала памяти, формируемого при жизни. Это поведение еще относительно механистично, опирается на рефлексы и осуществляется через них. Оно еще глобально-комплексно: отдельные движения не выборочны и не случайны. На этом уровне «мышления» совокупность фрейм-моделей представляет собой для животного его «картину мира» в виде обобщенно-типизированных глобальных формо-пространственных характеристик ситуаций среды. Психически более сложным можно считать эмотивно-смысловой выбор. Он осмыслен в том плане, что пробы/ошибки «осуществляются» в мозгу, и таким образом результат поведения в какой-то мере уже предвидится. Здесь мышление более активно, динамично по сравнению с выбором фрейм-модели, который есть глобальное примеривание ее к формо-пространственным отношениям ситуации. При эмотивно-смысловом выборе воспринимаемая ситуация выполняет функцию «когнитивной схемы» в пределах которой и осуществляется выбор поведения. В результате ее сложных ассоциативных связей с многообразием результатов опыта в прошлом и в соответствии с вероятностной реакцией «оппонента» выбирается наиболее оптимальное поведение, приводящее к желаемому результату. Таким образом «картина мира» пополняется поведенческими представлениями своей или враждующей группы.

Таким образом, в этом случае внутренняя психическая деятельность заключается в том, что каждый выбор регулируется главным образом эмотивно-смысловыми ассоциациями.

В ситуативной активности с лидером основным прогрессивным фактором явилось сигнальное выделение элементов предметно-

деятельностной ситуации. Повелительный жест лидера вначале вызывает ответное движение как неосознанную подражательную реакцию (в предметно-пространственном поведении вообще жест, движение как бы повторяют контур предметного соотношения в ситуации) [77]. Затем с формированием психической пары (представление о сигнале: представление о действии) при еще исходной синкретичности представления: действия-объект – развивается свободное доречевое мышление. А с преобладанием в сигнале звукового компонента он постепенно превращается в конкретный функциональный символ элемента ситуативной активности, ведущей эту активность (будущая «номинанта») ²⁹. Кроме того, на его основе начинает развиваться подлинное внутреннее мышление с явной знаковой функцией звукового образа как основы мысленного манипулирования представлениями.

Жест по природе своей представляет образ нужного действия, а звук – явление другой природы: между ним и действием устанавливается условная связь через соотнесение его с сопровождающим его жестом, после чего он может уже и по представлению в памяти вызывать соответствующую реакцию ³⁰.

Вероятно, в жесто-звуковом сигнале вожака сначала именно жест нес смысловую нагрузку, а сила голоса, тембр, интонация имели главным образом модально-побудительный характер. Однако со временем в условиях темноты, сумерек или с возникающей необходимостью выразить какие-то «абстрактные понятия», например, временную последовательность действий, содержательная роль жеста могла перейти к противопоставлению звуковых комплексов, так что какие-то компоненты звучания уже начинали исполнять *функцию указателей определенных характеристик действия*. Назовем эту функцию *номинативной*.

Таким образом, сначала звуковые знаки могли появляться 1) при необходимости обозначить элементы ситуации, не могущие быть обозначенными в силу специфики их содержания – не

²⁹ Поистине для деятеля, для его умственного и дальнейшего человеческого развития «вначале было слово».

³⁰ Но это не исключает возможность естественной связи между какими-то звуками и соответствующими движениями, которые он может сопровождать в силу какой-то естественной психофизиологической связи между ними. Поэтому говорить о полной условности звукового знака не приходится.

деятельностного, например, а качественного; или для указания последовательности действий и др.; 2) то же, тем более – в ситуативном общении: из-за отсутствия наглядной ситуации жесты могли оказаться непонятными; 3) позже звуковое обозначение стало очень удобным как фиксация какого-либо умственного представления в процессе мышления, и как необходимая вторая сторона соответствующей психической пары в памяти оно стало опорой, необходимой и важной для фиксации появлявшихся абстрактных представлений: связей, отношений, зависимостей и т. п. – не только для их обозначения в общении, но и для мышления – как знак «предмета мышления»; а именно: образ иной природы своими (звуковыми) чертами отличал одно представление от другого, что давало возможность все большей детализации ситуативных обстоятельств. Но с другой стороны – и это важно – эти знаки стали опорой для абстрагирования элементов из конкретной ситуации.

Все вместе это придавало гибкость мышлению и стало основой развития будущего абстрактного мышления³¹.

Со временем функция побуждения, видимо, все чаще стала передаваться модуляцией голоса и его силы как основных выразителей эмоций³². Тембровые же характеристики брали на себя роль содержательного противопоставления сигналов. В этом плане раскрывались все большие их возможности, и постепенно посредством разнообразия звукового противопоставления сигналов стали выделяться разные элементы ситуативной деятельности (до

³¹ В дальнейшем именно звуковая номинанта сделала возможным I членение коммуникативной единицы (КЕ); а тонкое звуковое противопоставление предметов мысли стало основой II членения речи (по А. Мартине), на несколько порядков увеличившее возможности языкового (и соответственного речевого) обозначения реалий действительности и психологического их представления людьми, сделав его основой мышления и сознания в целом.

³² Интонация – давний носитель модальности как отношения к некоторому содержанию, и поэтому – эмоций. Недаром ее стихия – музыка. Но и многие содержательные единицы являются носителями эмоциональных штрихов и соответствующих психических ассоциаций. Отсюда – эмоциональная выразительность поэзии, создаваемая и усиливаемая особым сочетанием таких единиц – в каждом случае в меру таланта и психических ассоциаций автора.

того не различавшиеся в сигнале³³). Некоторые исследователи высказывают предположение, что у поздних австралопитеков сложилась структурная основа для появления зачатков звуковой речи [144].

Вне ситуативной деятельности под руководством вожака вся активность осуществляется на базе ручного фрейм-мышления. Являясь производным от наглядно-деятельностного мышления, она ассоциируется с понятием «схемы деятельности», по С.Е. Ячину, так как жест вожака-лидера вызывает представление о конкретном действии [130]. Впрочем, С.Е. Ячин в указанном сочинении допускает, что в принципе в самом элементарном варианте «схема деятельности» может быть усвоена и высшими приматами.

В описываемом же процессе предметные образы и схемы действия постепенно выводятся за пределы жестких фреймовских связей. Развивающееся свободное доречевое мышление оказывается началом нового, *свободного* мысленного оперирования значимыми элементами ситуации, в процессе которого формируются коды внутренних представлений – основа всех будущих типов мыслительной деятельности. Свободное доречевое мышление это новый психический механизм оперирования представлениями, который с развитием деятельности все более усложняется и постепенно становится функциональной основой внутреннего мышления как процесса *умственного манипулирования* предметами наглядной ситуации.

Но с какого момента действие становится осознанным, а деятельность сознательной? При условном рефлексе активность инстинктивна, нет мысленного расчленения ситуации и противопоставления ей себя или осознания конкретной цели активности. В коллективной же деятельности под руководством лидера такое «осознание» постепенно возникает при соотнесении знака с конкретным практическим действием (пока: действием-объектом). Более того, направленная сигнализация через психическую пару (представление знака: представление действия)

³³ М.А. Дерягина пишет: «Следует отметить развитие акустической компетенции у «человека умелого» – увеличение разнообразия сигналов во время охоты и изготовления орудий,

однако эти сигналы не были членораздельными звуками» [29, с. 95].

делает возможным умственные манипуляции предметами наглядной ситуации (что мы и называем свободным доречевым мышлением). При этом на первых порах еще нет ни осознания действия или цели, ни противопоставления себя ситуации. Но появляется интенция к *определенному* действию, а через осознание связи конкретного действия с результатом – и к пониманию *смысла действия*. Таким образом, на основе внутреннего мышления развивается умственная (не инстинктивная!) целенаправленность действия³⁴. В составе деятельностной группы ассоциация ситуативного результата с конкретным действием должна была привести к осмыслению этого действия как причины данного результата, а также и к постепенному противопоставлению себя ситуации: появляется субъектно-объектное противопоставление $S \leftrightarrow O$. Функциональное же разделение ситуативной активности отдельных участников со временем приводит к мысленному противопоставлению субъекта субъекту: $(S_1 \leftrightarrow S_2)$, то есть к *самоосознанию индивида*³⁵.

Так, благодаря указательно-коммуникативным знакам лидера действие, а затем и вся ситуативная деятельность становятся предметом психологического осмысления. Только на этом уровне можно говорить о появлении осознанного действия и еще позже – сознательного поведения, знаменующего прогресс в ситуативной предметной деятельности в целом. Правда, уже обезьяны в условиях

³⁴ После обретения цели в деятельности человек не может жить без нее вообще. Растения не знают цели, они существуют потому, что рождены. Животные обладают подобием целеполагания в конкретно-ситуативной активности. Но это лишь инстинктивная реализация потребности. И только человек не может жить вне разумной цели. Может быть, даже раздумья о смысле жизни – поиск макроцели?

³⁵ См. В.М. Ермакова о типах самосознания [36]. П.П. Эванс в качестве самосознания трактует узнавание себя в зеркале высшими обезьянами, в частности шимпанзе [134]. Представляется полезным разграничивать понятия «самосознание» и «самоосознание»: первое как осознание себя в противопоставлении: субъект – действительность, второе – в паре $S_1 \leftrightarrow S_2$, то есть выделение себя в социальной среде, осознание своей сущности в соотношении с другими членами социума. У К.К. Платонова самосознание – высшее выражение сознания у человека как члена общества, направленное на самого себя. Сознание у человека может быть только как у члена общества [85].

специальных экспериментов овладевают уровнем предметного мышления даже с некоторыми элементами абстракции. Например, при обучении их ручному общению в сочетании с ситуативной активностью на основе предметных знаков с обозначением ситуативных отношений и деятельностных характеристик предметов [56] (ср. павловскую абстракцию *in concreto*). Однако, по мнению многих авторов, даже в экспериментальных условиях психика шимпанзе не приближается к психике человека (см., в частности, [27]). А в их естественной жизнедеятельности так же, как и в совместной активности других животных (охота, погоня, спасение от врага) просто нет соответствующих условий, которые могли бы привести к такому развитию. Совокупность ситуативных фреймов формирует их «картину мира», на фоне которой эмотивно-смысловой выбор в сочетании с сигналами стадной регуляции и имитативным инстинктом оказываются достаточными для их жизнедеятельности. У прегоминид уровень жизнедеятельности оказывается качественно более высоким, и достигнут он был, как отмечалось, с развитием свободного доречевого мышления.

Развитие ситуативной активности описанного типа постепенно привело, с одной стороны, к осмыслению активантом своего поведения, с другой – к формированию воли в осуществлении конкретного его типа. Оба момента есть факты его социализации, позволяющие уже назвать его *индивидом*, ситуативную активность – *действием*, а уровень функционирования психики – *психологией* (разумея под этим социальный аспект психики).

В целом коллективную активность под руководством лидера можно считать началом психологизации ситуативного поведения на базе свободного доречевого мышления (M_2), занимающего промежуточное положение между наглядно-действенным (ручным) мышлением (M_1) и мышлением более высокого уровня (M_3) – психической активности нового типа.

Однако путь к M_3 был проложен не только ситуативной деятельностью и свободным доречевым мышлением. Значительной базой для психологизации поведения, так сказать, вторым ручейком для развития психики оказался описанный эмотивно-смысловой выбор, развивавший самостоятельность мышления. Еще в филогенетических глубинах жизни, в условиях межиндивидуального и межгруппового контакта происходило снятие полумеханического применения фреймовской модели и в

значительной степени осмысление особью своего поведения. Здесь уже можно говорить об определенной целенаправленности поведения как ярком проявлении интенции, направленной к достижению цели. То есть налицо зачатки психологизации поведения.

Итак, при эмотивно-смысловом выборе, с одной стороны, имеется представление активантом желаемого результата (которого нет при фреймовском поведении; однако в какой-то степени эмотивный выбор близок фрейму, так как реализует опытный образец). Но с другой стороны, можно говорить о проявлении осмысленной интенции, граничащей с индивидуальной волей, хотя сам выбор осуществляется пока явно в русле основного инстинкта и представляется в виде глобальной ситуации³⁶. Таким образом, фреймовское поведение «подвергалось атаке» с двух сторон. Отметим, что преодоление его в групповой ситуативной активности описанного типа происходило значительно позже эмотивно-смыслового выбора, с давних времен характеризовавшего интеллектуальный уровень животных. Но здесь, правда, еще трудно говорить о явном осмыслении активантом своего поведения (по крайней мере, на первых порах) как и о проявлении индивидуальной воли. Следование сигналам лидера, когда это напрямую не связано с биологической потребностью – факт суггестии, – есть проявление лишь слабо выраженной социализации³⁷. Но именно ситуативная активность с символизацией элементов ситуативного процесса оказалась тем прогрессивным шагом в филогенезе, который привел к развитию свободного доречевого мышления, основы предметно-деятельностных (не глобальных!) представлений – элементов будущего подлинно аналитического мышления.

³⁶ Надо отметить, что и на уровне сознания большая часть обиходного (и не только!) поведения и действий осуществляется на базе фреймовских композиций и эмотивно-смыслового выбора, но они, как правило, включены в структуру какой-либо деятельности как ее практическая основа (и сами фреймы естественным образом могут опираться на безусловные и условные рефлексы).

³⁷ Воля же самого лидера формируется тоже во взаимодействии с группой – при желании направить их активность в определенном направлении. То есть все-таки носит социальный характер.

Мышление само по себе как процесс сравнения, ситуативного анализа, синтеза – лишь одна сторона внутренней психической деятельности; второй стороной развитой психики является психология. Ее развитие сыграло колоссальную роль в прогрессе социальности как важнейшей стороны человеческой жизни.

Ее корешки, как мы знаем, гнездились с древнейшей поры в межиндивидуальном общении. Но только во взаимодействии с предметно-ситуативным мышлением она получила новый толчок к развитию, и обе они в разных процессах жизнедеятельности обусловили как дальнейшее развитие самого мышления, так и развитие социальных (межиндивидуальных, межгрупповых) отношений, формируя, в частности, психологию деятеля как члена общества (налицо синергетическое развитие системы взаимодействия человека со средой).

Таким образом, в ситуативной активности с лидером, как и в межиндивидуальном контакте, проявлялись разные формы социализации, послужившие в конечном итоге формированию и сохранению популяций.

Однако психология психологии рознь. Психология, прогрессирующая с развитием деятельности, отличалась от психологии индивидуального контакта по ряду черт – как по специфике мышления, так и в плане проявления воли. В психологии деятеля мышление и воля функционируют главным образом на уровне задачи, поставленной в ситуативной деятельности; это – оперирование ситуативными элементами при углублении в проблему. В психологии же межиндивидуального контакта мышление и воля свободно оперируют самими ситуациями (на первых порах – глобальными, позже, с развитием общего мышления – и детализированными) – по всей широте и вертикали их контекста, ограниченные в проявлении лишь моралью и этикой.

Генезис поведения и соответствующие уровни психики представляются в следующем виде.

	Уровни поведения	Уровни психики
1	Пробы/ошибки с предметами окружающей среды. Поведение, ведомое «слепым» инстинктом, направленное на выживание организма и продолжение вида	Нет проявления воли; нет осмысления поведения. Инстинктивная психика
2	Пробы/ошибки в предметной ситуации на базе механического применения фреймовских моделей с элементами случайных «творческих» находок	Инстинктивная психика с элементами целеполагания в рамках фреймовских моделей
3	Эмотивно-смысловой выбор (главным образом в межиндивидуальных контактах) с глобальным оперированием вероятностными ситуативными представлениями и с проявлением осмысленной интенции, направленной к положительному результату в русле основного инстинкта	Индивидуальная психология взаимоотношений в «бытовых» жизненных ситуациях
4	Преодоление фреймовской модели поведения на базе суггестии в предметной ситуативной активности под руководством лидера. Осуществление сигнально-регулируемых действий	Психология деятеля
5	Совершение действия как составляющего самостоятельно планируемой сложной деятельности в контексте какого-то отрезка жизни; при этом свободная (относительно!) личная воля направлена на достижение цели и преодоление внешних препятствий.	Уровень высшего интеллекта. Психология свободной личности с индивидуальной сложной мотивацией своей деятельности

Схема 5. Генезис уровней психики и поведения

Позиции 2 и 3 соответствуют уровню низшего интеллекта; 4 – переходный уровень, 5 – функционирует на базе всех предыдущих уровней, развился главным образом из синтеза 3 и 4.

* * *

2.1. Сигнальная номинанта – выход за пределы практической ситуации

Осознание себя как деятеля и противопоставление себя окружению было проявлением начального сознания, возникшего в коллективной деятельности в условиях пусть еще не развитой и большей частью односторонней, но уже речевой коммуникации. Именно последняя в значительной степени должна была способствовать мысленному манипулированию зрительными и, главное, – предметно-деятельностными ситуативными представлениями.

Но психика еще долго была жестко привязана к наглядной ситуации, и лишь появление *номинанты* становится реальной опорой выхода за ее пределы. Номинанта возникает как средство выделения в сигнальном знаке элементов мысленно все более расчленяемой деятельностной ситуации, возможно, в том числе и *противопоставления действия объекту* – при их исходной синкретичности.

Роль номинанты трудно переоценить как в функциональном, так и в генетическом плане. Древние номинанты были первыми подлинными символами элементов ситуативной деятельности и заложили основу символизации как таковой в развивающейся психике. Именно благодаря номинанте стало возможно доносить до активанта необходимый аспект ситуативной деятельности для достижения желаемого результата с выходом за рамки фрейма. С номинантой стали ассоциироваться элементы ситуации, прежде воспринимавшиеся как признаки ее глобального образа, – не только предметы, но и поведенческие акты. Она стала материальной опорой для сохранения образа действия в памяти вне фреймовской модели с относительно самостоятельным абстрагированием от конкретной ситуации, что сделало возможным аналогичное обозначение соответствующих элементов в иной, сходной ситуации. И это позволяет считать номинанту аналогом будущего слова³⁸.

³⁸ Позже нечто подобное произошло и в отношении операции: с дальнейшей детализацией руководства ситуативной активностью номинантное выделение в сигнале элемента действия способствовало его психическому выделению в структуре действия. Так, функция номинанты

Какая-либо находка в конкретной деятельностной ситуации и новое ее обозначение могли способствовать развитию как самой практической деятельности, так и мышления. Например, случайная удача в деятельности, отразившись на уровне восприятия, могла быть повторена в другой подобной ситуации. Если это получало какое-то «языковое» обозначение, то образ данного действия закреплялся на уровне представлений и получал более широкое использование в деятельности – хотя бы через указание лидера. Затем сам факт мысленной фиксации этого действия и его специального обозначения мог привести к тенденции мысленного выделения из общих ситуативных представлений других отдельных действий. Такая детализация ситуативно-деятельностных представлений приводила к углубленному осмыслению непосредственных жизненных восприятий, так как требовала осмысления связей и отношений между ними, а также между ними и Действительностью, развивая предикацию коммуникативной единицы. Все это приводило к все большей подвижности мыслительного процесса, захватывавшего не только причинно-следственные и временные, но в какой-то степени и эмотивные стороны восприятия.

Можно полагать, что именно появление номинанты на базе свободного доречевого мышления в ситуативной деятельности прегоминид должно было привести в целом к повышению уровня ментальных репрезентаций.

Следует отметить еще очень важный момент. Использование номинанты в других сферах социального контакта – не в деятельностной, а например, в бытовой практической ситуации, и тем более в *заситуативном общении* (то есть вне описываемой ситуации) неизбежно должно было способствовать появлению и развитию модальных знаков как выразителей отношения говорящего к описываемой ситуации. Именно модальные знаки можно считать первыми «виновниками» расчленения коммуникативного сигнала, превратившегося в результате – в расчлененный сигнал-сообщение: номинанта плюс модальный знак, что стало залогом будущего развития членораздельной речи. Но в

оказалась важнейшим фактором психического освобождения операции от действия (см. об осмыслении операции в [114]).

заситуативном общении создавались не только условия для развития модальных аспектов сигнала, превращавших его в сигнал-сообщение. За отсутствием наглядной ситуации для выделения отдельных ее сторон, компонентов (не очевидных слушающему) требовалось более подробное описание и ее объективной сущности, чем то мог сделать глобальный знак, которым порой достаточно было ограничиться вожаку в момент самого действия.

Поэтому для лучшего представления «описываемой» ситуации слушающим из возможных сигнальных знаков выбирался подробный; если такового не было, то тем или иным способом (например, особым тембром, мимикой, жестом или дополнительным звуком) усложнялся основной глобальный знак.

Таким образом, заситуативное общение способствовало развитию коммуникации не только появлением модальных знаков, в сочетании с основной номинантой приводящим к расчленению коммуникативной единицы (КЕ), но и коммуникативной детализацией ситуативного сигнала в связи с необходимостью обозначения условий и содержания описываемой, теперь уже прошлой ситуации³⁹. В этих условиях *сигнальная номинанта превращается в речевую*⁴⁰, т.к. из самостоятельного знака ситуации превращается лишь в элемент ее более пространного обозначения.

В дальнейшем модель сочетания двух компонентов: номинанты с модальным знаком – могла использоваться для построения сигнала-сообщения с двумя номинантами (например, знака действия и знака предмета, либо двух разных предметов или действий).

Выразительные возможности расчлененной КЕ по сравнению с глобальным сигналом были намного выше, так как в них действовал

³⁹ Ср. эту коммуникативную особенность языка, существующую и по сей день.

⁴⁰ По мнению Л.Б. Вишняцкого, главную роль в возникновении и последующем развитии языка сыграла «необходимость приспособления не столько к естественной, физической среде, сколько к среде социальной» [15, с. 51]. А.А. Леонтьев считает необходимым подчеркнуть, что «развитие языковой способности человека (глоттогенез) связано с развитием форм и способов общения в первобытном коллективе» [53, с. 140].

принцип сочетаемости целого из незначительного числа исходных единиц.

Итак, именно символизация помогала расчленить воспринимаемый образ ситуации, сохранить результат в представлении и в дальнейшем манипулировать этими расчлененными образами в уме – как в практической, так позже и в теоретической деятельности. Но значение номинаций в генезисе языка не только в том, что с их появлением стало возможно расчлененное содержательное обозначение ситуации, но главным образом в том, что обозначения эти все больше стали абстрагироваться от своих исходных ситуаций и в результате перекрестного употребления превращались в материальное обозначение предметов, действий, качеств, постепенно развивая тенденцию к выделению последних в качестве самостоятельных объектов мысли. Так появилась *языковая номинанта* – предшественница языкового знака. Первичные номинанты (из звуко-жестовых сигналов вожака), бывшие обозначением предметов и действий в деятельностной ситуации, постепенно с одной стороны превращались в знаки их образов, регулировавшие ситуативную деятельность, с другой – в редуцированном виде в знаки представлений и, соответственно, в орудия мышления. Таким образом, их основная функция с самого начала – регуляторы, посредники поведения – внешнего, практического, и внутреннего (мышления). То есть они – посредники между Субъектом и Действительностью. Именно номинанты начинают знаковую опосредствованность всей активности рода Homo.

Этому способствовал в мыслительной деятельности все больше развивавшийся принцип аналитического сравнения двух сходных, сближаемых ситуаций, предметов, действий. Со временем на базе фактора номинативности в незапрограммированной ситуации, при решении практической задачи выбор действия осуществлялся на основе представлений и подвижности их сочетаний, что уже развивало техническое мышление, все больше обретавшее черты аналитического динамизма. Гибкость и опережающий характер аналитико-динамического мышления превращали его в направляющий фактор трудового процесса, моделировавший программу деятельности и обладавший к тому же значительной разрешающей способностью в проблемной ситуации.

Языковая номинанта оказалась также удобной базой для интериоризации мыслительной деятельности, которая опиралась теперь на упрочившиеся ассоциативные связи между акустическим образом и представлением, а абстрагирование представлений от конкретной ситуации на основе номинанты давало возможность обобщения соответствующих мысленных элементов в памяти и в дальнейшем – в формирующейся Картине мира (КМ)⁴¹.

Языковая номинанта дала сильный толчок развитию памяти и объема мозга (неандертальцы?). Их должно было накопиться много; можно думать, что только «мудрецы» в то время знали все эти знаки (ср. в Китае ситуацию с иероглифами). Различались они как звуковые комплексы, противопоставляясь друг другу как нечленимые единства; надо думать, что акустически они представляли собой силлабические единства, только их акустическая сложность не осознавалась, они воспринимались как комплексы звуковых признаков, глобально, «сверху».

Соотносясь с определенным элементом действительности и сочетаясь в сигнале-сообщении с модальными или другими, ситуативно содержательными обозначениями (особенно в заситуативном общении), они функционально приближались к будущим словесным знакам. Таким могло быть первичное членение глобального знака ситуации, который из репродуктивной единицы общения превращался в продуктивную, конструируемую в момент общения. Этот этап можно считать *первым (I) членением речи*, началом собственно *речевой деятельности* и первым разделением «системы языка» (тогда в основном – номенклатуры языковых номинант) и речи, все более дифференцировавшихся друг от друга во времени в процессе своего развития.

Процесс речевой (со временем – речетворческой) деятельности должен был максимально способствовать развитию мозга и динамике мышления людей. В опоре на номинантные символы

⁴¹ Позже интериоризованное мышление приводит к появлению текстов. Принцип аналитического сравнения, практика динамического осмысления трудовой ситуации, развитие абстрактного мышления переносятся на

явления природы и социальных отношений. Появляется ритуальное поведение и его абстрактно-символическое изображение, отражающее его осмысление.

психика выделяла элементы объективной и субъективной Действительности, выявляя отношения между ними. Результаты этой работы психики в виде некоторого знания фиксировались в памяти, и зарождавшееся сознание начинало соотносить их с собственной, поначалу генетически задаваемой программой существования. Это и стало главным звеном в работе психики, направленной на обеспечение нормального функционирования организма и адекватного поведения индивида в определенных условиях среды.

Таким образом, стало развиваться как отражение Действительности (выделение ее элементов, выявление отношений между ними и их обработка), так и опирающаяся на него практическая деятельность людей. И именно речевая символизация, став инструментом психической работы, оказалась условием этого развития.

2.2. Начало внутреннего мышления

Дальнейший качественный скачок в развитии языка был связан с появлением II членения речи⁴².

Это могло произойти следующим образом. Первое время звучание коммуникативных единиц воспринималось согласно старым стереотипам как единое обозначение какой-то ситуации, и модальные элементы в них могли восприниматься как модификаторы, относящие КЕ к разным ситуациям. Это могло стать началом внимания к звуковому составу знаковых обозначений, различающему их содержание. Так могла возникнуть дифференциальная силлабофоническая функция.

Звуковых комплексов-различителей было не много; их появление не особенно загружало память, зато создавался дополнительный уровень в языковом сознании со своими связями и ассоциациями – как с уровнем «знаков», так и между своими элементами. То есть усложнялась система сознания и психических процессов; номенклатура же основных единиц практически не изменялась, и в дальнейшем появилась возможность, называя вещи, различать их разновидности и обозначать отношения между ними

⁴² «Первое» и «второе членение речи» – термины А. Мартине.

без ввода новых самостоятельных знаков, но путем модификации старых, используя новую систему и ее возможности.

Это не значит, что новые понятия стали обозначаться сочетаниями элементов из новой, абстрактной системы. Нет: просто началось системное обозначение близких, но различающихся вещей с помощью новых модификаторов. С переходом к производству продуктов питания (то есть к более активному отношению к Природе) развивалась первичная «глагольность»; надо было различать действие, состояние и качество предметов и действий, а затем – субъект и объект (прямой и косвенный). Это стало возможным именно благодаря возникшему звуковому различению обозначаемых вещей. Эти элементы абстрактной системы не использовались самостоятельно; и это понятно: они не были значимы сами по себе. Элементами-модификаторами могли стать и части содержательных обозначений, которые оказались их дифференторами.

Дифференциальные признаки – в широком понимании: как черты различения речевых единиц – на разных этапах развития коммуникации могли характеризовать речевые сегменты большей или меньшей протяженности, но объектом сравнения говорящих всегда были речевые единицы, которые обнаруживали сходство или различие.

Представляется, что в генезисе языка исходные различия между коммуникативными сигналами носили супraseгментный характер. Со временем к ним присоединялись сегментные характеристики; те и другие в процессе развития речи усложнялись.

Возможно, первые сегментные противопоставления различали речевые сигналы по числу и расположению сходных сегментов. Позже могло возникнуть различие по составу сегментов-словов, то есть появились единицы речи, различавшиеся собственно сегментными признаками. Еще позже появившиеся «противопоставления слога звуку» означало рождение новой, *фонематической* функции звука.

Так, с развитием общения происходило изменение типа и ранга дифференциальных признаков. Все виды звукового (фонологического) противопоставления смысловых единиц, в том числе и фонематического (то есть противопоставления на один звук) неизбежно усложняли их звуковую структуру: их означающие из простых и нерасчлененных превращались в сложные и

расчлененные. Таким образом, осуществлялся двусторонний процесс фонетико-фонологического развития речи, способствовавший формированию системы языка. Динамика жизнедеятельности и прогресс мышления, приводили к росту числа номинант и с необходимостью – для их дифференциации – к II членению речи, которое и предоставляло, постоянно развиваясь, необходимые ресурсы звукового выражения как материальную базу для развивающегося мышления⁴³.

Очень важно было и то, что с развитием номинативной функции представление об ином возможном виде ситуации могло стать основой для прогнозирования ситуации, максимально оторванной от конкретной наглядности, вследствие чего оказывалось возможным формирование *произвольной* цели действия, *производной* по отношению к данной ситуации. Отсюда полшага (филогенетического!) до принципиальной возможности «теоретического», умственного *конструирования денотативной ситуации*.

С номинантой постепенно развивался уровень абстракции. Мышление поднимается над наглядной ситуацией: от представления о предстоящем действии по указанию лидера для получения определенного результата – до представления о возможном действии в принципе. То есть люди научились *придумывать*, начав с того, как сделать, чтобы... – сначала в наличной ситуации (здесь истоки умений и практического изобретательства), а затем и вне нее: о ней, а позже и о возможных других ситуациях (что могло стать началом виртуального и позже – теоретического мышления)⁴⁴.

⁴³ Не исключено, что именно этот путь развития системы выражения стал выходом из тупика бесконечного нарастания массы мозга.

⁴⁴ В дальнейшем представление возможного привело к развитию техники и Большой науки. А само виртуальное в психике людей в сочетании с «неведомым» и с ощущением нравственной необходимости приводили к созданию мифов, легенд, религии. При этом люди естественно развивались сами: их умения, их мышление, отношения в сообществах и между ними, то есть – их психика, социальность и вся История. Причем развитие это означало усложнение структуры общества, его канонов и условностей. Есть мнение, что последние повышают энергетику общества в целом. Там же, где допускается снижение строгих общественных установлений, всегда приходит деградация и вырождение. (Можно сравнить древнюю и

Таким образом, впервые возникший динамический механизм «свободное доречевое мышление» - как начало свободного манипулирования ситуативными компонентами – с появлением номинанты (начало символизации мысли) привело к развитию внутреннего мышления. Последнее с одной стороны было направлено на все углублявшееся выявление предметно-деятельностных компонентов среды, с другой стороны, оно стало началом творческого и теоретического мышления. При этом в процессе развития мышления ранг осмысливаемой ситуации не ограничивался ни сверху, ни снизу (то есть как в плане детализации, так и в плане укрупнения фрагмента Действительности). В дальнейшем развитие мышления происходило параллельно с развитием речи, в которой нюансы мысленных представлений находили воплощение в специальных средствах модально-предикативного выражения. Со временем это привело к развитию *вербальной речи и, соответственно, – языка* как основы общения и мыслительных процессов.

Постоянно развивался и *код внутренних представлений* как код образов и схем (КОС), но не только за счет все большей детализации ситуативных компонентов, но и за счет появления схем логических операций, что превращало его в *предметно-логический код* (ПЛК). Кроме того, во внутреннем коде стали использоваться и некоторые звуковые компоненты коммуникативных единиц (КЕ), их звукообразные аналоги – в качестве опоры для абстрактных представлений; и это совершенствовало процесс мышления, который на данном уровне уже можно назвать *внутренним мышлением* (М₃).

В первом приближении можно полагать, что КОС и ПЛК в качестве составляющих включают голографические компоненты как отражательно-информационные образования мозга (см. об этом также в [54]). Но голографический характер отражения может заключаться и в электрохимической связи, вспыхивающей между нейронами в момент мышления (ср. трактовку энграммы в мозгу С. Роузом [89, с. 357]⁴⁵. С повышением уровней отражения, все

современную Индию. Другой пример – скандинавы: существует мнение, что пренебрежение табу в настоящее время сильно ослабило энергетику их общества.)

⁴⁵ Такие связи, по-видимому, сохраняются как «тропы» в будущей психической активности индивида.

более усложнявшихся и обретавших иерархическую структуру, в голографической записи должны были выделяться связи как в структурах каждого уровня (образах, представлениях, понятиях), так и между ними.

С другой стороны, каждое голографическое отражение, по-видимому, имеет «выход» в виде своей пометы, кода, которые тоже должны входить в состав «языков мозга» и которые на психологическом уровне описания мы называем КОС и ПЛК (и, возможно, «речевыми знаками», хоть последние чаще всего относятся к абстрактным понятиям; но и те ведь являются вершиной каких-то сложных ассоциаций из представлений и «естественных» понятий)⁴⁶. В результате арсенал мыслительных процессов обеспечивает им колоссальную экономичность и несравненную динамичность. С развитием интеллекта информационная запись поднимается на все более высокий интеграционный уровень; при этом большая емкость и сложность структур не мешают ей оставаться функционально гибкой, чтобы разворачиваться в меру потребности мыслительного процесса. В этом – истинная экономия деятельности мозга при максимуме результата. (Ср. мнение доктора технических наук Е.С. Бугаеца о «совершенстве и разумности» природы, «высшим проявлением которой является экономичность» [131].

Мышление, как и речь, развертывалось в процессе деятельностного контакта человека со средой⁴⁷.

⁴⁶ Ср. общее определение мышления по Л.М. Веккеру: «Мышление как процесс представляет собой непрерывный обратимый перевод информации с языка симультанно-пространственных предметных гешталтов, представленных образами разных уровней обобщенности, на символически-операторный язык, представленный одномерными сукцессивными структурами речевых сигналов» [14, с. 274]. По-видимому, такое определение техники мышления подходит больше к случаям внутреннего проговаривания своей мысли («внутренняя речь»), либо к мыслительному процессу, сопровождающему его внешнее воплощение в речи (устной и письменной). По С.Л. Рубинштейну, «образы могут функционировать в мышлении *наряду* (выделено мной. – В.М.) с речью, со словом и выполнять в нем функцию, аналогичную той, которую выполняют эти последние» [90, с. 113].

⁴⁷ Как известно из классики, производство идей, представлений, сознания первоначально вплетено в материальную деятельность [66].

Механизм внутреннего мышления как новый уровень оперирования мыслительными элементами обеспечивал более высокую степень опосредствования реакций ответа в сложной ситуативной обстановке и дал толчок дальнейшему развитию мышления, став по существу функциональным базисом развития всех его последующих форм (в частности вербального мышления), сфер представления, воображения и все более развивающейся внешней вербальной речи. Итак, внутреннее мышление функционирует и развивается в опоре на различную внутреннюю символизацию и на продвинутом уровне ему уже соответствует довольно развитое членораздельное общение.

Развитие вербальной речи и мыслительная работа, опирающаяся теперь на постоянно совершенствующийся предметно-логический код (ПЛК) с редуцированными языковыми, пространственно-временными и логическими знаками внутреннего манипулирования, можно считать зарождением нового уровня интеллектуальной деятельности, уровня подлинно абстрактного мышления (M_3 и M_4) и функционирующих понятий⁴⁸.

Все это должно было сопровождаться постепенным развитием образа мира (ОМ), включавшим осознание индивидом себя как деятельностного компонента окружающей действительности. Развитие мышления означало также развитие и усложнение психических процессов опосредствования связи восприятий с Основной голограммой (голограммой существования). Этот момент обусловлен появлением и усложнением вторичных психических представлений, превращающих содержание восприятий в подлинно психологические сущности. В числе последних – разнообразные этико-эмотивные связи и значимости, приводящие к развитию эстетических чувств и оценок явлений действительности (притом, что эстетическое восприятие, как известно, заложено изначально, по крайней мере, уже у представителей высших животных форм). Здесь мы имеем дело уже с довольно высоким уровнем развития сознания, связанным с M_3 , характеризующимся активным самопроявлением личности в результате соотнесения естественного самоощущения субъекта (интуитивный самонастрой) с его

⁴⁸ Об образовании первичных понятий см. [57].

социальной позицией и отношением к природе. И сознание уже начинает формироваться и функционировать как космос психических преобразований, обеспечивающий существование организма на высочайшем отражательно-деятельностном уровне.

Можно полагать, что на этом пути начинает формироваться сфера представлений о «неизвестном», в дальнейшем ставшая донором воображения.

Таким образом, внутреннее мышление охватывает всю сферу психических представлений, включая и воображаемые, индивидуально конструируемые. При этом часть мысленных представлений вербализуется в языке; остальная их часть функционирует в виде нежестких ассоциативных связей, проявляясь в предречи и других формах психологического проявления личности (например, в разных формах искусства, религиозных верованиях и проч.). Надо сказать, что внутреннее мышление не только не является отражением или отголоском внешней вербальной речи, но оно асимметрично ей, так как, с одной стороны, пополняясь за счет новых «вербальных» знаков (главным образом в случаях абстрактных представлений и понятий), оно, с другой стороны, самостоятельно обогащается новыми представлениями (мысленными и эмотивными), – лишь частично вербализуемыми в языке, для выражения которых часто используются специальные сложные речевые формы (не говоря уже о случаях просто затрудненного вербального воплощения внутренней мысли-представления. Ср. фразы: «Как бы это сказать?», «Это трудно выразить» и т. п.).

2.3. Вербальное мышление

Но можно говорить и о вербальном (языковом) мышлении как таковом, которое по существу является словесным разворачиванием глобальной мысли, и именно в этом случае можно *условно* считать, что «мысль совершается в слове», так как здесь она конкретизируется и уточняется в своих деталях.

Необходимость вербального кодирования обусловлена как абстрактностью манипулируемых понятий и сложностью логических отношений между ними, так порой и возможностью изложить идею, содержание мысли только в сложном, связанном,

знаково неоднородном тексте. При этом слова, как клавиши инструмента, возбуждают струны наших психических образов. Язык словами-знаками расчленяет наши восприятия на элементы и дифференцирует их. Речь выстраивает слова в ряд, воспроизводящий некоторую ситуацию. Реципиент переводит эту абстрактную ситуацию на уровень своих реальных образов-представлений.

Таким образом, можно говорить о двух типах образов-представлений: (1) образы-представления, возникающие при восприятии реальных и хранящиеся в памяти; (2) психические конструкты в виде абстрактных содержательных построений, которые могут быть соотнесены с (1), но которые создаются текстом любого характера (речевого, музыкального, живописного и т. д.) и находят подтверждение или дают развитие соответствующим представлениям в сознании реципиента (обиходным, научным и проч.).

Воздействие абстрактных содержательных построений на человека зависит от а) таланта автора и соответственно художественной / социальной силы текста, б) от близости описания к психическому складу и интересам реципиента. (Кстати, второй тип превалирует в любых теоретических построениях – от художественных и религиозных до научных и фантастических.)

Так как вербальное мышление, как правило, сопровождается материальным воплощением мысли (звуковым, графическим...), то при этом предметное обозначение «погружается» в грамматические средства, выражающие отношения между соответствующими понятиями. Кроме того, при этом используются не только вербальные знаки конкретных понятий, но и часто фиксируемые в процессе вербального мышления средства из постоянно развивающегося арсенала знаков соответствующих областей знания (логические, математические или специальным образом вербализованные). При внутреннем мышлении относительно глобальный узел мысли тоже разворачивается, но – в своих лаконичных формах, так как здесь нет постороннего слушателя; но иногда осуществляется почти прямая вербальная реализация внутренне уже развернутой мысли с озвучиванием

соответствующих понятий и грамматическим оформлением речевых единиц⁴⁹.

Вследствие своей специфики вербальное мышление расширяет диапазон человеческого мышления, обеспечивая современную науку, технику, социальные отношения арсеналом функциональных знаков (включая логические, математические и другие специальные символы) и новыми типами моделирования мыслительных процессов.

Вместе с тем слова, конкретизируя, абстрагируя и обобщая, лишают чувство, а порой и мысль всех тех эмотивно-смысловых связей, которыми они богаты в психике индивида, не могут передать их адекватно, обозначая лишь верхушку айсберга психического переживания. Поэтому так важна психологическая близость общающихся и готовность реципиента к восприятию того, что ему говорят (впрочем, это важно и в музыке, и в живописи). Но, с другой стороны, без слова сами психические переживания не могли бы дифференцироваться, оставляя психику аморфной, неили плохо структурированной, а потому – неразвитой. Ш. Уошберн считает, что увеличение способности к общению с помощью речи могло быть качеством, которое привело к необычайному расцвету современного человека – *Homo sapiens sapiens*. «Без этого замечательно эффективного способа передачи информации технический прогресс человека был бы медленным и ограниченным» [106, с. 237].

⁴⁹ Возможно, внутреннее мышление на разных этапах не совсем явным и ясным образом находится под влиянием соответствующего уровня вербального мышления. Говоря о вербальном мышлении, имеем в виду мышление, сформировавшееся на базе языка; но вряд ли стоит при этом противопоставлять уровни развития вербального и внутреннего мышления, связывая их с уровнем речевого общения соответствующего периода. Тем не менее, именно вербальное мышление, фиксируемое на письме, оказывается важным средством социализации человеческого мышления. С другой стороны, оно оказывается незаменимой сферой и даже условием использования вторичных знаковых систем, расширяющих возможности последних.

С созданием письменности и числовой системы Ф. Кликс связывает «первое великое опредмечивание когнитивных процессов» [43, с. 20].

Вербальное мышление – это тот уровень детализации представлений и обобщения понятий, который достигается на базе языковой системы значений.

Ушла ли с развитием вербального мышления, вычленяющего и анализирующего в окружающем отдельные «предметы», древняя способность глобального восприятия ситуации? По-видимому, нет. Любое событие происходит на фоне ситуативного контекста, и они воспринимаются в единстве и, резонируя, усиливали друг друга. В памяти складывается сложная голографическая картина этого единства, и, если вспомнить какую-то часть ее, может восстановиться главная составляющая. Часто воспоминание природных явлений оказывается «когерентным лучом» для воспоминания основного события.

И это – свидетельство естественного восприятия глобальных ситуаций, создающих в психике сложные голографические картины, где внешний контекст (в частности, природный фон) создает определенный эмоциональный настрой, влияющий на восприятие конкретного события.

Все это постоянно находит отражение в поэзии, которая всегда – разговор о чувствах, даже если в нем есть логическое содержание. В поэтических описаниях (не только в стихах) чувствам, переживаниям человека всегда сопутствует, часто гармонизируя им, состояние природы; и это – свидетельство неотрывной связи с ней всей естественной натуры человека. Но при этом кажется, что восприятие природы в городе происходит, в основном, в эстетическом плане. На селе же эта связь практическая, предметная; в лучшем случае она – жизненный фон, не вполне противопоставляемый бытию. В городе это противопоставление уже произошло, и природа воспринимается как прибежище, в котором люди находят гармоничный отклик порывам души, мятущейся в житейской суете. Здесь, все больше отдаляясь от природы образом своей жизни, мы вместе с тем превратили ее в предмет наших размышлений. Это действует известный психический закон объективизации: только выделив явление из общего фона (и дав ему обозначение), можно начать его рассматривать *sui genesis*. Придание ему статуса самости не исключает рассмотрения его во взаимосвязях с другими явлениями, выделяющими его содержательную и функциональную сущность.

Вспомним: еще в ситуативной активности с лидером сигнал выделял какой-либо элемент ситуации (или ситуативной деятельности), превращая его тем самым в объект зарождавшегося мышления в процессе осознания действия. (Ср.: животные не отделяют себя от ситуации; активность животных – часть естественного ситуативно-поведенческого фрейма).

Но как в онто-, так и в филогенезе с развитием психики детализация и дифференциация восприятий приводят к специализации и углублению последних в эмоциональном плане (поэтические тексты, литературные, изобразительные, музыкальные...) и возрастающему содержательному их осмыслению (религия, философия, наука).

В синхронном плане безусловны индивидуальные различия.

Так развивается наша жизнь. Но на смену ей может придти иная.

Совокупность «семантических множителей» начинает функционировать в психическом поле как самостоятельная мыслительная сущность (не совсем равная понятию, так как в последнем они функционируют в сочетании или на основе исходных зрительных, слуховых и др. образов).

Затем «называние» какого-либо объекта этим именем как бы представляет новое (другое) явление, наделенным подобной сущностью (ср. о роли значения у Бома [10]). То есть именем мы придаем объекту определенное значение (насколько оно соответствует его сущности – не важно, так как «человек мера всего» в нашем мире – во всяком случае, должен быть ею).

Таким образом, мыслительные сущности могут менять свой материальный знаковый носитель. Возможен ли на сегодняшний день полный отрыв мышления от человека как его носителя? Глядя на темпы развития информационных технологий, можно сказать «да». Но и они идут разными путями. Если биологическим – тем более – «да». Но если те, которые будут существовать вне зависимости от органического обмена со средой, будут пользоваться новыми видами энергии, у них будут свои, иные отношения друг с другом как новые элементы «психики» в мыслительных контактах. Можно сказать, что и в настоящее время люди в какой-то мере дифференцированы по шкале «Сома – Мысль».

С исчезновением органических ресурсов Земли возможно постепенное возникновение и развитие другого типа Жизни (если Жизнью считать не только динамику органического существования). И можно полагать, царицей этой новой жизни будет мысль. До сих пор она была служанкой материи.

Это все – фантазии; но законы динамики материи ведь пока неизвестны. Можно сказать одно: развитие рода Ното изменило соотношение центров деятельности организма: от а) сохранения индивидуальной жизни и продолжения рода, где начальное мышление было инструментом, средством, – к б), где мышление – довлеющая сущность, а центры сохранения жизни – материальная основа для него, и продолжение рода – необходимо для обеспечения существования и развития мышления в перспективе.

То есть вначале мышление использовалось для обеспечения существования, а потом – наоборот: само существование целого организма – для обеспечения мышления⁵⁰.

Формирование вербального компонента мышления поднимает всю систему отражения на новый уровень, где единство языковых средств вкупе с невербальными знаками мыслительных и вторичных ассоциативных операций создают многоуровневые взаимодействия внутренней сигнализации, которая обеспечивает многократно умножаемую опосредствованность представлений о мире, направленную на его познание.

Чем больше человек узнает, тем больше у него возникает вопросов, интереса к миру. Горизонт познаний расширяется, мысль активизируется и требует все больше «пищи» для себя, превращаясь в главную функцию организма, перетягивающую сознание на более перспективное «приспособление к среде» (опережающее приспособление). В этом русле естественно, возникают вопросы о происхождении Жизни и Вселенной. Этому посвящена и статья А. Кузина [136].

В динамике Вселенной, безусловно, существуют процессы возникновения сложного из простого и наоборот. К первым

⁵⁰ Борьба противоположностей? Или борьба двух сущностей: новой и старой, в которой новая побеждает (одно из проявлений динамичности мира?). Ср. развитие государственности: давняя слабая, рыхлая государственность – при богатой естественной жизни и – усиление государственности, использующей возможности жизни для своего процветания (во всяком случае – до настоящего периода). Что дальше?

относится и происхождение Жизни. А. Кузин отмечает, что любое конкретное явление осуществляется только при определенных условиях.

Процессы физико-химических превращений материи столь многообразны, а вероятность совпадения множества условий в одной точке в одно и то же время столь мала... И все же не хотелось бы отрицать принципиальную возможность совпадения этих факторов где-то еще во Вселенной. Условий, при которых возможно было бы зарождение Жизни⁵¹.

Представляется, что нельзя считать динамику Вселенной хаосом случайностей и отрицать в ней наличие фундаментальных закономерностей. Может быть, нарушение каких-то из них и ведет (вело) к так называемым «взрывам». А может быть, и они тоже – закономерность в «сверхвременном» масштабе ее существования... (Ср. рассуждения о критической массе материи и ее роли в этой динамике, а также о «темной» и «зеркальной» материи (энергии?), которая должна предположительно составлять до 90 % всей материи Вселенной.) А законы физического микромира или законы химических структурных преобразований?

Дж. Раскин, критикующий позицию Кузина, настаивает на абсолютной случайности возникновения Жизни на Земле [139]. Между тем А. Кузин говорит о бесконечно малой вероятности повторения условий, необходимых для возникновения Жизни во Вселенной (что весьма близко к случайности); это выводит рассуждения автора за пределы жесткости, недопустимой в отношении того, что мы не можем знать. А примитивный эксперимент с шариком-игрушкой, легший в основу критики Раскина, не может воспроизвести всю сложность событий, происходящих во Вселенной. Так что категоричность критики в данном случае излишня, тем более что «движет науку вперед именно убеждение в несовершенстве наших представлений» [115, с. 44]⁵².

⁵¹ А.Л. Чижевский в свое время считал маловероятной возможность появления других цивилизаций в космосе [133].

⁵² Ср. динамику физических идей хотя бы XX века: от А. Эйнштейна и квантовой теории до современной теории «суперструн» или конкурирующие идеи «Большого взрыва» и Пульсирующей Вселенной.

Роль феномена случайности в природе очень велика. Биологи считают «чрезвычайно низкой вероятностью каждого из отдельных событий, приведших к эволюции человека» [63, с. 25]. Но физические и химические эксперименты открывают все новые закономерности взаимодействия материи (о существовании социальных законов мы здесь уже не говорим; они являются проявлением антиэнтропийного развития, как и сама Жизнь. Но ведь и сам закон энтропии, постулируемый теоретиками, – тоже закон материи!)

В биологии утвердилось мнение, что «характерная для биологических систем индивидуальность в сочетании с наличием множественных решений для почти любой проблемы, создаваемой средой, делает органическую эволюцию неповторимой» [63, с. 25]. Возможно, и сам процесс эволюции Вселенной также неповторим. Но этот вопрос находится уже совсем за пределами наших познавательных возможностей; ибо, как сказал «классик», «нельзя объять необъятное». Если же говорить о случайности как таковой, то при постулировании ее в отношении какого-либо явления надо помнить об ограниченности наших когнитивных возможностей, так как, увы, объективная истина непостижима, и возможно лишь частичное приближение к ней. (Ср., в частности, позицию современного антропокосмизма о «множественности проявления Разума во Вселенной» [132]⁵³).

В принципе развивающееся мышление осуществляет, с одной стороны, все большую дискретизацию действительности, с другой – обретает все более абстрактно-обобщенный характер. Именно вследствие этого слова оказываются слишком общими и безликими,

⁵³ По-видимому, именно эта позиция находит подтверждение в следующих фактах. Недавно американские ученые с помощью телескопа Хаббл обнаружили в Млечном Пути несколько новых планет, на некоторых из которых предположительно может существовать жизнь или, по крайней мере – условия для ее возникновения. А на основе последних астрономических исследований однозначно постулируется гипотеза возможности существования жизни или условий для ее возникновения на планетах других звезд и их спутниках.

А вот еще одно сообщение (Lenta.ru, издание Hamblen Media Group): 25.04.2007 за пределами Солнечной системы на расстоянии 20,4 световых года обнаружена планета, условия на которой сопоставимы с земными. Это – планета «с» красного карлика 581.

чтобы передать все оттенки чувств и ассоциаций мысленных означаемых индивида.

При этом сами элементы мысли как результат первичной обработки информационных данных возникают в процессе практического взаимодействия со средой и обрабатываются на базе внутреннего мышления. И несмотря на то, что вербализация мысли в общении играет определенную роль в ее развитии и уточнении, именно во внутреннем мышлении, приводящем в соотношение все свои блоки и уровни – как информационные, так и эмотивные – происходит истинная оценка осмысляемого события⁵⁴. (См. второй компонент значения, по А.Н. Леонтьеву [55].) Тем не менее, знаковая функция (в широком смысле – как «средство самовыражения») является опорой всех видов мышления и средством его развития, в частности, путем создания новых знаковых обозначений. (См. у Л.С. Выготского о знаковой опосредованности всех высших психических функций [17].)

Таким образом, в процессе мышления возможно движение в двух направлениях: либо извне – внутрь, когда путем соотнесения каких-то элементов внутреннего представления возникает новый, более сложный мыслительный элемент, либо наоборот: изнутри вовне – путем подыскивания новому представлению какого-либо более или менее соответствующего ему вербального знака (а иногда и создания нового или – путем обозначения нового мысленного содержания ономазиологическим способом (описательно, метафорически...).

Взаимодействие мышления и речи приводит к их взаимному обогащению: ищущее мышление как все усиливающийся ориентировочный инстинкт выявляет в воспринимаемой среде все новые содержательно-эмотивные штрихи, которые обретают свои операторные единицы как в коде внутренних представлений, так и в

⁵⁴ Видимо, здесь принимает участие и фоновый уровень ощущений. Помимо памяти, которая на уровне сознания является резервуаром воспроизводимых психических образов, есть еще фоновая область

«глухих» психических образов-голограмм. Это следы разных восприятий, которые всплывают в каких-то ситуациях. «Внутренние ощущения» – это их неосознаваемые ассоциации, иногда создающие так называемые «предчувствия» или дарящие интуитивную догадку, которая ведет нас по неосознаваемой сфере знаний и подсказывает решение какой-то волнующей проблемы – наяву или даже во сне.

постоянно умножающихся и семантически развивающихся вербальных знаках⁵⁵. Ведь в основном язык создает средства для выражения возникающих представлений, и именно языковые средства делают возможными логические и прочие мыслительные сопоставления, на которые большей частью опирается формирование умственных понятий, информационных блоков и их систем в общей картине мира, оказываясь, таким образом, основой всей сознательной деятельности людей и мощнейшим рычагом развития самого мышления.

Все это происходит постепенно. Со временем речевая деятельность развила свои функции от предметно-практических указаний в условиях наличной ситуации до сложных проектов и планов на будущее, учитывающих не только современные потребности общества, индивида, но и их будущее состояние в ходе

⁵⁵ В связи с этим интересен вопрос о многомерности древних текстов, проявляющейся в их разных трактовках, разных переводах (например, Корана), которые могут быть объяснены развитием понятийного аппарата (в связи с динамикой соответствующих культур во времени), проявляющимся в развитии как семантических полей, так и в многозначности исходных «базовых» единиц языка. Под Культурой разумею совокупность социально значимых самовыражений народа в определенный период его развития. Ср.: Цивилизация – это тип взаимодействия биологического вида или популяции – с Природой. История Цивилизации – это материальные устремления ума (аппарата приспособления), включающие порой агрессию во имя власти, денег,

захват богатств природы и территории других народов. В отличие от этого история Культуры – это развитие духовности, духовных интересов («культура формирует душу»). Составляющими ее можно считать религию, философию, искусство (начинающееся в недрах народного творчества).

Религия и философия – умозрительные представления о мире. Искусство – духовное самопроявление людей, наций, народов. Наука стремится к познанию мира на основе экспериментальных и теоретических исследований. Она на грани Цивилизации и Культуры, и подвижна как материальными, так и духовными интересами.

Представляется, что Культура движется в русле Инь; у нее женская натура, она направлена на сохранение сущего в естественной гармонии и взаимодействии с ним. Цивилизация же – проявление Янь – устремлена на дисбаланс Большой системы, в которую она входит, динамизацию и переструктурирование ее.

ноосферного прогресса⁵⁶. И именно свободное доречевое мышление – как особый продвинутый для своего времени уровень психической динамики – стало пружиной нового типа умственной деятельности, обеспечивавшей активную позицию наших предков по отношению к среде и ставшей переходным мостиком от ручного мышления (и мышления фреймами) к внутреннему мышлению – мыслительным процессам, ставшим основой современного образного, технического, математического мышления и др. Нельзя установить точный филогенетический рубеж перехода от невербального к вербальному мышлению – не говоря уже о таких деталях, как установление конкретного набора звуков, которые могли произносить наши предки на каком-то отрезке пути к членораздельной речи (см.: [140]). Другой полюс подхода к проблеме – в [143]. Первичное расчленение, усложнение регуляторной сигнализации должно было произойти уже у поздних австралопитековых, продолжаясь на уровне архантропов, когда уже можно говорить о появлении функционально различающихся компонентов коммуникативной единицы (КЕ). Речь ли это? Наверное, только у неандертальцев уже появились мыслительные абстрактные понятия, в том числе грамматические: временные, модальные, личностные, категория числа. Подлинной речью, наверное, стало общение кроманьонцев. А некоторые поздние языковые категории прослеживаются уже по историческим текстам.

В связи с изложенным выше необходимо сказать несколько слов относительно корней мышления и речи. Если исходить из того, что мышление возникает в деятельности, а корни речи – в общении, то

⁵⁶ В ноосферологии постулируется вероятность появления в третьем тысячелетии «вслед за информационным и экологическим обществом» космического общества [108]. Если в настоящее время о причине или источнике Жизни говорить не приходится, так как это находится за пределами современной науки, то можно говорить об эволюции Жизни и возможном влиянии на нее сознания и всей деятельности людей. Конечно, «никто не знает смысла жизни», но в настоящее время, по крайней мере, можно считать, что Жизнь как биоинформационное явление имеет свою функцию в системе Природы. И это ее высший смысл. Тогда смыслом отдельной жизни является функция людей в некоторых системах разных уровней Большой Жизни. Но мы создаем и внутрижизненные малые смыслы; это – цели и устремления людей, являющиеся сферой деятельности нашей психики.

формально можно согласиться с Л.С. Выготским, что корни у них разные. Но по существу картина была несколько иной. Как мы видели, общение получало толчок к развитию в процессе коллективной деятельности при потребности сказать друг другу что-то важное для осуществления конкретного действия, а не из бытовых «стадных шумов». Таким образом, мышление и речь – продукты практического взаимодействия с природой и общественной средой, и в этом взаимодействии они оба развивались параллельно, влияя друг на друга. В принципе можно говорить о том, что мышление существовало и до речи (по Ф. Кликсу, мышление предшествовало речи [42]). Но и какие-то формы общения существовали и до коллективной деятельности. Очевидно, это вопрос терминологии: что считать мышлением и что речью. Мышление до речи (в теперешнем вербальном ее виде) было иным. Нельзя утверждать, что, например, наглядно-действенное или свободно доречевое мышление аналогичны современному мышлению. Трудно было бы объединить одним термином и современное вербальное общение с примитивными формами ситуативного общения прегоминид. Но если для всех видов мыслительной деятельности все же применим общий термин «мышление», то начальные формы общения можно считать лишь коммуникацией, но никак не речью⁵⁷ (ср. об этом в [25]).

* * *

3.1. Мышление в раннем онтогенезе

Развитие мышления в фило- и антропогенезе подводит к необходимости их сопоставления с современными данными о развитии мышления в онтогенезе. Это тем более интересно в свете известных законов Э.Г. Геккеля и К.Э. Бэра. Возможна ли экстраполяция этих морфогенетических законов (и какого из них?) на постнатальное развитие психики современного ребенка?

⁵⁷ Однако надо сказать и о разнотипности мышления на современном этапе. Так, в условиях бытовой жизни – вне рефлексий или возвышенных духовных размышлений научного или религиозно-философского плана – мышление наше фактически подобно мышлению наших предков, но на более высоком уровне дискретности, так как вербальное мышление и речевые средства сами выявляют уже отмеченные исторически и современной жизнью элементы ситуаций и их отношений.

Касательно развития мышления ребенка известен «спор» между двумя крупнейшими психологами: Ж. Пиаже и Л. Выготским. Пиаже считает безадресную речь ребенка социализацией его психики [81]. Выготский же говорит об интериоризации ребенком социальной формы речи и мышления [17].

В контексте филогенетических представлений заявление Пиаже о том, что мысль не может возникнуть *ex nihilo* и с необходимостью предполагает в качестве основы действия с объектами, кажется справедливым. Еще И.П. Павлов считал, что чувственное познание является источником и опорой мышления. У ребенка действия с объектами, первично отражающиеся в мысленных образах и представлениях, под руководством родителей начинают ассоциироваться со словесными знаками (см. отмеченную выше психическую пару в филогенезе). Первые слова взрослого ассоциируются у ребенка с ситуацией в целом, затем – это символы действия плюс объекта, и еще позже ребенок повторяет за родителем целые фразы, соответствующие конкретному ситуативному действию, усваивая при этом и смысл действия, и смысл фразы во взаимном соотношении их компонентов.

В разворачивающейся ситуативной деятельности ребенок проговаривает про себя соответствующие фразы, запоминая в таком упражнении слово-предметные и фразо-ситуативные соотношения. Позже он может сопровождать свое действие фразой в более сокращенном виде, но речевые лакуны при этом заполнены во внутреннем мыслительном процессе; при этом его мысль и язык связываются в «единый неразрывный комплекс», то есть формируется речемыслительная функция [98].

Дальнейшее развитие мышления и речи у ребенка происходит в параллельном взаимодействии, что обеспечивает их двустороннюю продуктивность. Может ли это означать, что изначальное мышление ребенка является речевым или что у человека, владеющего речью, все другие формы мышления осуществляются на основе ранее приобретенных понятий?

Вспомним вкратце динамику мышления в филогенезе:

- наглядно-действенное мышление, которое обогащается набором ситуативных фреймов в памяти;
- свободно-доречевое мышление с образами ситуативных элементов и схем действий (код образов и схем – КОС), на основе которого развивается

– внутреннее мышление с предметно-логическим кодом (ПЛК) и вербальными знаками – и

– вербальное мышление с использованием средств речевого выражения и специальных знаковых средств из разных областей знания (данная схема не жестко ограничивает одну ступень от другой, но отмечает постепенную динамику мышления с преобладанием тех или иных черт в различные периоды его развития. При этом каждая новая ступень, базируясь на предыдущей, дополнительно формирует новые прогрессивные черты).

До речевого общения в фило- и антропогенезе восприятие мира «натурально» и осуществляется в меру биозначимости его компонентов. Но у современного ребенка оно в целом отличается от восприятия наших предречевых предков в связи с психофизиологической готовностью мозга ребенка и интенсивностью обучающего процесса, включающего не только процедуры намеренного обучения на базе языка, но и сами условия развития ребенка в современной технической и социальной среде (см. у Г.Г. Филипповой о сходстве и различии филогенетического и онтогенетического процессов развития [115]).

Как уже отмечалось, усвоение речи в онтогенезе происходит одновременно с осмыслением соответствующей ситуации и усвоением ситуативного поведения (которое именно таким образом и осмысляется). То и другое осуществляется в момент «интериоризации» речи (по Выготскому). При этом происходит развитие мышления в целом – как предметного, так и речевого – через усвоение норм речевой и практической деятельности. А это есть не что иное, как социализация ребенка. Поэтому, по-видимому, можно считать, что оба автора в известном споре Выготский-Пиаже – правы, так как социализация осуществляется через интериоризацию.

У животных само инстинктивное подражание, как и обучение навыкам жизнедеятельности, занимая различный период детства у разных видов, также является процессом их «социализации» и вхождения в жизнь. У современного человеческого ребенка начальная стадия социализации (усвоение речи и основ бытовой активности) занимает несколько начальных лет жизни, но полностью процесс социализации осуществляется практически в течение всей жизни и, естественно, качественно отличается от

такового у животных в силу специфических и особо сложных культурно-цивилизационных форм жизнедеятельности людей.

В филогенезе выход за рамки натурального фреймовского восприятия и активности также был связан с коммуникативными сигналами, развивавшими свободное доречевое мышление. Но за отсутствием момента активного обучения самой речи (вожаку-лидеру необходимо было лишь совершение определенного действия) процесс социализации растянулся на миллионы лет. Однако и там, как мы видели, развитие мышления было неотъемлемо от развития деятельности и коммуникации. Таким образом, это был все тот же единый двусторонний процесс.

Известно по И.П. Павлову, что первая сигнальная система (I СС) не является просто передатчиком чувственного материала во вторую сигнальную систему (II СС), но и сама осуществляет элементарные формы анализа и синтеза, характерные для наглядно-действенного мышления. В результате же динамического взаимодействия обеих сигнальных систем первоначальное чувственное обобщение принимает абстрактно-логическую форму. Таким образом, развитие мышления происходит путем установления соотношения между его обеими сторонами: предметной и речевой – как компонентами единого целого.

Представляется, что первичные формы анализа и синтеза должны были получить значительное развитие уже на уровне *свободного доречевого мышления*. В результате же их динамического взаимодействия с формировавшимися коммуникативными единицами первоначальные чувственные обобщения принимали абстрактно-логическую форму уже на уровне *внутреннего мышления*, и прежний код образов и схем (КОС) превращался в предметно-логический код (ПЛК). Кроме того, в процессе развития речевого общения внутреннее мышление обогащалось – в качестве опоры для абстрактных представлений и логических понятий – редуцированными речевыми знаками, тем самым не только выводя мышление за пределы наглядно-деятельностной ситуации, но и формируя универсальный набор мыслительных элементов для сложной внутренней мыслительной деятельности.

В плане отмеченной выше экстраполяции представляется допустимой мысль, что ребенок проходит в редуцированном виде, по крайней мере, какие-то ступени доречевого мышления:

безусловно, – наглядно-действенного и в какой-то мере – свободно-доречевого. Так, наглядно-действенное мышление, по-видимому, функционирует при игре с погремушкой; свободно-доречевое мышление – когда ребенок слушает слова, фразы родителя, приглашающего ребенка повторить его действия или произвести какие-то действия в ответ на словесное предложение типа: дай! на! иди! – а также в игре типа «вопрос–ответ»: кто? как? где? и др. Однако свободно-доречевое мышление у современного ребенка рано испытывает воздействие вербального мышления, и это проявляется в процессе «интериоризации» речи.

Т.Н. Ушакова также считает, что язык формируется на основе предшествующего интеллектуального развития младенца [108]. Представляется, что именно эти доречевые формы, воплощаясь в речи, придают динамику самому мыслительному процессу ребенка в практических действиях с предметами и затем – с расширением игрового поля под руководством родителей (или учителей – в случаях со слепоглухими детьми) – приводят к постепенному углублению понимания, постижения логики и смысла ситуативных действий через речевое их воплощение, что способствует введению соответствующих действий в сферу активной жизнедеятельности (при этом надо помнить о неравномерности развития разных психических функций в течение онтогенеза (ср. [58])).

В отношении внутреннего мышления – как основы речемыслительной функции и художественного мышления – вопрос даже не встает: оно, безусловно, присутствует в сознании развивающегося человека на протяжении всего онтогенеза. Только, в отличие от филогенетического варианта, в онтогенезе оно равно переплетается с вербальным мышлением, дистанцируясь от него, тем не менее, по сферам функционирования и оставляя последнему преимущественно область логических мыслительных актов и случаев, требующих вербализованного уточнения сути осмысляемого.

Таким образом, идея первичности (или даже единственности) вербального мышления – не только в генетическом, но и в функциональном плане – у современного человека не представляется убедительной; скорее надо допустить взаимодействие всех форм мышления с преимущественным функционированием каких-то из них в той или иной сфере жизнедеятельности, а также в зависимости от культурного развития,

природных склонностей и интересов личности. Но вербальное мышление – в меру его развития – безусловно, влияет на все остальные типы мышления, и поэтому последние (как, например, современное предметно-образное мышление) не тождественны соответствующим типам, функционировавшим на ранних этапах антропогенеза. То же верно и в плане соотношения типов мышления в онтогенезе.

3.2. Внутренняя речь и внутреннее мышление

В связи с этим надо сказать несколько слов о внутренней речи и использовании соответствующего термина, который при сравнении разных трактовок представляется довольно расплывчатым и неоднозначным.

Так, определение ее как внутренней проекции внешней речи странным образом оказывается сопряженным с допущением продуктивности первой по отношению ко второй (например, в одном из ее первых определений [98]). Со временем осмысление сущности этого явления привело к новому его пониманию. В экспериментах Н.И. Жинкина внутренняя речь осуществляла мысленное планирование высказывания. Он отмечал, что внутренняя речь выполняет главным образом функцию мышления, благодаря которой создается речевая установка на сообщение. При этом, по его мнению, в качестве мыслительных вех могут использоваться и другие сигналы: образы, наглядные схемы, простые индивидуальные символы [37].

Одной из наиболее приемлемых общих характеристик внутренней речи представляется данная Т.Н. Ушаковой: это собственно «внутриречевые процессы, имеющие «непосредственное отношение к организации речевых и речемыслительных функций человека» [110]. По Т.Н. Ушаковой, «базовые элементы внутренней речи... интегрируются, объединяясь множественными временными связями», образуя обширную систему «вербальной сети». Причем в структуру вербальных сетей включены и следы непосредственных раздражителей, фиксирующих вместе со словесными сигналами прошлый опыт человека [109].

Существующее разнообразие трактовок внутренней речи свидетельствует о явных противоречиях в этом вопросе. Возможно, в условиях отсутствия смежного термина происходит некоторая перегрузка соответствующего понятия. Так, признание внутренней

речи как производной по отношению к внешней не согласуется с утверждением, что она программирует последнюю.

Представляется, что в такой ситуации должен помочь генетический подход, если проследить возникновение соответствующих функций и формирование средств их осуществления. По А.В. Ерахтину, «актуалистический» подход в изучении какого-либо явления помогает выявить генетические предпосылки его современного состояния [34]. В.Г. Панов в отношении изучения сознания писал: «...без раскрытия его предыстории нельзя выявить его суть» [81, с. 4].

По И.П. Павлову, механизмы внутренней речи являются важной частью ПСС. В свете генетического анализа можно сказать, что ПСС оказалась новой и, безусловно, очень важной составляющей мыслительного акта. Но надо отметить, что с развитием речи *означающие стали фиксировать* – наряду с предметными сигналами – и *узлы ассоциативных связей между ними*, в силу чего последние также оказываются элементами мыслительной деятельности. И это развивает систему дополнительных опосредствующих связей между входящими сигналом и Основной голограммой (голограммой существования). В этой же роли оказались и сами абстрактные понятия.

Кроме того, если говорить о связях вербальных единиц со следами непосредственных раздражителей, то надо заметить, что, несмотря на их обусловленность системой значений данного языка и социальной значимостью когнитивных содержаний, характеризующих данную культуру, – конкретный жизненный опыт и психика отдельных людей всегда отличаются от человека к человеку, и поэтому значимость воспринимаемых сигналов для них не может быть тождественной, так как включает индивидуальные эмотивные штрихи и ассоциативно-смысловые связи, существующие между подлинными означаемыми внутренней мыслительной деятельности, придавая им индивидуальное своеобразие в сознании субъекта⁵⁸.

⁵⁸ В связи с этим интересными представляются особенности индивидуального отражения мира в «семантических гештальтах», по Ю.Н. Караулову [41]. В специальных исследованиях по психосемантике были обнаружены различия в системах индивидуальных значений, на основе которых реконструировались тезаурусы личностных психологических черт [126]. Ср. исследования, направленные на

Таким образом, помимо эмотивных штрихов и, несмотря на культурную детерминированность связи между языковым значением и социально значимым когнитивным содержанием, означаемые субъекта несут свои смысловые ассоциации между мыслимыми реалиями Действительности, своеобразные, не типичные для большинства и определяемые разными условиями, часто связанными с их первичным восприятием⁵⁹. К этим условиям могут относиться и психический склад субъекта, и его культурный багаж, и другие особенности личности, либо случайные объективные совпадения, смежность внешних воспринимаемых ситуаций. Все это создает содержательные ассоциации, которые углубляют для субъекта означаемое соответствующих слов. Эмотивные и смысловые могут всплывать в связи с любой текущей ситуацией, в момент мыслительного процесса или в покое, медитации, часто подсознательно, казалось бы, вне связи с внешним воздействием или внутренними размышлениями и составляют глубинную, неповторимую, индивидуально-особенную сущность человека⁶⁰. Индивидуальные устоявшиеся ассоциации («проторенные тропы»), образуя сферу так называемых *вторичных голограмм*, характеризуют психику каждой личности, и именно на них в первую очередь строятся мотивационные структуры личности, формирующие ее жизненные приоритеты.

Все эти моменты оказывают влияние на индивидуальный мыслительный процесс во время принятия решения.

До появления вербальной речи в основе мыслительной деятельности уже функционировал некий механизм,

выявление различий в соотношении «перцептивных феноменов» с «внутренними представлениями» у носителей разных культурно-языковых сообществ [4].

⁵⁹ См. дальше об Образе мира (ОМ) как индивидуальной Картине мира личности (КМ) (см. также [38]). Ср. также понятие информационного тезауруса субъекта в работах по психосемантике [83, 84].

⁶⁰ Естественно, для человека важны не столько отличия эмотивно-смысловых ассоциаций отдельных образов и понятий, сколько в значительной мере опирающиеся на них и отраженные в индивидуальной картине мира (ОМ) представления о всевозможных явлениях жизни в своем обществе, в мире, об их истории, о сущности этих явлений и их значимости.

регулировавший практическую деятельность, – свободное доречевое мышление. Позже, с усложнением деятельности и развитием коммуникации, пришедшее ему на смену внутреннее мышление, помимо регуляции практических действий, стало регулировать и новый, развивающийся вид деятельности: функцию построения речевых единиц с целью достижения определенного коммуникативного результата [60]. Эту новую психическую функцию мы и называем внутренним мышлением – для противопоставления ее внешнему речемыслительному акту как выражению мысли средствами речевых единиц.

Однако вербализация коммуникативного процесса в какой-то мере давала возможность в случае необходимости использовать вербальные знаки и в процессе внутреннего мышления. Хранившиеся в памяти единицы и модели коммуникативных единиц оказывались полезным средством в случае развернутого внутреннего мыслительного процесса при «трудных» размышлениях, для уточнения идеи через сужение сложных мысленных понятий и представлений посредством их соотнесения с соответствующими элементами социальной системы языка (внутренние означаемые могут быть недостаточно конкретны, однозначны) хоть при обычном внутреннем мышлении это не требуется.

Подобное использование речевых форм возможно и в таком специфическом случае, как мысленное обращение к самому себе как к собеседнику (так называемая автокоммуникация или внутренний диалог)⁶¹. Эта мыслительная функция, действительно, производна по отношению к внешней речи (ведь вся речевая деятельность первично возникла в актах межиндивидуальной коммуникации, где и обрела расчлененную вербальную форму – для прояснения ситуации слушателю и «разумения» им мысли говорящего). В ней мысленные знаки часто оказываются облеченными в относительно полную словесную форму. Представляется, что именно внутренний диалог можно было бы назвать «внутренней речью», так как это самый ближний аналог внешней речи и он может считаться в какой-то степени ее

⁶¹ Иногда внутренние трудные размышления могут даже проговариваться вслух, «про себя» (вспомним интериоризацию: в данном случае как функцию уяснения ребенком смысла ситуативной деятельности).

проекцией. Все остальные использования этого термина представляются необоснованным его распространением на весь внутренний мыслительный процесс.

Как за внешней речью, так и в основе внутреннего диалога стоит сложный речемыслительный процесс – прямой наследник внутреннего мышления, которое на современном этапе опирается на мыслительные знаки разного типа, в том числе и аналоги слов. И этот новый этап в развитии внутреннего мышления, конечно, связан с развитием межиндивидуальной коммуникации и всей ПСС в целом. Можно сказать, что внутреннее мышление в условиях развития вербальной коммуникации *может принимать форму речевых, в разной мере развернутых актов* (что, видимо, и стало основанием для его названия внутренней речью). Но дело еще в том, что «слова» при внутреннем мышлении не являются аналогами слов во внешнем речевом действе, которые представляют собой единство звучания и значения как элементы лексической системы языка. Вводимые в код мыслительных операций большей частью для обозначения абстрактных понятий (как правило, в виде свернутых звуковых образов), они в общем случае могут использоваться как знаки непосредственно мысленных представлений, понятий или даже информационных узлов – в обход «кухни» лексико-семантической системы языка [61]. И эти опорные точки мыслительного процесса отличаются от слов устной речи не только своей редуцированной формой, но и *по функции* в составе формируемой мысли, по существу оказываясь внутренними знаками ассоциативных связей между понятиями и представлениями, индивидуально создаваемыми и значимыми для субъекта. Поэтому их лучше назвать «языковыми знаками». (И. Йоргенсен считает, что во всех случаях мышление оперирует символами⁶².)

⁶² Порой мы воспринимаем и осмысливаем ситуацию глобально, по ведущему для нас на данный момент признаку, оставляя на периферии сознания другие ее компоненты. При этом трудно бывает вербализовать и передать другому ее логическую оценку. И здесь опять проявляется, с одной стороны, глубинный содержательно-интуитивный контекст внутреннего мышления, а с другой – условность связи емких мыслительных компонентов с вербальными элементами языка. Ср. многие преимущества вербального мышления, особенно при материальной вербализации мысли средствами различных знаковых систем (письмо, математические и другие знаковые системы).

Из сказанного видно, что разные аспекты того явления, которое именуют «внутренней речью», не укладываются в единое понятие, а термин «внутренняя речь», кроме того, что он несет след первичного, в какой-то степени уже преодоленного понимания анализируемого явления (как проекции внешней речи) еще и лишает само понятие динамической ретро-, а может быть и перспективы. В том виде, как термин «внутренняя речь» принято употреблять в настоящее время, его можно считать лишь условным. На деле соответствующее явление есть сложный речемыслительный процесс, близкий к тому, что в данной работе мы называем внутренним мышлением; процесс, развивающийся во времени в связи с развитием ПСС (в той ее трактовке, которая дается ниже)⁶³.

Внутреннее мышление выполняет разносторонние функции речемыслительной деятельности. Можно считать, что и художественное мышление развивается главным образом уже на уровне внутреннего мышления с его наглядными образами восприятия и деятельности. (Это касается всех видов искусств, в том числе и музыки.) Внутреннее мышление, непосредственно ассоциируясь с эмотивной сферой, создает свои знаковые системы для воплощения чувств и соответствующих мыслей, не всегда выразимых языковыми средствами. В художественной литературе (особенно в поэзии) для их воплощения используются специальные речевые приемы – специфичные для разных жанров.

Таким образом, внутреннее мышление неоднородно. С одной стороны, это сам субъективно-мыслительный акт решения мысленной задачи в ситуативно-практическом или теоретическом плане – с использованием различных мыслительных знаков, а иногда и полных вербальных знаков или знаков специальных систем, разворачиваемый в меру уяснения мыслительной задачи и при необходимости ищущий внешнего вербально-знакового выражения с учетом ситуации общения (очного, заочного или

⁶³ Понятно, что П.Я. Гальперин, имея в виду всю сложность и специфику мыслительного процесса, о которых говорит А.Н. Соколов, исключал из сферы применения этого термина именно внутреннее проговаривание как наименее типичное и редкое для сущности речемыслительного акта [19].

монографического самовыражения)⁶⁴. С другой стороны, это – эмотивно-эстетический процесс, доводимый до максимальной степени определенности путем использования своих знаковых систем в стремлении к внешнему выражению. В первом случае подсознательно осуществляется функция программирования вербального выражения, во втором используются существующие эстетические законы, особые в разных видах искусств, но довольно субъективно используемые разными авторами.

В случае художественного мышления внутренними знаками оказываются элементы художественного выражения, соотносимые главным образом с эмотивным настроением автора и получающие внешнее выражение в соответствии с конкретным жанром, областью искусства, – отличаясь при этом, естественно, от внутреннего схематического представления законченностью и полнотой оформления. Ср. живопись, скульптуру, танец. Но самый эффективный выход эмоции получают в музыке. Без нее трудно представить себе жизнь⁶⁵.

⁶⁴ Надо отметить в связи со сказанным выше, что мысль не столько совершается в слове, сколько воплощается в нем – при параллельном процессе программирования формы высказывания, а сама мысль рождается в процессе внутреннего мышления в опоре на его специальные средства (см. выше). Но вербализация мысли часто оказывается важной как в плане ее возможного уточнения, так и в общем плане познания действительности и ее дискретизации благодаря закреплению за мыслительными элементами конкретных знаков символизации: математических... и др.

⁶⁵ Творчество издавна проявляло себя не только в искусстве, но и в практической жизни. Собственно, изыски французской кухни, винотворчество, духи, моделирование одежды это тоже искусство. Но почему именно музыка так благоприятна для человека? От клетки до сознания организму свойственна динамика всевозможных ритмов, а, может быть, и высотных различий (в неживой материи она имеет другие формы выражения). Наш организм, и не только наш, но и все живые организмы, открыты акустическому воздействию среды. Между тем из внешней среды поступают разнообразные акустические сигналы. Но именно гармония способствует слаженному взаимодействию и самому функционированию материи на всех уровнях. Поэтому музыка как гармоническое акустическое явление оказывает благоприятное воздействие на всех уровнях организма: от физиологического до эстетического уровня в сфере сознания.

Надо заметить, что чувство формы отнюдь не «формально» вообще, а в искусстве – особенно: оно всегда насыщено эмотивно. В художественном произведении форма – носитель авторской эмотивности – либо по отношению к передаваемому содержанию, либо как выразитель его общего мироощущения в момент творчества. Поэтому поиск формы – не пустой формализм в искусстве, а способ передачи вовне нового эмотивного начала, которое формируется в процессе осмысления меняющегося мира.

Именно общность формы, объединяя «художников», создает новый стиль в искусстве.

И все же именно слово как универсальный знак представлений используется как для выражения мысли в практической и научной сферах, так и для передачи эмоций. Но если осознанные волевые поступки (в том числе, речевое общение в реальной ситуации общения) человек совершает, ориентируясь на конкретные жизненные условия, то в художественном творческом процессе, совершаемом главным образом на уровне внутреннего мышления, эмоциональные ассоциации каких-то психических образов ищут свое внешнее воплощение часто полуосознанно (ср. фразу А. Ахматовой о том, что ее «рукой кто-то водит»). И чем больше это воплощение оторвано своим содержанием и образами от реальной практической жизни, тем более оно поэтично, иносказательно, художественно; но всегда, если психика нормальна, она хранит и отражает суть жизненных отношений и эмоциональный настрой автора, получающих особенно яркое воплощение на фоне неясных, часто подразумеваемых объектов реальности.

Музыкальная гармония характеризует и стих. Ритм в стихе нас радует и успокаивает, а согласие рифм подобно тонкой мелодии. Но в стихе основным содержанием является мысль, главным выразителем которой является значение слов; а музыкальность формы (ритмомелодика) оказывается лишь сопутствующим моментом, оттеняющим ее.

В музыке же ритм и мелодия – основные средства выражения содержания, которым являются музыкальные образы, и на основе настроения и эмоций, возникающих при их восприятии, у слушающего могут возникнуть свои воображаемые и даже фантастические смыслы, ассоциируемые с этими музыкальными образами.

Т.е. гармония формы и смысл в музыке и стихе выполняют разные функции.

Неопределенность и многозначность смысловых лакун, неожиданность и неясность метафорических образов и специфика лексики – создают атмосферу возвышенной духовности, отстраненной от суетных будней. Даже когда поэт описывает какую-либо реальность, он как бы окутывает ее своей фантазией, обогащая ее ассоциативными образами и сюжетами. То есть ведущими здесь являются чувство и настроение⁶⁶. Иное дело – выражение рациональной мысли: она стремится к четкому и лаконичному отражению наблюдаемых явлений в мире.

Все разновидности внутреннего мышления функционируют в той или иной степени в соответствующих сферах

⁶⁶ Творческий процесс – это всегда стремление беспокойного, мятущегося эмоционально-духовного к своему внешнему материальному воплощению. При этом накал, внутреннее напряжение мысли настолько поднимается (действие торсионных полей?), что настойчиво ищет своего внешнего выражения, не только в плане содержательного уточнения, развития, но и в плане энергетической разрядки, что сравнимо с потребностью разрядки чисто эмоционального напряжения. Впрочем, любое творчество

обязательно эмоционально подпитано. И чем выше напряжение поля, тем результативнее информационный поиск: вялые мысли – как и вялые практические действия – не создают ничего нового. Новое рождается в результате активного взаимодействия стихий: парадоксальных мыслей, нетривиальных ассоциаций психических образов – с эмоциональной волной, которую создает раскачка торсионных полей [1, 88].

жизнедеятельности, находясь в некотором взаимодействии друг с другом. Во временном же аспекте в динамике развивающегося мышления каждая новая ступень, не отрицая предыдущую, частично опирается на нее.

3.3. Общая картина развития психики и мышления в антропогенезе.

Если соотнести развитие психики и мышления с видами деятельности и общения, то соответствующая схема примет такой вид (схема 6) :

Схема 6. Развитие психики и мышления в соотношении с видами деятельности и общения¹

Докоммуникативный уровень			Коммуникативный уровень		
Общение	Ситуативные звуко-жестовые сигналы («стадная сигнализация»)	Номинанта	Первичные коммуникативные единицы (KE ₁): номинанта + модальные знаки	Развитые коммуникативные единицы (KE ₂): $\frac{\mathcal{E}_1 - \mathcal{E}_2}{D}$ Первые речевые единицы ⁶⁷	Современная вербальная речь
Поведение	<p>I. Активность = реализация инстинктивного побуждения</p> <p>II. Поведение с учетом наглядно не заданных условий: по представлению возможной будущей ситуации как прогнозируемого фрейма ответной реакции</p>	<p>I. Суггестивное поведение (научение по наглядному жесту вожака/родителя)</p> <p>II. Охота, собирательство, рыбная ловля; разделка туш. Первые орудия. Тотемы, поклонение огню</p>	<p>Развитие коллективной ситуативной деятельности под руководством лидера. Развитие социальных отношений. Олдувайская культура. Поклонение идолам, политеизм, кипу, мифы, наскальная живопись, скульптурные фигурки</p>	<p>Планирование деятельности (главным образом лидером); разделение трудовых функций; развитие социальной структуризации; социально обусловленная и социально регулируемая деятельность. Культура Мустье. Земледелие, скотоводство, религия</p> <p>Языковая система: номинативные единицы, модальные и предикативные знаки. Развитое I членение речи (KE₂), начало syllabic противопоставления. Внутреннее мышление обогащается «знаками» из внешней речи. В условиях совместной деятельности развиваются</p>	<p>Функциональная специализация слоев общества; развитие государственности, войны – территориальные и религиозные; производство и наука – в основе социального прогресса (научно-техническая цивилизация); развитие средств сообщения и информации постепенно приводят к глобализации; развитие информационных технологий и выход в космос</p>

⁶⁷ Д – знак Действительности, Э1 и Э2 – знаки элементов Действительности. Таким образом, в первых речевых единицах представлено соотношение элементов Действительности в их совместном отнесении к самой Действительности.

Психика	<p>I. Ситуативно-деятельностные фреймы с вычленением формо-пространственных отношений в глобально воспринимаемой Сит. в “неживой природе”; выбор фрейма – преддверие мышления</p> <p>II. Ситуативные модели, соответствующие когнитивным схемам. К формо-пространственному восприятию + учет возможного ответа оппонента – в ситуациях с живыми участниками</p>	<p>I. В ситуативной деятельности под руководством вожака “предметное” (наглядно-деятельностное) мышление</p> <p>II. Соотнесение действия с требуемым результатом (осмысление цели действия) = свободное доречевое мышление. Осмысление отношений: S-O и S-S. Начало представления о причинно-следственных отношениях. Внутреннее мышление, КОС, ПЛК. Номинанта из знака регуляции ситуативных действий превращается в знак представления действия, т.е. становится орудием мышления и регулятором собственного поведения. Т.о. вся деятельность – и внешняя и внутренняя – оказывается символически опосредованной ими</p>	<p>Первичный язык = номенклатура номинант + набор модальных знаков; некоторые образцы их сочетаний в КЕ. Начало I членения коммуникативных единиц. КЕ₁ в уме создают модели некоторых ситуаций, развивающие соответствующие представления. «Кодирование» представляемой ситуации в КЕ с целью вызвать это представление у реципиента и побудить к соответствующему поведению в <i>заситуативном общении</i> (функция опосредованного побуждения), либо – благодаря модальным знакам – с чисто информационной, нарративной целью</p>	<p>обобщенные и абстрактные представления (понятия) с закрепленными за ними социальными значениями. Их систематизация приводит к социально апробированным информационным блокам и областям знаний, образующим Картину мира. Параллельно существуют индивидуальные представления, отражающие реальные сущности с эмоционально-смысловым содержанием, которые в соотнесенности с КМ образуют индивидуальный Образ мира. Речевая способность, развивается при построении КЕ₂, выражающих некоторое содержание, которое в соотнесении с ситуацией общения обретает определенный смысл. В заситуативном же общении именно выражение модальности и предикативности превращает речевую единицу в коммуникативную. (В этом смысле «высказыванием» были уже самые примитивные в содержательном плане единицы общения (возможно уже у Homo Erectus)</p>	<p>Вся деятельность тесно связана с интенсивно развивающейся психикой и речевым мышлением. Книгопечатание – на основе формирующихся языков современного типа. Последние представляют собой системы знаков со звуковыми дифференторами (фонематическими и просодическими), создающими II членение речи – вместо прежнего глобально-фонетического или частично силлабического различения смысловых единиц. Развита модель речевых и коммуникативных единиц</p>
---------	---	--	--	--	--

Из схемы 6 видно, что в процессе развития деятельности операции с элементами наглядной ситуации, ориентированные на определенную цель (вне фреймовской модели), развивают новый психический механизм, активизирующий индивида на уровне свободного доречевого мышления. Первые коммуникативные единицы (KE_1) как начальное расчленение сигнала были связаны с появлением номинанты, сопровождаемой первыми модальными знаками. Дальнейшее развитие коммуникативных единиц (KE_2) приводит к развернутому выражению мысли подлинно вербальными средствами (каждый элемент которых имеет обобщенное системное значение). Это развитие осуществлялось не только за счет появления новых номинант; вероятно широко практиковалось обозначение отдельных смысловых и эмотивных элементов ономаσιологическим путем. Развивалась субъектно-предикатная структура высказывания; при этом грамматические элементы и структуры тоже могли быть эмотивно отмечены.

В содержательном плане в условиях коллективной активности под руководством лидера первичные жесткие формо-пространственные представления фреймовского типа дополняются, по-видимому, через ступень «тесной ассоциации впечатлений» освоением ситуативных причинно-следственных отношений (действие \rightarrow результат). Позже могли появиться представления пространственно-временных отношений: «это» связано с таким-то ситуативным/временным контекстом, «то» – с другим (в том числе – природным); а затем и еще большее освобождение временных представлений: сначала «это», затем «то». Подлинные временные представления, уже почти полностью оторванные от формо-пространственных ситуативных образов, должны были опираться на знаковые обозначения, и они, возможно, были первыми абстрактными представлениями в зарождавшемся сознании.

В целом появление и развитие животных организмов означает возрастание активности живого на Земле. В процессе приспособления активность приводит к возникновению соответствующей психической функции и типа общения. Типы активности психических функций и форм общения развиваются во взаимодействии. Предполагаемая (на основе разноместных археологических раскопок) множественность «эволюционных проб» не исключает возможность (необходимость?) представляемого пути развития поведения, языка и мышления для

одной ветви предков, именно той, которая привела к появлению *Homo sapiens*.

В принципе можно соотнести антропологические термины: организм, особь, индивид, личность с развивающейся активностью взаимодействия организма со средой следующим образом: 1) реактивное поведение – *организм*; 2) фреймовское поведение – *особь*; 3) ситуативное мышление с представлением действия и воля к нему – *индивид*; 4) сознательное, мотивационно-осмысленное поведение и развитая духовность – *личность*.

Возрастание активности рода Номо во времени проявляется в расширении ареала распространения с приспособлением к местным условиям и началом зарождения рас.

Разные позиции авторов в отношении того, что именно: усложнение условий существования или улучшение их – усиливало динамику антропогенеза, дополняют друг друга: усложнение условий существования (ледниковый период, например) приводило к развитию деятельности, мышления и психики в целом, а периоды благоприятных условий должны были приводить к демографическому росту и территориальному распространению популяций. Для археологически близкого к нам времени ученые отмечают следующие закономерности демографического развития, обусловленного возможностями жизнеобеспечения населения Земли:

(1) в эпоху охоты и собирательства Земля могла обеспечить 10 млн. людей; (2) с развитием земледелия и скотоводства темпы роста населения возрастают; (3) следующий этап роста связан с распространением дорог, обеспечивающих обмен товаров и технологий; (4) в настоящее время функция дорог отошла на второй план; на первом месте – средства технической информации, которые обеспечивают еще больший темп демографического прогресса; этому же способствует развитие и распространение медицины. Человечество уже не может уповать на естественные возможности Земли в жизнеобеспечении растущего населения. Приходят новые технологии, в частности, по генетическому усовершенствованию продуктов питания, увы, с непредсказуемым результатом воздействия на природу человека. (Впрочем, то же можно сказать обо всех технических, информационных, научных открытиях, внедряемых в жизнь.) С другой стороны,

жизнеобеспечению населения, возможно, сможет способствовать и всеобщая регуляция рождаемости.

4.1. Формирование сферы представлений. «Неизвестное».

Здесь отвлечемся на некоторое отступление. Формирование сферы представлений, начавшееся со свободного доречевого мышления, продолжается и на уровне внутреннего мышления, порой опережая познание «неизвестного» и дополняя его воображением. В принципе даже сам факт неизвестности, например, будущего, обогащает психологию субъекта (мы понимаем психологию как социально ориентированный аспект психики, опосредствующий контакт субъекта со средой). Ожидания, предположения, сомнения, планирование и, соответственно, уверенность/неуверенность в достижении цели, обдумывание всех обстоятельств возможного или укрепление воли в достижении желаемого – все это активизирует деятельность субъекта и, сопровождаясь, как правило, эмоциональными переживаниями, обогащает его психологию, развивая в целом психику субъекта⁶⁸. Но с другой стороны, воображение как допредставление, домисливание неясных отражений, образов, знаний о действительности, становится базой для появления мифов, сказок, народных легенд, а позже и религий.

В связи с последним можно говорить об одной важной роли использования «неизвестного» в жизни народов. Издревле людям было свойственно естественное, неосознаваемое чувство общности,

⁶⁸ Задача разгадать, поставить какие-то цели на будущее – часто может быть связана с анализом своего прошлого и настоящего в плане своей деятельности, отношений с окружающими, анализом своих мотивов, их социальной и индивидуальной значимости. Опыт же прошлого оказывается базой для деятельности в настоящем и для планов на будущее. Таким образом, если память прошлого наполняет КМ индивида, являясь основой его жизнедеятельности и восприятия мира, а знания оказываются орудием его практической и духовной деятельности, то мысли, представления о неизвестном будущем оказываются стимулирующим началом всей активности субъекта. При этом строятся радужные планы, и всегда довлеет надежда на исполнение желаний, как феникс, возрождаясь после очередных бед или неудач, она поддерживает человеческий дух и волю к жизни.

связи с Природой. Позже оно стало переосмысляться в некую зависимость от нее. Предрассудки, поклонения духам – первоначально атрибуты фантастических представлений о неведомых силах Природы – отражались в язычестве. Со временем появлялись касты жрецов, проповедовавших идею управления миром высшими силами (возможно, перенос бытовых социальных отношений или интуитивная убежденность в иерархическом устройстве мира?); идею, получившую различные воплощения у разных народов.

Два тысячелетия назад в Европе стало развиваться христианство, в котором идея Высшего начала, как некоей неведомой силы, стоящей над всем и управляющей миром, подкреплялась реальными «миссиями» просветителей, «учителей», святых отшельников, своими речами и конкретными делами (включая экстрасенсорику) являвшими образец праведной жизни, проповедовавшей ими «во спасение душ» – на деле: во спасение от греховной жизни и сохранение человеческого общества»⁶⁹.

Так появилась религия, вид человеческой деятельности, охватывающей все стороны Культуры и психику большинства людей. Священное учение ложилось на благодатную почву интуитивного ощущения причастности человека к Природе и некоей силе, существующей над всем. Эти чувства и представления отражены не только в языческих верованиях; они в зародыше существовали уже у наших предков, что, по-видимому, находит отражение как в некоторых наскальных изображениях, так и в обрядах захоронения древних гоминидов.

Таким образом, истоки веры коренятся в психике наших предков, которые искали и не находили объяснения миру. Можно сказать, возникновение религии завершает давний, донаучный поиск пытливого ума Номо о сущности человека и жизни. К. Ясперс писал, что человек издавна создавал для себя картину

⁶⁹ Надо признать, идея стоила того, ибо с отходом от примитивной жизни наряду с положительными сторонами «прогресса» все больше стали проявляться его отрицательные стороны. Проповедываемые нашей религией моральные принципы (10 заповедей Христа) и скромный – по возможности жизненный уклад должны были способствовать хорошему внутреннему самоощущению человека и формировать его доброе отношение к миру, к людям. То есть спасти душу людей и как результат – сохранить жизнь человечества.

универсума: сначала в виде мифов, затем – калейдоскопа божественных деяний, движущих судьбами мира.

В средневековье религия становится доминирующей формой культуры, с идеологией, стремящейся создать мировые религиозные «империи». Но в контексте эстетической культуры Возрождения в эпоху Античности, а позже и усиления роли науки и философии в Новое время появляются различные ревизионные учения в Европе – вплоть до атеизма⁷⁰. Тем не менее, религия в том или ином виде присутствует в умах людей до сих пор. Она персонифицировала естественное чувство человека о высшей силе, дав ей имя Бога как «Творца» и всеобщего заступника на Земле. При этом верующие как будто освобождаются от естественного страха смерти, им обещано «спасение душ». К тому же им представляется чудесная возможность грешить, очищаясь покаянием («Бог не любит грех, но любит грешников»). Легкость спасения от «нечистой силы» святым крестом – тоже важна.

Духовность в широком смысле и социальные идеи в разной мере и в разное время движут народами в их историческом развитии. Развивается познание мира, хоть и в настоящее время нам не дано знать, существует ли единая Высшая воля, управляющая всем этим хозяйством или возможно ли ее нахождение вне нашей Вселенной либо в другом ее измерении. (Ср. семь уровней реальности по А.Е. Акимову [1].).

Религия как атрибут Культуры оказалась очень значимой как в социальном, так и в психологическом плане. В частности, религиозные обряды дают верующим покой и чувство смиренного единения. Вера дает надежду на добрую волю Всевышнего и Его Любовь. Молитва – это вербализация определенного отношения к Нему, она настраивает самого молящегося на соответствующее

⁷⁰ В последнее время влияние религии в Европе пошло на спад. Возможно, этому способствует, помимо прочего, и уровень просвещенности в этих странах. В России же в настоящее время отмечается некоторый подъем религиозности. В качестве причин к гео-историческим факторам, формировавшим менталитет народа, здесь надо прибавить особенности политической атмосферы в стране в XXв. Гонения на церковь с последующим их прекращением создали большую амплитуду синусоиды психики людей, ищущих если не ответов на тревожащие вопросы, то по крайней мере какого-то душевного покоя.

поведение и «очищает» от земных сует (особенно молитва за ближнего или за общее благо).

Нельзя отрицать истинность одних или содержательную значимость других моментов религиозного учения; а наивная сюжетность, имеющая целью «оживить» внушаемые представления как и переносность значений или обобщенность смыслов не мешают, а помогают ему выполнять свою роль: религиозными образами и сюжетами пропитана вся наша культура.

Человеческая психика углубляется не только в осмысление практической жизни, но и во все более усложняющиеся абстрактные представления. Люди создают себе воображаемый мир и духовно преданы ему. Поэтому «неведомое» занимает такое значительное место в психике (боязнь чертей, страх привидений – это его отголоски). Народные, особенно древние поверья часто включают неведомые силы как участников событий, влияющих на человеческую жизнь. В мире жестокой реальности в людях есть потребность в любви и заступничестве. Родители уходят, религия создает иллюзию Церкви как «земного дома», да еще обещает блаженство в загробной жизни.

Важна, в конце концов, не истинность учения или соответствующих представлений, но вера в них, которая как бы расширяет контекст существования и придает ему более глубокий смысл, направляя людей на сохранение нравственности и мира. Люди рады жить в этой сказке, доброй, таинственной, отвлекающей от серых монотонных будней, не дающих ответа на беспокоящие вопросы: Откуда? Куда? Зачем?

Сказки, особенно волшебные – сфера нашей культурной колыбели. Доброе волшебство – область неизвестного, неизведанного, но желаемого; оно завораживает с детства наше воображение. В общем и целом все виды духовной деятельности – так же, впрочем, как и празднества, развлечения, игры, светские обряды – разнообразят убогую монотонность материального потребительства и со временем становятся все нужнее людям как потребность разносторонне развивающейся психики.

Но существует еще один важный фактор: эстетическое чувство. Люди сильно подвержены влиянию искусства. А так как образы – основа психической деятельности, то использование религиозных образов в ореоле воображаемой (и настойчиво внушаемой) святости оказывалось сильнейшим средством распространения конкретной

веры – не говоря уже о последующем влиянии воплощения этих образов в разных видах искусства: от литературы – до архитектуры и музыки. Существует даже мнение, что вся российская культура зиждется на православии (вспомним о колоссальном влиянии библейских сюжетов на искусство). Ведь человек живет духовными интересами и душевными переживаниями: в значительной мере именно они определяют полноту человеческой жизни.

Словесные убеждения (нередко вызывающие логичную критику) дополняются в религии непосредственным воздействием на психику и эстетическое чувство верующих – разными, в том числе художественными средствами символизации, создающими благоприятный эстетический настрой для восприятия проповедуемой веры⁷¹.

Но тут важен еще один момент. Человек может нормально жить только с радужной перспективой – причем, для всего человечества. Он созидает и совершенствует жизнь и себя во имя этого. Между тем, перспектива нашей цивилизации с ее научно-техническим прогрессом не представляется радужной. Урбанизация вытравливает древнее естественное отношение к Природе как своей колыбели, а эзотерика, воспрянувшая на этой почве, как и «научные» и прочие предсказания о грозящей космической катастрофе еще больше быют по важнейшему экзистенциальному чувству, выражаемому не только глаголом «быть», как считает Ф. Бом, но и всей системой предикации. В результате – разочарование в земной жизни, приводящее к вере, как убежищу.

Итак, с древнейших времен и до сей поры сфера верований пронизана символикой. Бог – самый абстрактный, иррациональный символ, который вопреки данным науки покоряет не только чувства, но и мысли верующих. В основе веры лежит интуитивное стремление быть патронируемым; с другой стороны – давнее

⁷¹ Символизация использовалась уже прегоминидами; это – жестовые сигналы вожака в ситуативной деятельности, позже вытесненные звуко-знаковой сигнализацией. Со временем она распространилась во всех сферах жизни. Так, заситуативное общение было в значительной степени символическим, представляя собеседнику моменты прошлой ситуации. Позже символизация обретает функцию представления мнимого, воображаемого, в том числе и религиозного содержания, влияя опосредованно на поведение людей.

стремление мысли найти какое-то объяснение силам природы. Заложенное с древнейших времен в человеческую психику, оно и теперь оказывает колоссальное влияние на людей: слияние эмоций с поклонением высшим силам Природы (неважно, в какой форме или вере это проявляется) с древнейших пор и до настоящего времени неизменно. Но если идола и боги Востока символизировали силы Природы (нравственность по отношению к ней), то христианский Бог – олицетворение социальной нравственности (христианство появилось там, где возникли проблемы с социальной нравственностью).

Вера в единую высшую силу в конце концов может некоторым образом сомкнуться с наукой, если последняя сумеет (успеет?) выявить ее сущность. Но тогда религии нечего будет делать – во всяком случае, в социумах, воспринявших эти знания⁷². Лейтмотив религии – вера в высшую иррациональную сущность – превращает истину из объекта познания (гносеологическая категория) в религиозную тайну, в принципе не предназначенную для постижения и аргументируемую в лучшем случае некоторыми событиями, имевшими место в прошлом и трактуемыми в том или ином виде – с целью руководства поведением людей.

Но вера в Бога и религия – разные вещи. Чувство Бога естественно присуще человеку. Оно впитывается вместе с молоком матери как источник любви, добра и света. Человеческая душа открыта Богу, данному нам в ощущениях как высшее естество, частью которого мы являемся и которому как высшей истине дано помочь нам в трудную минуту. Когда же человек получает противодействие своему самопроявлению в обществе, это именуется злом.

Попытки осмысления всего этого нашли отражение в философии прошлого. Более поздняя философия направлена на осмысление причин зла на Земле и возможных путей его

⁷² Е.Ю. Бельская предлагает компромиссное решение: «...не пытаюсь вытеснить “одно или другое” (рациональное познание мира или веру. – В.М.), искать гармонию между знанием и верой», которая, по мнению автора, «могла бы обеспечить человеку духовное здоровье и поисковую активность» [6]. В.Г. Панов считает, что если бы наука нашла решение всех рассматриваемых религией проблем ... религии пришел бы конец... Но это означало бы и конец самой науки, ибо ей ничего больше не оставалось бы знать» [81]. С последним – трудно согласиться.

устранения. Эта социологизация проблемы нашла отражение в частности и в нашей стране⁷³.

В настоящее время признание религиозных постулатов закрывает путь к познанию истины фактической, научной. Наука, правда, и сама пока (?) не может дать исчерпывающего ответа на вопросы о сущности мира, его происхождении и законах существования. Она *изучает* явления мира, внешнего по отношению к человеку и внутреннего. Экспериментальная и полевая – специальными методами добывает конкретные *факты*, а теоретическая, трактуя эти факты в их соотношении, структурирует отдельные *знания*, сводя их по возможности в системное представление о мире. И только. В религии же господствует фактор внушения воображаемого, поэтому спектр представлений здесь несравненно шире, фактически безграничен.

Итак, религия опредмечивает инстинктивное чувство причастности человека к естеству Природы. Если до религии люди жили в неразрывной связи с Природой, то религия стала выводить это имманентное чувство на уровень осмысления, придавая ему назидательную содержательность. Люди, воспитанные в атеизме, не могут отвергнуть существующее в них чувство причастности и в определенном смысле зависимости от Высшей силы, и некоторые из них все же принимают религиозную версию существования мира и человека, не придавая значения ее слабым сторонам. Другие же, считая религию духовным насилием, пытаются на основе данных науки и философии найти свое решение вопроса. Они не могут принять религиозные проповеди в их детской мишурной одежде и задаются вопросом, откуда взяты проповедываемые «истины». Но вопросы и сомнения в религии греховны, по крайней мере – нежелательны; и тем она отталкивает от себя тех, для кого догмы закрывают путь к реальному знанию, ставшему настоящей потребностью Разума в наше время. Для них религия есть величайшая мистификация, опирающаяся на человеческое воображение и потребность быть патронируемым⁷⁴.

⁷³ Коммунистическая идеология оказалась не менее действенной, чем христианская вера, и в революционную эпоху в России эти две морали повели людей одной страны друг против друга.

⁷⁴ Надо заметить, что не всегда совершаемые религиозные обряды свидетельствуют о наличии истинной веры у человека.

Мы живем в воображаемом мире не меньше, чем в реальном; и оттого, насколько он соответствует действительности или общепринятым представлениям, зависит адекватность нашего поведения. Иллюзии уводят нас от практической жизни, которая не дает ответов на вопросы о жизни и смерти, о смысле существования и назначении человека. Вопросы эти не находят ответов и в научных исследованиях, а церковь оказывается тем деятельностным институтом, который, опираясь на эти внутренние духовные искания людей, социализирует и канонизирует их, формируя в русле той или иной религии.

В контексте христианской религии неизменно встает вопрос: несмотря на то, что современная жизнь стала социально прагматичной и акцент жизнедеятельности большинства людей обращен в материальную сферу (развитие духовности в человеческом обществе осуществляется неравномерно) – надо ли веру как душевное состояние подменять социальной деятельностью⁷⁵? Возможно, в этом есть потребность (по крайней мере, для части населения) особенно в сложные, «смутные» времена, когда теряется и так не совсем ясный смысл и перспективы человеческого существования – не говоря уже о власти традиций (ср. усиление роли религии в эпоху малого оледенения с XIII в., крайне осложнившего жизнь людей).

Но в чем причина того, что уже в наше время религия почти не сдает свои позиции? Донаучное представление и осмысление мира опиралось на естественное чувство причастности к Большой природе. А теперь людям хочется иметь хоть какое-то значимое представление о мире и своем месте в нем, но научные данные не всем доступны, да и не все науке известно.

С другой стороны, отход от традиций лишил бы человека социального комфорта в определенных значимых для него кругах. Помимо значимости морального аспекта веры (что признают даже неверующие), религиозное учение открывает перед человеком замечательный мир искусства, посвященного ему и придающего вместе с ним особую духовную глубину психике людей, которые не

⁷⁵ Религия, являясь одним из проявлений развивающейся духовности, вместе с тем отличается жестким социализированным императивом.

хотят жить исключительно (или хотя бы преимущественно) прагматикой жизни.

Но как представляется, есть еще один очень важный фактор в этом ряду. Это – психическая предрасположенность к религиозности, которая отразилась, по-видимому, уже на новом генетическом уровне в результате многовековой религиозной активности, поддерживающей и развивающей психическую склонность рода Ното в его устремленности к «воображаемому».

В воображении людей неведомое предстает таинственным, но существующим; оно как бы наполняет, обогащает сферу представлений, тем самым придавая жизни особый интерес и духовную глубину и объединяя людей в этой устремленности. При этом как будто расширяется не только пространственный диапазон их психики и не только их социально-деятельностная и притом морально осмысленная активность. Но в их представлении – и временной диапазон как бы расширяет рамки их земного существования («загробная жизнь»). Привлекательность суммы этих психологических моментов оказывается так велика (особенно при самом раннем вовлечении детей в религиозный обиход), что никакие более поздние резоны против сказок о происхождении мира и человека уже не могут победить эту традицию.

Развитие религиозности характеризует некоторые этапы в развитии человеческой психики:

1) Сначала связь с природой естественна, чуть ли не физиологична;

2) С появлением вербальной символизации в процессе ситуативной деятельности и развитием представлений – одухотворение предметов и явлений природы с их знаковым обозначением;

3) С развитием разнообразных сфер деятельности и социальных отношений – «сотворение» богов, уподобляемых сильным мира сего, с наделением их определенными функциями высшей власти над людьми (здесь народ пока предстает глобально).

4) С развитием личности все больше стала проявляться значимость межиндивидуальных отношений для социума. Возникают религии современного типа, в центре внимания которых оказываются вопросы морали и нравственности людей.

Существуя непрерывно, религиозность впитала в себя все древние и более поздние слои психического представления о связи с

природой, о существовании высшей силы (высших сил) и т. д. Поддерживаемая непрерывной традицией, укрепляемая высокой эстетикой и благами обещаниями церкви, она стала почти неотъемлемым свойством человеческой психики, закреплённом на генном уровне в виде психологической предрасположенности.

Религия в значительной степени достигает своей цели путем разнообразнейшей символизации внушаемых представлений. Мысленные манипуляции представлениями у людей вообще осуществляются большей частью на основе символов (у шимпанзе, например, их нет [49]). В отличие от обезьян у человека на каком-то этапе осмысления среды благодаря символизации элементов ситуации «предмет» мышления оказался в голове, и такая его специфика позволяет осуществлять высокие уровни опосредствования – вплоть до полной абстракции от первичного представления. И вместе с тем, она может динамизировать всю его психику. Мыслительная работа на уровне сознания – это, как правило, логические операции с теми/иными представлениями или понятиями – путем манипулирования их символами.

Можно сказать, что всякое самовыражение осуществляется средствами символизации. Последняя часто оказывается основным средством выражения идей и чувств. Символизация выражается не только предметно, но и деятельностно, процедурно: ритуалы, действия, поступки тоже могут носить знаково-символический характер. К примеру – все религиозные обряды, паломничества в святые места... На символизации базируются не только внушаемые представления и личные воображения верующих; она пронизывает всю религиозную, житейскую и социальную активность... Например, все современные обряды светской, военной, спортивной жизни и др. А мир детских игрушек и игр? (ср.: «Давай понарошку!»). Елка, талисманы, ордена, форма – военная, спортивная...

Одним из примеров символизации являются древние виды письма (клинопись и особенно иероглифы; есть даже мнение, что специфика китайской культуры связана с «иероглифическим мышлением» ее создателей). Даже петроглифы и украшения

издревле использовали символизацию. Но и фонетическое письмо носит ее следы⁷⁶.

В расширенном понимании – любое обозначение есть символизация (если оно как-то связано с представляемым образом и не обусловлено специальной знаковой системой). О роли символического воображения в художественном творчестве можно и не говорить, настолько это очевидно. Но и в самой науке творческое воображение опирается на соответствующие символы.

С самого начала возникавшая символизация как опора ситуативно-деятельностной мысли способствовала развитию опережающего, упреждающего отражения среды; и в этих условиях ситуативная активность людей естественно двигалась в направлении к все более интенсивному взаимодействию со средой и к активному воздействию на нее. С тех пор легкость символической мысли, прогнозирующей воображаемый результат, стала довлеющей в человеческой психике; людей стало одолевать стремление, а порой и неудержимая страсть к творческому осмыслению Природы и созиданию Жизни.

Таким образом, символизация не только «создала» язык, но и стала базой подлинно мыслительного процесса. Оторвав его от ситуативной наглядности, символизация стала основой всей психической активности людей как в практической, так тем более и в теоретической деятельности.

Если представить себе, что активность людей на уровне личности распределяется в основном между двумя полюсами интересов: «Как мир устроен?» «Как в нем получше устроиться?» – то можно увидеть, что во втором случае превалируют личные практические интересы; в первом же доминируют общие, теоретические проблемы и перспективы их решения в масштабе человечества, общества, страны. Это – наука, философия, религия, искусство. Корни теоретической деятельности – тоже в древнейшем приспособительном инстинкте, но она уже далеко отошла в сферу абстракций.

⁷⁶Первичные номинанты были звукоподражательны – как отзвуки внешних фактов и их субъективного восприятия. В дальнейшем они постепенно теряли это качество, превращаясь в условные знаки, возрастающая и усложняющаяся номенклатура которых и становилась знаковой систмой языка (территориальных языков).

Искусство – особая область эстетического восприятия и самовыражения – вне личных практических интересов, хотя эмоции – его база – генетически исходят из первичных инстинктов. В ряду искусств поэзия – особый вид творчества, где эстетичность образов, помноженная на эмоциональную лаконичность и специфику ассоциаций, создает высший духовный уровень гармонии мысли и чувства. Наполнение ими вторичных голограмм (основы мотивационной деятельности людей, в принципе различной у отдельных личностей) может определять и направлять человеческие интересы и, соответственно, – их деятельность.

Музыку Шопенгауэр определял как «выражение сущности мира», подчеркивая особый характер ее абстракции по сравнению с абстракцией понятий. Понятия, как рациональные абстракции от конкретных «предметов» Действительности, воплощают объективную сущность последних. Музыка же, как эмоциональное переживание проявлений жизни, отходит от конкретики в сферу индивидуальной психологии. Но в силу и в меру психической общности людей она понятна, близка разным людям и, поднимаясь над языково-понятийными различиями, объединяет их.

Именно символизация обеспечивает творческую деятельность людей, не в последнюю очередь отличая их от животных и безмерно расширяя возможные перспективы нашей деятельности.

Мы живем в мире символов⁷⁷.

Вера в Добро и надежда на лучшее – духовные опоры в житейских бурях. Издревле представление и воображение создавали образы добрых и злых духов. Позже пантеон Богов призван был сопровождать человека в этом и загробном мире; создавались различные религиозные учения, пытавшиеся как-то гармонизировать человеческую психику, а разум – создавал образы светлого будущего, часто призывая к насильственному изменению мира.

⁷⁷ По-видимому, символизацию можно считать одним из основных принципов самовыражения психики во внешней среде (когда нет прямого словесного, то есть знакового обозначения явления). Другие принципы психической деятельности: а) ассоциация – при создании психических образов разных уровней и сложности и б) опосредствованность при формировании понятий, КМ и особенно структурировании ПСС – проявляются в основном во внутреннем ее функционировании.

Сегодня, независимо от религиозных и революционных воззваний, мы понимаем, что психика – это самое дорогое и хрупкое, что мы имеем. Люди создают себе интересы, дела, обычаи, придавая жизни большие и малые смыслы. Но основным смыслом всей жизнедеятельности должно быть формирование человеческой души. Во имя чего мы боремся за Жизнь, за ее сохранение – даже у больных и старых людей? Самое главное для нас – это гармонический душевный контакт с близкими, да и желательно со всеми и со всем вокруг.

Душа – это возвышенная часть психики; ее «сердце» – эмоциональная составляющая, и самооценочность души – в ее земном проявлении. Поэтому формированию адекватной психики должна быть посвящена главная забота воспитателей. В этом направлении работает и вся Культура. Должна работать!

Жизнь есть, и всегда была борьбой. И человечество выжило в этой борьбе не только в силу материального приспособления к среде. В истории народов цели практической жизнедеятельности менялись, но неизменной оставалась основная сохраняемая составляющая – высшая духовность психики – в разном проявлении: альтруизм ли, тяга к Добру, забота о ближнем, вера ли в Высшую благодать. То есть то, что очищает человека, ведет его по жизни и формирует новые возвышенные цели⁷⁸.

(Не слишком ли упрощенным было бы считать это преобразованным инстинктом самосохранения?)

4.2. Внутреннее мышление и предречь. Уровни отражения среды. Дифференциация правого и левого полушарий

Вернемся к проблеме внутреннего мышления. Здесь важно отметить еще один момент: в коде образов и схем каждый элемент характеризуется эмотивным штрихом или ситуативным «последом». Эти штрихи образуют некие неосознаваемые и часто неустойчивые общности ассоциативных связей. Элементы мышления, которые функционально дифференцированы в результате связи с конкретной номинантой, оказываются единицами

⁷⁸ Ср. основную черту зарождавшейся коллективной деятельности: отказ от непосредственного потребления индивидом продукта своей деятельности.

логического осмысления ситуаций; между ними устанавливаются причинно-следственные и другие смысловые отношения. При этом процесс психологического «прояснения ситуации» субъектом может опираться в большей или меньшей степени на ее эмотивную или логическую оценку. Даже при логическом осмыслении ситуации ему подсознательно предшествует интуитивный по своей природе, эмотивный момент (ср. высшую меру эмотивности в поэзии). Вне вербального выражения «прояснение» ситуации превращается в общепсихологическое эмотивное ощущение. Этот момент может оказаться настолько сильным, что будет определять всю психологическую оценку ситуации и связь ее компонентов с другими ситуациями, выветляя их общность, близость или различие, противопоставление⁷⁹.

Здесь смыкаются предречь и внутреннее мышление. Последнее – это главным образом активность операций, выявляющих смысловые связи между элементами мысли, которые в принципе могут быть выражены вербальными средствами. Все остальное, не воплощаясь в них и часто не способное воплотиться – разве что смысловыми и эмотивными зазорами между частями вербального выражения – остается в сфере предречи.

Предречевое мышление («предречь», по Ф.В. Бассину [5]) – это переработка информации на уровне недискретных и неосознаваемых смысловых и эмотивных характеристик наглядных и мыслимых ситуаций при необязательном выделении даже явных ее компонентов. Сильна сфера образов и схем. В предречи смысловые и эмотивные характеристики ситуации и ее возможных фрагментов не связываются однозначно с вербальными знаками и как бы размыты. В этом плане интересно высказывание И.А. Германа о метафоре и «континуальности смысла» [23]. А у М.С. Шехтера встречаем дифференциацию образов-представлений как целостных отражений и образов-мыслей, возникающих на базе «осмысленных выделенных признаков» [125]. Таким образом, предречь представляется как бы преддверием того момента, когда должна совершиться их встреча (см. также у А.Н. Костина о дискретных и континуальных составляющих мышления [45]).

⁷⁹ Ср. Петренко В.Ф. об индивидуальной системе значений, «через призму которой» происходит восприятие субъектом мира, других и самого себя» [83, с. 38].

Предречь входит во взаимодействие и с вербальной речью, прибегая в случае необходимости к дискретизации элементов оперирования; и это общий момент мыслительной обработки информации, начиная с доречевого мышления, свидетельствующий о непрерывности и дискретности речемышлительного процесса⁸⁰ [73].

Внутреннее мышление, развивавшееся на базе свободно-доречевого мышления, которое оперировало ситуативными представлениями, не исключает использование подобных представлений в более или менее развернутом виде. Но новым, прогрессивным для этого уровня мышления является оперирование ситуативно почти свободными представлениями и понятиями, в разной мере стремящимися к вербализации – в зависимости от сферы мыслей (ситуативно-практической, теоретической, эмотивно-эстетической). Внешняя речь как коммуникативное поведение, превращаясь в разновидность социальной активности, усиливала социализацию. И наоборот, любое социальное поведение (бытовой, трудовой контакт) приводило неизбежно как к развитию самой речи, так и к умножению знаний через усвоение чужого опыта. С другой стороны, мышление на основе речи способствовало развитию творческой абстракции. И это с двух сторон динамизировало производство, науку и общество в целом.

Развивающаяся внешняя речь снабжает внутреннее мышление знаками абстрактных понятий и обобщенных представлений, что усиливается как с развитием культуры, науки, техники (1), так и с развитием самого процесса социализации (2). Поэтому на продвинутых уровнях развития этих последних (1,2) можно в принципе говорить о значительной вербализации мышления, помня при этом, что существует эмотивно-эстетическое мышление (а) и

⁸⁰ В связи с этим важной представляется работа Ю.И. Александрова и Е.А. Сергиенко, посвященная проблеме соотношения континуальности и дискретности на психофизиологическом «стыке» [3]. Дискретная активность нейронов не противоречит непрерывности как системного физиологического процесса, так тем более процессам психическим. Авторы заключают: «Непрерывность – всеобщий принцип, характеризующий живое на разных уровнях его организации» [3, с. 98–99]. (Ср. свет: волна/частица. Возможно, вся динамика Вселенной осуществляется в виде подобных функциональных переходов.)

продолжает существовать простое, так сказать, «первичное» внутреннее мышление в сферах практической жизни (б). Первое опирается на свои знаковые системы; второе резко отличается от внешнего выражения мысли отсутствием ориентации на слушателя и ситуацию общения (СО) в целом, с чем связана максимальная лаконичность внутреннего мышления и значительная опора его на ПЛК – притом, что и «вербальные знаки» внутреннего мышления нетождественны соответствующим единицам внешней речи (ср. указ. соч. Йоргенсена).

Все знаки внутреннего мышления в качестве означающих к психическим образам способствуют энергоинформационному взаимодействию между этими психическими образами и их смысловыми и эмотивными ассоциациями, то есть оказываются как бы инструментом мышления⁸¹. Само же мышление способствует

⁸¹ В целом энергоинформационное взаимодействие в мире – вполне универсальное явление. Д. Бом говорил, что Вселенная – неделимое целое, объединенное информационной связью. Отсюда часто делается заключение, что Вселенная – огромная голограмма.

Вселенная – система со своими элементами и отношениями, которые очень подвижны, изменяясь в результате взаимодействия масс-силовых отношений, формирующих Пространство и создающих своей динамикой Время. Изменение в одной точке отражается на состоянии других, и в этом заключается голографический эффект; и сама структура, в которой она существует в определенный момент, обуславливает вероятность той или иной последующей динамики. Поэтому, наверное, можно сказать, что вся Вселенная объединена энергоинформационной голографической связью.

Но, по-видимому, упрощением было бы считать, что всякая динамика Вселенной на любом ее уровне отражается во всех ее точках. Скорее всего, отражение в ней структурно избирательно, то есть взаимодействие происходит между «одноуровневыми» структурами; нет хаоса всеобщего отражения всевозможных изменений, происходящих в ней. Динамика низших структур, производя резонанс в пределах соответствующей более высокой структуры, преобразуясь, может поглощаться ею, если это преобразование оказывается незначительным для следующей, более высокой структуры.

В Биоте также происходит энергоинформационное взаимодействие. Но на стыке живого со средой действует механизм приспособления в виде ответной физиологической реакции (более высокий уровень взаимодействия по сравнению с «косной» материей) – сначала в виде ответных электрохимических изменений организмов. Эти изменения, дифференцируя участки с разной записью (следами воздействий),

развитию собственно информационного процесса. Можно говорить об интенсификации информационного процесса во времени (не говоря уже о развитии науки и учебного процесса, в частности): усиливается интерес к текущей информации – политической, культурной или общепознавательной, что можно было бы назвать развитием «пассивного» мышления. Сюда же, наверное, можно отнести чтение, приверженность СМИ, познавательные туристические путешествия, наконец, страсть к Интернету. Все это в сочетании с активизацией прочих общественных явлений можно считать интенсификацией общественного развития как части усиливающейся динамики биосферы в результате энергоинформационного процесса.

Если информация является целью (одной из целей) общения, то само общение – средство социализации, а социализация есть условие выживания. То есть в социализации реализуется Основной инстинкт (сохранение себя и продолжение рода). Так, если наши «братья меньшие» утверждают свое превосходство главным образом в боевом поединке, то в человеческом обществе появляется *честолюбие* как психологический мотив самоутверждения во всех сферах деятельности и социального контакта. Поднять себя в глазах людей – это социальная форма самоутверждения, пришедшая на смену биологической (которая, впрочем, далеко еще себя не изжила).

Внутреннее мышление может быть и более развернутым, приближаясь к внешней речи, и в этом случае, как отмечалось, его можно условно назвать внутренней речью. Все виды внутреннего мышления в условиях ситуативного контакта стремятся к внешнему выражению, в чем проявляется психологическое стремление личности к общению: прямому – в беседе, письме или опосредованному – в литературе, научном произведении и т. д. Это приводит к развитию внешних форм высказывания как за счет мысленного поиска средств выражения нового содержания, так и за счет создания новых коммуникативных форм с целью довести до реципиента значимость смысловых и эмотивных оттенков.

развивали структуру вещества мозга, а опосредствованно – и всего организма в целом, приводя к усложнению их функций и структуры и – к общей активизации связи организма со средой.

Итак, внутреннее мышление неоднородно как в пространстве (сферы мышления), так и во времени (от прошлого – к настоящему), и эта неоднородность естественно проявляется в используемых им средствах. При этом развитие форм внешнего выражения, оказывая влияние на знаковый арсенал внутреннего мышления, не уподобляет его себе полностью.

Все сказанное выше позволяет представить уровни отражения среды организмом в следующем виде: БР – УР – Предм. М. – Св-дореч. М. – Внут. М. – Верб. М.

(1) БР (безусловный рефлекс): инстинктивные реакции на диффузные воздействия среды на основе генетической памяти.

(2) УР (условный рефлекс): автоматические реакции на конкретные воздействия изменяющейся среды на основе индивидуальной памяти.

(3) Предм. М. (предметное мышление): а) пробы/ошибки при взаимодействии с конкретной ситуацией; б) фреймовская активность (M_1): формо-пространственное восприятие глобальной ситуации с выделением в ней проблемного (диссонирующего) узла с более продвинутой (формо-пространственной) активностью проб/ошибок; в) «ручное» мышление с «творческими» находками, г) эмотивно-смысловой выбор с психологической активностью на уровне глобальных межиндивидуальных ситуаций и с представлением желаемого результата.

(4) Св-дореч. М. (свободное доречевое мышление) это ситуативно осмысленное, но еще не получившее речевого воплощения оперирование элементами наглядной предметно-деятельностной ситуации на основе формирующегося с помощью ситуативной сигнализации кода образов и схем (КОС).

(5) Внут. М. (внутреннее мышление): свободное оперирование представлениями вне наглядной ситуации на основе «языков мозга»: КОС (код образов и схем), ПЛК (предметно-логический код) и «вербальными знаками» – со значительной ролью неосознаваемых эмотивных штрихов. На основе внутреннего мышления издревле и поныне – знаковое самовыражение в разных видах искусств.

(6) Верб. М. (вербальное мышление): речемыслительный акт, осуществляемый в процессе общения (прямого, косвенного или «самообщения») с тенденцией к выражению всех элементов мыслей и чувств через общезыковые означающие. Но практикуется и

ономасиологическое воплощение индивидуальных нюансов содержания. В целом функционирование вербального мышления связано с появлением и развитием языка. Оно тесно связано с внутренним мышлением; между ними неизбежно взаимовлияние.

Можно говорить о принципиальном развитии этого психического ряда во времени с сохранением каждого предшествующего типа мышления на следующей ступени и с преобладанием каждого в соответствующих ситуациях контакта с действительностью и в процессах собственного мышления.

Представляется, что отмеченные этапы развития психики позволяют выделить «момент» генетически значимой дифференциации мыслительных функций правого и левого полушарий мозга. Предположительно им могло стать начало доречевого мышления, когда в ответ на ситуативный сигнал лидера появлявшаяся ассоциативная пара (представление о сигнале: представление о движении) начинала выполнять функцию мысленного символа.

Начало формирования новой, «предметно-знаковой функции в левом полушарии, вероятно, опиралось на унаследованную им функцию дискретного восприятия среды. Уже у куриного эмбриона наличие двух полушарий должно свидетельствовать об исходном функциональном различии между ними: возможно, преимущественно глобально-эмоциональном восприятии правым полушарием и предметно-дискретном – левым. И если правое полушарие в филогенезе пошло по направлению развития образного восприятия смысло-синтезирующей и эмотивно-мотивационной функции, то левое полушарие – в русле своей «внутренней формы» развило черты логико-аналитического мышления (см. [72]).

При этом, хотя каждое из них развило свою систему сигнализации, именно их взаимодополнительность создает адекватное восприятие и реакцию организма, обеспечивая ему благоприятное взаимодействие со средой. Но даже и сегодня можно говорить о разном типе поведения людей в зависимости от функционального преобладания конкретного полушария. Это может зависеть как от истории конкретной личности, так и от генетического стереотипа. При преимущественно правополушарном восприятии индивид не отделяет себя от ситуации, он весь – в ней, ее часть. При левополушарном он осознает себя как субъекта отдельно от ситуации, поэтому именно во втором случае

наблюдается преимущественно логическое осмысление ситуации и разумное поведение.

4.3. Развитие уровней опосредствования. Сознание. Вторичные голограммы

Уровень образов как первичный уровень психики (по Л.М. Веккеру) составляет материал и фундамент «всех естественных психических процессов» [14], над которым в результате жизненного опыта надстраиваются ассоциативные связи объективных и субъективных значимостей (включая эмотивные, способные согласно Ю. Конорски сближать логически дифференцированные психические факты), выводящих их на Основную голограмму.

Образы и представления, понятия с их значимостями формируют первые Информационные блоки (И-блоки) – основной компонент Картины Мира. И-блоки менее устойчивы, чем их составляющие вследствие возможных вариаций как последних, так и их ассоциаций. Верховным судьей – оценщиком сигнала – является Основная голограмма, определяющая его жизненный смысл. Если Безусловный рефлекс (БР) «безоговорочно» приводит решение Основной голограммы в исполнение (она – центр связи организма со средой), то Условный рефлекс (УР) и фрейм-модель – это более сложные, опосредствованные, но все же механистичные реакции организма на низшем уровне психики. В лучшем случае это – *предмышление*.

На уровне эмотивно-смыслового выбора развитие ассоциативных процессов можно уже отнести к началу подлинно мыслительной деятельности, обеспечивающей успешное поведение с учетом возможного ответа оппонента – пусть еще на базе вариативных фреймов. (При этом происходит оперирование мысленными представлениями: модель поведения соотносится с представлениями возможного ответного поведения оппонента в условиях наличной ситуации. Таково упреждающее поведение птицы, оберегающей птенца, где почти однозначна агрессия врага – и, соответственно, мало шагов умственного манипулирования.)

В дальнейшем эти ассоциативно-мыслительные процессы приведут к формированию сложных мотивационно-оценочных систем в развивающемся Сознании⁸².

Так как психический процесс в принципе – деятельность преобразовательной природы [71], то, естественно, развитие мышления связано с развитием самих психических актов (ассоциации и опосредствования) и создания на этой основе знаково-информационных процессов разной сложности, направленных на формирование информационных блоков. На базе подвижных и постоянно усложняющихся функциональных систем это обеспечивает выход за пределы автоматизмов и постоянную коррекцию поведения с учетом новой информации, обрабатываемой в контексте индивидуальных знаний.

Если отдельный мыслительный акт – это манипулирование конкретными разноранговыми и разнотипными (в плане «языков мозга») знаками определенного содержания, то можно говорить об уровнях психического механизма, обеспечивающих тип мыслительного манипулирования. Так, мы отмечали явный примитивизм этого механизма при M_1 по сравнению с M_2 . Очевидно, что это различие было следствием развивавшейся психической динамики и соответствующих нейрологических систем. Нейрологические паттерны, обеспечивающие безусловный и условный рефлекс и низший интеллектуальный уровень фрейм-активности, можно рассматривать как разновидности более или менее простой и усложненной связи между восприятием и ответом организма в рамках удовлетворения биопотребностей.

Развитие психики в этом ряду есть в принципе умножение ассоциативных связей, усложняющее степень опосредствования реакций на внешнее воздействие. Но до поры до времени весь этот ряд ассоциаций находится на уровне внутриорганизменного опосредствования реакции на сигнал. Включение же в контакт организма со средой организующего сигнала лидера (вожака) ослабляет прямое подчинение ответной реакции биопотребности организма, приводя к появлению собственно интеллектуального

⁸² По Н.В. Уфимцевой, ассоциативный тезаурус – основа оперирования знаниями [111]. Именно ассоциативно-тезаурусная система со временем, на новом качественном уровне, способствует выявлению внутренней сущности явлений, тем самым многократно усиливая опережающий характер поведения людей.

опосредствования, проявляющегося в развитии *свободного доречевого мышления*, на основе которого появляется подлинно деятельностное восприятие ситуации с осознанием своих действий как причины ее изменения. Это новый психический механизм не только более высокого уровня, но и особого типа. Сохраняя адекватность по отношению к потребностям развивавшейся деятельности, этот механизм усложнялся во времени как путем приобретения новых знаковых единиц, так и в плане манипулирования ими – возможно, за счет обретения большей подвижности, взаимодействия и интеграции элементарных нейрологических систем.

Номинация – это возникновение первичного «языка» как средства обозначения выделяемых ситуативных элементов в предметной деятельности и в заситуативном общении. Это зарождение нового типа мышления с выявлением соотнесенности и ситуативного смысла дискретизированных элементов отражающей психики.

Какова дальнейшая роль этих феноменов в человеческой психике? Вновь появляющиеся языковые знаки продолжают выполнять функцию противопоставления элементов восприятия, а мышление в сравнительно-сопоставительных процессах выявляет отношения между ними. То и другое воплощается в процессе общения (в КЕ). Со временем усложняется как сама система знаков (за счет все большей мысленной детализации элементов восприятия), так и стереотипы коммуникативных единиц – за счет мысленного углубления в структуру отношений между элементами Действительности, а также между КЕ и самой Действительностью

(отношения: $\frac{\Xi_1 - \Xi_2}{\Delta}$). Первому способствует развивающееся

II членение речи», второе – результат совершенствования средств выражения отношений в речевом общении (см. соответственно [59] и [60]).

Но главный результат этих процессов – начало развития *языкового сознания* как сложной системы представлений о мире, надстраивающейся над набором фреймов и когнитивных моделей,

системы, способствующей сложной динамике мыслительных

процессов по обработке информации и оперированию набором знаний – как в процессе речемыслительной деятельности, так и во внутреннем мышлении⁸³.

Сознание – особый, высший уровень организации психической жизни субъекта, выделяющего себя из окружающей Действительности и отражающего эту Действительность в форме *психических образов* и отношений между ними.

Психические образы – это сложные ассоциации голографических следов внешних/внутренних отражений в обрамлении эмотивных штрихов. Ассоциации психических образов дают более сложные психические образования (комплексы). Пока это происходит вне внимания, это еще не мышление, а подсознательные психические процессы (вниманием могут быть активизированы и элементарные мыслительные «жесты», такие как фреймовский или эмотивно-смысловой выбор; последний – как выбор поведения на основе опережающего представления, то есть сопредставление ситуаций в виртуальном плане). Но как только к этому прибавляется символизация (КОС, ПЛК и позже так называемые «языковые знаки» внутреннего плана), уже можно говорить о внутреннем мышлении, которое именно благодаря символизации может задать и, задав, задействовать более сложные, собственно логические мыслительные акты.

Некоторые мыслительные процессы – типа неосознаваемых ассоциаций между психическими образами – могут привести к неожиданным находкам, иногда озарению в какой-либо сфере знаний, часто в связи с проблемой, ждущей своего решения, но не находящей его при сознательной мыслительной работе. Не совсем ясно, задействованы ли в них КОС, ПЛК и «языковые знаки» или процесс ассоциаций, соположений... происходит в обход этих означающих внутреннего мышления – прямо между самими означаемыми сущностями психики. Скорее всего, второе⁸⁴. А

⁸³ Фрейм – ситуативно-деятельностная модель реализации инстинктивной потребности. Когнитивная модель – перцептивно-ориентировочное образование, вызывающее определенную поведенческую реакцию – в начальной степени уже в «ручном мышлении» и значительно ярче – в психологическом эмотивно-смысловом выборе.

⁸⁴ Ср. очень важное и показательное для данного случая высказывание В.М. Бехтерева об адекватности соотношения между субъективными символами соотношениям соответствующих им физико-химических

логические мыслительные операции? Участвуют ли они как механизм соотнесения психических сущностей в этих процессах? Возможно: ведь будучи первично использованы при внутреннем знаковом мышлении, они могут затем и без последних быть задействованы в этих актах по наработанным «тропам», реализуя тем самым одну из базовых моделей мышления.

Явление инсайта, по-видимому, осуществляется по вертикали: через все эти три уровня: 1) непосредственной ассоциации психических образов, 2) функционирования КОС, ПЛК и «языковых знаков» внутреннего мышления (уровень символизации) и 3) актов логического мышления, «прошивающего» первые два. Именно здесь может возникнуть подлинно виртуальное мышление. «Виртуальный – это возможный или должный проявиться» (Словарь иностранных слов). Но откуда известно, что возможно? Представление возможного возникает в воображении. Если представление – обобщающий отпечаток каких-то воздействий, то воображение – это психический конструкт, построенный на основе имеющихся представлений. То есть, это психический образ, возможно, самого высокого порядка.

Высшим уровнем сознания является *Разум*. Это – единство мысли и воли, духовный иерарх личности, направляющий наши чувства и поведение. Он может даже перекрывать сигналы Основной голограммы, голограммы существования. На каком-то уровне развития психики мышление и эмоции оказываются под началом Разума, который сопрягает их с волей. Он же способен направлять и концентрировать наше внимание. Впрочем, все эти психические качества, как и более позднее выявление жизненного смысла того или иного поведения, поступка – вместо прежнего интуитивного побуждения – стали зарождаться уже в древней коллективной деятельности с лидером. Таким образом, уже в ту пору постепенно собирались составляющие будущего Разума.

Разум дает толчок вниманию в какой-то сфере восприятия, деятельности, активизируя мысль; эмоции же он наделяет содержательно-смысловой сущностью, развивая их до чувства или –

процессов в мозгу (по [64]). Н.И. Чуприкова считает, что вследствие отражательной природы сигналов центральной нервной системой результатом жизнедеятельности организма является их сообразование со свойствами и отношениями объективной Действительности [122].

приглушая их. Но разумная воля не всегда может подчинять себе эмоции, питаемые внешними и внутренними ощущениями; иногда – в зависимости от ситуации или психического склада личности – ведущую роль в поведении может занять эмотивное состояние человека.

Известно, что вся деятельность сознания осуществляется материей мозга и в частности активностью системно организованных нейронов. Информация изменяет их материально-энергетическое состояние, динамика которого отражает взаимодействие организма со средой (для нервной системы весь остальной организм – тоже «среда»)⁸⁵.

Все психические уровни взаимодействуют между собой, и высшие, как правило, работают на базе низших, осознаваемые на основе неосознаваемых. Но граница между последними порой очень условна и подвижна: любой неосознаваемый поступок в каких-то случаях может перейти на уровень осознаваемого, или прежде осознаваемый может перейти на уровень автоматизмов. Подсознательная фоновая активность мозга осуществляется, движимая внешними или внутренними впечатлениями. Она усиливается или рассеивается в зависимости от наличия эмотивных, подсознательно-мотивационных или других «аргументов».

В случае усиления активизируется нейронная динамика в сфере внимания, направленного на объект. Усилившаяся психическая работа переходит на осознаваемый уровень: объект осмысления анализируется как в плане сопоставлений, ассоциаций, так и в плане личностной и социальной значимости. Яркий луч внимания

⁸⁵ Интересно в этой связи высказывание С. Роуза о памяти. По Роузу, «постоянная энграмма как таковая не существует в форме стойкого «физического» изменения, а возникает в результате активации актом воспоминания...» «Все биохимические и физиологические явления... носят временный характер: усиление белкового синтеза, вспышка нейронной активности и т. п. наблюдаются не более нескольких часов после обучения. Но за эти часы в мозгу успевают оформиться другие постоянные следы, хотя бы изменения числа и расположения шипиков на нескольких нейронах в определенном участке мозга»... «Как записанная на ленте музыка реализуется лишь тогда, когда кассету проигрывают, так и энграмма существует только при ее “экфоризации”, когда реально пробуждается воспоминание» [89, с. 357].

(И.П. Павлов) к соответствующей информационной области открывает новые смысловые связи между ними, новые ракурсы отношений, то есть дает новое знание о старых вещах или помещает новые представления в соответствующий информационный блок, обогащая данную область знаний.

В этом процессе осмысления могут получать большую отчетливость и даже коррекцию как эмотивные штрихи, так и сама мотивационная сфера.

Развитие психики в процессах деятельности и социального контакта осуществлялось в опоре на развивающееся мышление; само же мышление, да и все сознание опиралось в своем развитии на механизм символизации. Высшей и наиболее значимой формой сигнализации в жизни людей оказалась ИСС, в основе которой – слова, потомки древних номинант.

Означаемые слов возникают как социальные значимости и, противопоставляясь друг другу, образуют ядро плана содержания языка. При этом с развитием речи, как отмечалось, означающие стали фиксировать наряду с «предметными» сигналами и узлы ассоциативных связей между ними. Усиливающаяся дискретизация Действительности с развитием аналитико-синтетических и логических форм мышления все больше опиралась на развивающийся язык, и поэтому последний, возникнув из примитивных средств коммуникации, не только совершенствовался как средство формирования и выражения мысли или средство хранения и передачи информации, но и превратился в опору развивающегося мышления в процессах познания Действительности. Таким образом, формирование вербального компонента мышления поднимает всю систему отражения на новый уровень опосредствования.

Во внутреннем же мышлении невербальные знаки мыслительной деятельности в сочетании с «языковыми знаками» создают многоуровневое взаимодействие внутренней сигнализации, обеспечивающее все мыслительные и эмоциональные процессы. Ассоциации между первичными сигналами, образующие психические образы, могут быть более или менее сложными голограммами, выходящими на Основную голограмму. Формируясь в сфере динамического сознания, какие-то из них становятся устойчивыми и входят, таким образом, в структурное сознание. Но параллельно в процессе жизнедеятельности все время образуются

новые голограммы в результате мыслительных процессов, оперирующих поступающей информацией на базе данных структурного сознания.

В динамике практической и духовной активности людей в психике формируются все новые уровни опосредствования – как в процессах восприятия и манипулирования его данными, так и в регуляции поведения индивида. При этом, если первичные голограммы (возможно, генетически заданные) являются базовым регулятором физиологического функционирования организма, то на основе хранящихся в индивидуальной памяти прошлых впечатлений, положительных или отрицательных, создаются и функционируют *вторичные голограммы*, то есть голограммы вторичных и более сложных опосредствований (возможно, со своими сигнальными знаками).

С развитием психики могут возникать очень сложные ассоциации голограмм, опирающиеся на уже существующие, первичные, образующие сферу сложнейших опосредствований. Относятся ли они к динамическому или к структурному сознанию как сфере представлений и понятий, структурированной языком и организованной мыслительной деятельностью в информационные блоки и области знаний (см. [23])?

Естественно, что большая часть из них функционально подвижна; но какие-то могут быть уже фиксированы в структурном сознании. Вообще деление сознания на структурное и динамическое условно; граница между ними подвижна, часть связей более устойчива, другая – менее. В целом, по-видимому, мера подвижности связана с общей динамичностью психики индивида.

Важно, что именно на вторичных голограммах строятся моральные и этические ценности и сама система психологических мотиваций личности. Опосредствования формируются на основе усвоения культуры общества, научных знаний и личного опыта субъекта. Отсюда – типы и содержание ассоциативных связей специфичны как для отдельных людей, так и для социальных общностей.

Вторичные голограммы могут быть задействованы, замыкаясь на Основную голограмму; но на продвинутом уровне развития психики могут и сами обуславливать ответные реакции (да и все поведение) субъекта. Можно даже считать, что на современном уровне развития именно вторичные голограммы осуществляют

большей частью функцию сохранения и продолжения Жизни. На основе вторичных голограмм собственно и строятся моральные и этические ценности, да и вся система личностных значимостей индивида.

4.4. Вторая сигнальная система. Слова – основа П СС. Картина мира и Образ мира

Говоря о П СС, надо отметить, что каждое слово (кроме научных терминов) несет «штрихи» индивидуальных значимостей, выведенных из конкретных жизненных ситуаций и ассоциируемых по общности/близости этих индивидуальных значимостей. Поэтому слова, будучи элементами социальной языковой системы, для индивида оказываются знаками внутренних представлений во всей сложности их эмотивных характеристик и ассоциативных связей. В этом смысле они действительно – символы первичных, «натуральных» сигналов и в отличие от последних не непосредственно срабатывают через Основную голограмму, но оказываются вершиной той подвижной динамики «экстренных» временных связей, которые обеспечивают многократно умножаемую опосредствованность представлений о мире, направленную на опознание его глубинной сущности [61]⁸⁶.

Таким образом, вербальная компонента второй сигнальной системы – это структура функционального взаимодействия лексической системы языка (как единства означающих с соответствующей социализированной системой означаемых) со сферой индивидуальных образов и представлений, обеспечивающая вербальное воплощение мыслей и чувств индивида. (Но именно эта сфера индивидуальных образов и представлений является основой развития самой лексической системы языка.)

Как и эмотивные штрихи, смысловые ассоциации мысленных означаемых субъекта с реалиями действительности своеобразны, нетипичны для большинства⁸⁷. Формируясь в онтогенезе, они

⁸⁶ Мы исходим из постулата о голографическом характере нейронных связей и структур в мозгу [8]. Соответственно, Основная голограмма – это голограмма существования, регулирующая основные жизненные функции организма.

⁸⁷ Не исключено, что явление, подобное «социальным семантическим гештальтам»

создают психический склад и психологическую специфику личности, влияя на содержание его культурного багажа и определяя как восприятие мира, так и поведение.

Смысловые, содержательные ассоциации вместе с эмотивными штрихами углубляют для субъекта означаемые лингвистических знаков. Внутренняя психологическая реальность, психологические миры отдельных личностей, в отличие от нормализуемого культурой поведения, различаются сферами интересов, знаний, деятельности и соответствующими системами представлений; а также – очень тонко и бесконечно разнообразно – восприятием. Сложнейшие эмотивные и смысловые ассоциации, возникающие в момент восприятия и осмысления информации, общения или деятельностной ситуации, как правило, очень неустойчивы, подвижны, и при повторении соответствующих условий могут модифицироваться, приводя к возникновению новых отношений, знаний, принятию неординарных решений. Именно специфика индивидуального восприятия с ее особенностями эмотивных штрихов и смысловых ассоциаций создает «внутреннюю реальность» человека, которая оказывается основой апперцепции и духовного содержания наших субъективных переживаний. Здесь работа главным образом информационного уровня как уровня опосредствующих в «п»-й степени ассоциаций элементов первичных восприятий и представлений⁸⁸.

Слова, употребляемые субъектом в качестве знаков содержательных элементов мысли, оказываются несущими тех эмотивных и смысловых узелков, которые образуются в результате психологических ассоциаций и которые не могли бы сохраняться как таковые без ассоциаций со словами языка. Отсюда такая роль языка для возможностей мышления, то есть оперирования содержательными его элементами. Но отсюда же и колоссальное различие между реальным содержанием слов как единиц

[41] может существовать и в неосознаваемой сфере эмоциональных значимостей (например, как результат общесоциального или группового переживания).

⁸⁸ Известно, что вторая сигнальная система не существует без первой; как более высокий уровень психической деятельности, она «сидит» на ИСС как на подчиненном слое внутри нового целого. Для высших организмов именно психика обеспечивает комфортный гомеостаз путем регуляции поведения в условиях конкретной среды.

социальной системы языка у отдельных субъектов (ср. насколько больше «внутренняя форма» слова, по А. Потебне, социализирована по сравнению с этим индивидуальным мысленно-эмотивным наполнением слов). Синтаксические отношения также социально типизированы и поэтому не всегда могут выразить субъективные нюансы конкретных психологических отношений. Они тоже знаки, и с их помощью тоже не всегда удастся довести до слушателя (читателя) субъективно-эмотивные штрихи, ассоциативные смыслы или специфику ситуативных отношений. Поэтому при речевом общении реципиент рождает свою «идеализированную информацию» как закономерный сплав отражаемого с субъективным восприятием этого отражения. Эта субъективность восприятия как фенотипическая особенность личности и является причиной взаимного недопонимания. Но, с другой стороны, как считает Л.А. Цымбал, именно она «определяет генеральный путь движения к ноосфере» [119].

Средствами фиксации вторичных связей являются не только слова, но и все знаки внутреннего мыслительного процесса, в том числе и – вторичных знаковых систем. Все вместе они (число их не фиксировано, постоянно изменяется) функционируют как «языки мозга» [87]. Их означаемыми могут быть понятия, представления, целые информационные блоки – как узлы смысловых и эмотивных ассоциаций, которые именно благодаря обретению своих знаков могут быть использованы не всегда осознанно в мыслительных операциях. А мыслительная работа по их систематизации приводит к формированию знаний, организуемых в Картине мира (КМ) – индивидуальной и социальной. При восприятии сигнала смысловые и эмотивные ассоциации из любых отделов памяти (а, по С. Роузу, память охватывает весь мозг [89]) создают динамическую картину временных ассоциаций, формируя новые связи между ними. Серьезное же осмысление поведения, деятельности (часто – в перспективе на будущее) опирается на знания, заключенные в картине мира (КМ), или мысленном анализе данных памяти (предметно-логических, смысловых, эмотивных), которые приводят к развитию, уточнению самой Картины мира. Эта работа не всегда осознается. В частности, интуитивная «мгновенная обработка» накопленного жизненного опыта (теоретических наработок, знания аналогичных случаев) – происходит на уровне подсознания.

В общем, оперируя подвижными связями между психическими образами, сознание регулирует целенаправленную деятельность субъекта, мысленное построение действий, предвидение их последствий, контроль и управление поведением (когда последнее не исчерпывается автоматизмом). Именно на базе сознания осуществляется способность личности давать себе отчет в том, что происходит как в окружении, так и в собственном внутреннем мире, ибо сознание – это соотнесение сущностей как во внешнем, так и во внутреннем мире, а также между ними.

Социальная картина мира как высший уровень отражения мира включает морально-эстетические и нравственные установки общества, на основе которых (в основном при эмотивных оценках ее составляющих) строится личная иерархия мотивационных установок индивида и его интуитивное самоощущение от процесса его взаимодействия с социумом. Результаты мыслительной работы объективируются в практической деятельности людей – материальной и духовной. Самопроявление индивидуального сознания, основываясь на объективированных общественных ценностях, развивается через деятельность и общественные отношения индивида, оказываясь в то же время донором новых общественных ценностей, передаваемых из поколения в поколение и образующих человеческую Культуру.

Мышление является составной частью динамического сознания, оно обрабатывает поступающую информацию как с логической оценкой ее объективной сущности, так и с выявлением ее смысла для принятия решения в практической жизни индивида. В то же время можно говорить и об эстетической сфере сознания, которая развивалась как продолжение эмоционально-образного восприятия, не ассоциированного с предметным потреблением результатов активности, но впитывавшего эмотивный аспект взаимоотношений в социуме.

Таким образом, динамическое сознание – это функционирование всей психики на высшем ее уровне, а мышление – лишь решение какой-либо ситуативной задачи на материале Картины мира или его конкретной области, блока⁸⁹.

⁸⁹ Процесс мышления можно сравнить с работой челнока по информационной ткани Картины (Образа) мира для получения новых знаний. Впрочем, и первичная обработка поступающих сигналов до их включения в информационные блоки – тоже спархия мыслительной

Если сознание в целом – это соотнесенность знаний о мире (в том числе и себя в нем), то структурный его компонент – это общая система знаний, являющаяся базой динамического сознания, интерпретирующего эти знания. Можно было бы в качестве основы для функционирования динамической составляющей представить Картину мира, а в качестве самих динамических процессов – речемыслительные процессы на ее основе. Но структурная составляющая Индивидуального сознания не может быть ограничена Картиной мира, которая является лишь социально обобщенной системой дискретных понятий и представлений конкретной этноязыковой общности; и динамика мыслительных процессов не ограничивается оперированием этими абстрактными сущностями. С другой стороны, состав понятийных ценностей КМ несравненно шире его представленности в индивидуальном сознании.

С развитием языкового мышления не вполне утрачивается глобальное впечатление от Ситуации как первичный этап восприятия. Отсюда – в памяти присутствуют не словесно, а картинно запечатленные ситуации, события, явления, окутанные к тому же эмотивным настроением – независимо от попыток описать их средствами речи. И значения данного языка далеко не всегда исчерпывают для человека содержание этих впечатлений (ср. пиктографическую память).

Глобальное восприятие ситуации является одним из оснований для смысловых ассоциаций между представлениями. Но возникают ассоциации и на базе эмотивной близости представлений, и даже каких-то понятий (кроме научных абстракций) в формирующейся КМ. Поэтому помимо Картины мира как системы специально выработанных значений выделяем не менее важное для психики явление – Образ мира (ОМ), в котором КМ получает своеобразное преломление в виде эмотивно-смыслового окраса большинства ее компонентов. ОМ как бы «одевает» абстрактные сущности картины мира в плоть личностных психических образов с их ситуативно-смысловым и эмотивным содержанием, возникающим в процессе индивидуального опыта – практического и духовного. Итак, если Картина мира запечатлена в языке (в Облестях знаний и их

деятельности (сознательной или бессознательной), опирающейся на психические ассоциации.

всевозможных научных и культурных отражениях), а также выборочно в структурном сознании отдельных личностей, то в индивидуальном сознании параллельно функционируют эмоционально обранные образы всех воспринимаемых сфер Действительности. И это – Образ мира.

Таким образом, Образ мира противостоит Картина мира, как индивидуальное – общему. Но есть еще один очень важный момент в их различии, связанный с первым. Дискретности содержания Картины мира, обусловленной абстрактностью и языковым обозначением ее единиц, связанных лишь отношениями типа тезаурусных, противостоит континуальность внутренних отражений в Образе мира. Ситуативно-смысловое и эмотивное содержание индивидуального отражения, вступая в ассоциативную связь между собой, создают ту глобальную континуальность психики, которая противостоит точечному языковому обозначению Действительности (не полностью преодолеваемому в речевых единицах), и естественным образом отвечает глобальному единству окружающего мира, создавая в психике свой континуальный космос в виде сплошной сети эмотивно-смысловых и других ассоциаций между представлениями в памяти и во внутреннем мышлении⁹⁰.

Именно она позволяет, с одной стороны, в полете мысли или художественной фантазии создавать новые ассоциации между представлениями (художественные изыски в этом плане хорошо известны; но, видимо, ни философия, ни наука, ни тем более религия в этом не отстают). А с другой – находить какие-то смысловые лакуны (причем, именно норма континуальности дает возможность их ощущать), стимулирующие дальнейший поиск решения загадок объективного мира – важнейший фактор движения науки вперед. В искусстве же эмотивные, да и смысловые лакуны являются даже искомым результатом воздействия, создающим

⁹⁰ Развитый язык расчленяет воспринимаемую Действительность на слова-значения, определяющие наше видение мира. Причем в этом участвует не только система значений, но и речевые стереотипы (в свою очередь обусловленные этой системой); роль последних – значительно слабее, так как именно в речевом выражении мы стараемся индивидуализировать свои впечатления, мысли, чувства и создаем для этого необходимые сочетания слов и речевых оборотов – наряду с имеющимися стереотипами, которые тоже в свое время были призваны выполнять эту функцию (ср. индивидуальность самовыражения во всех видах искусств).

условия для новой трактовки произведения. Но не только при восприятии художественных произведений, но и в обычном ситуативном общении континуум всевозможных психических связей – разных типов и разной меры опосредствований – позволяет допускать эмотивные намеки и смысловые скважины, выражаться «по касательной» и т. п. И это легко преодолевается воспринимающим, конечно, специфически индивидуально: в зависимости от условий самой ситуации общения (СО), от степени воображения или фантазии воспринимающего и той или иной меры его приближения к задумке автора. Кроме того – и это важно – смысловые связи и эмотивные штрихи представлений в Образе мира, являющиеся одним из условий сохранности в памяти явлений прошлого, в значительной мере оказываются психической базой восприятия и оценки новых событий.

Образ мира – это континуум разнородных, в разной мере устойчивых ассоциаций между психическими образами, на базе которых динамическое сознание создает дополнительные индивидуальные ассоциации, представляющие мир в новом ракурсе тончайших эмотивно-смысловых нюансов во внутреннем мышлении, что в дальнейшем может найти некоторое нетривиальное воплощение в языковой или какой-либо другой форме самовыражения. Коды внутреннего мышления как означающие психических образов и их компонентов не всегда соотносимы с единицами языка. И это значит, что динамическое сознание не всегда оперирует дискретными единицами. Это – еще одно важное отличие Образа мира от Картины мира (может быть, именно в этом процессе осуществляется инсайт – мыслительный прорыв озарения, в котором оказываются задействованы все уровни психики и все формы психической активности, включая интуицию).

Итак, Образ мира является индивидуальным эмотивно-смысловым преломлением этносоциальной системы (КМ) в сознании отдельного человека и предстает важнейшей основой психической деятельности индивида – ареной всевозможных, осознаваемых и неосознаваемых психических процессов. Так как КМ – это этноязыковая модель отражения мира на определенном уровне развития сознания, то при описании ее у разных культурно-языковых и даже социальных общностей исследователей интересуют главным образом содержательные различия между ними – на дискретном языковом уровне. Континуальность же

внутренних отражений (ср. «чувственную ткань» и «личные смыслы», по А.Н. Леонтьеву) трудно исследовать даже на базе субъективных тезаурусов, так как она может проявляться только в текстах – речевых и еще больше – поведенческих⁹¹. Таким образом, КМ, определяя общий уровень представления мира современным сознанием (с различными социо-этническими вариациями), не исчерпывает содержания индивидуального сознания, которое на сегодняшний день предстает в следующем виде:

Структурная составляющая		Динамическая (операторная) составляющая
Память Индивидуальные образы, представления, картины прошлого, события, сцены из жизни, когнитивные схемы (в памяти всегда присутствуют эмотивные ассоциации)	Образ мира Отражаемая индивидуальным сознанием часть КМ с ее смысловыми связями в ИБ и ОЗ ⁹² и социальными значениями; содержание собственной индивидуальной памяти в соотношении с КМ придает компонентам последней эмоционально-смысловые штрихи, участвующие в формировании индивидуальной мотивационной системы	Ассоциативные и мыслительные процессы (осознаваемые и неосознаваемые) работают на базе как ОМ, так и новой воспринимаемой информации, расшифровывая их в контексте данной психической системы, выявляя их индивидуальный смысл и формируя чувства в процессе построения индивидуально-мотивационной системы. Динамическим сознанием осуществляются как речевые, так и все прочие творческие процессы, включая фантазии и воображение, опирающиеся на интуицию и инстинкт

⁹¹ Все психические отражения голографичны, и их материальная база – множество ассоциирующихся между собой нейронов (в том числе – нейронов-детекторов). И так как даже отдельный объект на современном уровне человеческой психики воспринимается как явление сложное, понятно такое огромное множество нейронов в мозгу и вся его структурная и функциональная сложность (а отражение – лишь часть его работы!). Отсюда: заявление некоторых авторов о том, что эта сложность не вызвана земными условиями, представляется, по крайней мере, странным.

⁹² Информационные блоки (ИБ) – группы логически связанных понятий; области знаний (ОЗ) – группы информационных блоков, объединенных каким-либо фрагментом действительности.

Схема 7. Индивидуальное сознание⁹³

«Структурная» составляющая сознания – это система (совокупность) психических образов большей или меньшей сложности и их разнообразных связей. В частности, память сохраняет потенцию связи между определенными точками нейронной записи, обеспечивая построение одновременной (пиктографической) или последовательной ассоциации голограмм (стихи, музыка... – дискурсивная память). События жизни, повидимому, сочетают то и другое.

Формируется структурное сознание динамическим сознанием, которое как бы «набирает» какие-то содержательные элементы из новых восприятий, ассоциируя их с элементами структурного сознания. Эти ассоциации могут оказаться более или менее значимыми и устойчивыми. В первом случае они вступают в круг структурного сознания как его новые компоненты, во втором – оказываются основанием для непосредственного ответа организма на воспринимаемый сигнал (внешний или внутренний).

Но и в самом структурном сознании могут «глухо» храниться какие-то ассоциации – с возможностью их восстановления в готовом виде в течение разных сроков (операторная кратковременная, долговременная память). Динамическое сознание как бы проигрывает прежнюю связь, которая может быть самостоятельной, с эмотивной значимостью, или стать элементом какой-то более высокой психической деятельности. Например, речь – ассоциация малых голограмм (словесных, фразеологических шаблонов) для построения речевых смыслов. То же – поэзия, живопись, музыка, но с более значительным творческим моментом.

Динамические процессы могут быть «посвящены» какой-либо логической деятельности сознания, при которой отдельные смысловые штрихи организуются в более сложные структуры информационных блоков (ИБ) и в областях знаний (ОЗ).

Итак, динамическое сознание функционирует по типу голографической связи. Голограммы психики и, в частности,

⁹³ Индивидуальное сознание входит как высший уровень в индивидуальную психику – вместе с эмоциями, волей, темпераментом и другими особенностями индивидуального характера.

сознания – это активизирующиеся связи между определенными точками физиологических/психологических отражений в мозгу.

Существует мнение, что рефлексорные и психические процессы в своей основе близки друг другу – как реализации неких физиологических паттернов. Но надо заметить, что первые есть прямая реализация инстинкта, заложенного в Основной голограмме генома; во втором же случае инстинкты реализуются, будучи опосредствованы ассоциативными связями, наработанными в результате жизненного опыта организма в условиях конкретной среды. По данным А.М. Иваницкого, обработка воспринимаемого сигнала происходит по кольцу – от стимула через данные памяти, обогащаясь по пути опытными значимостями, придающими воспринятому сигналу эмотивно-смысловое содержание (причем после прохождения сенсорного кольца решение о действии, ответе принимается только на базе мотивационной системы личности) [40]. Динамика психики – это психические акты, формирующие некоторое *психическое содержание* – результат ассоциации каких-то психических образов, представлений или картин из памяти, обрамленных эмотивно в текущей жизненной или мысленной ситуации. Таким образом, как ни сложна физиология рефлексов, психическая опосредствованность еще больше усложняет соответствующие процессы – как на базе устоявшихся связей, так, тем более - в подвижных, так сказать, «поисковых» актах, создающих все новые ассоциативные построения в нейронных сетях и обуславливающих конкретное содержание психического «продукта»⁹⁴.

Это – *психическое содержание*, создающееся из ассоциативных психофизиологических паттернов (с физиологией тесно связаны эмотивные штрихи), как правило, с дополнением новых ассоциаций, возникающих в конкретном психическом акте. В результате образуются *вторичные голограммы* как голограммы вторичных и более сложных опосредствований. Но даже исходные психические паттерны отличаются от физиологических субъективной содержательностью, образуемой соотносительностью образов и

⁹⁴ Ср. мнение П.Ю. Черносвитова: «...рефлектирующее существо, считывающее информацию с объектов, не создает новой информации... информация заложена в самом наблюдаемом объекте, его структуре, свойствах, функциональных проявлениях...» [121, с. 6].

смысловых связей, сопровождаемых новыми мотивационными связями.

Существуют и стандартные психические паттерны, которые как устоявшиеся ассоциативные связи естественно используются в психических процессах. Но суть психических актов – в постоянном установлении новых эмотивно-смысловых ассоциаций для поступающих сигналов и между имеющимися исходными, что придает им каждый раз новые содержательные оттенки. К тому же важно, что в отличие от физиологических процессов психические акты характеризуются *постоянной лабильностью*, создающей все многообразие содержательных образов от индивида к индивиду и от простейших из них – до сложных произведений современной Культуры и Цивилизации. Подвижность, изменчивость психического продукта так велика, что можно говорить об условности границы между структурным и динамическим сознанием. Фактически психические образы – это лабильные голографические связи между элементами психических сущностей. Если умножение ассоциативных связей, как правило, усложняет и углубляет содержание психического образа, то их возможные вариации как раз и придают соответствующим голограммам свойственную им гибкость. Вообще психический акт всегда есть *поиск новых ассоциаций*, и поэтому «продукт» его по своей сути явление изменчивое и, как правило, неустойчивое.

Психика и мышление (как ее составляющая) – самая лабильная форма динамики материи. Разная мера сложности и динамики характеризует разные состояния материи и разные уровни ее структуры. Наиболее сложная из них – мозг – материальная база сознания. В мире нет ничего более сложного, чем сознание. Это – высшая форма динамического синтеза материи. Можно сказать, сознание – это творящий космос отражений.

Динамическое сознание – высший уровень психической динамики. Но можно и нужно говорить о динамике психики не только на уровне сознания. Именно свободное доречевое мышление стало началом нового, динамического типа психики; вся психика, начиная со свободного доречевого мышления, обрела это новое качество; все ассоциации, связи, взаимодействия образов, эмотивных штрихов, все это – постоянная динамика психики (*perpetuum mobile*).

Динамика психики – это психические акты, формирующие некоторое *психическое содержание* – результат ассоциации каких-то психических образов, представлений или картин из памяти, обрамленных эмотивно – в текущей жизненной или мыслимой ситуации. Такое соотнесение освещает значимость осмысляемой ситуации в связи с возможными перспективами ее реализаций. Динамическая и структурная составляющие сознания соотносятся как процесс и результат; но не всякий результат психической активности отражается в структурном сознании. Так, можно говорить о реальности многочисленных «проходных» актов по поводу незначимых ситуаций, которые вряд ли фиксируются в структурном сознании. В лучшем случае – только в памяти как след прошлой голограммы.

Творя жизнь, психика идет рука об руку с нею, динамизируя ее и динамизируясь ею. Переменчивость и переливчатость живой психики неповторима, как переменчивость самой жизни. Но «материя» жизни, да и человеческого мозга – первая как источник, вторая – как база психической деятельности – первичны по отношению к ней. «Материя психики» иная, и это различие материй обуславливает и различие их подвижности. Подвижность психики во много раз больше подвижности реального практического поведения в жизни; она, как бы апробируя разные варианты, предупреждает шаги последней (обычно говорят о высокой подвижности мысли).

Суть человеческой природы, человеческой жизни и общения – в психике; возможности осмысления Действительности – тоже в психике, в ее грандиозной творческой силе, проявляющейся в созидании самой жизни, в постоянном стремлении к ее преобразованию и усовершенствованию. Именно сложные психические построения лежат в основе всей современной активности людей. Наука, искусство, религия, философия – все это плод психических поисков и откровений, к которым устремлена вся духовность современного человечества.

Как было отмечено, в формировании конкретного психического содержания могут принимать участие как устойчивые голограммы, так и «поисковые». Процент активности тех и других у людей различен и может зависеть от психического склада личности и

общей лабильности его нервной системы. С другой стороны, преобладание тех или других в конкретном случае может зависеть от условий общения, внешнего и внутреннего контекста и т. д.

В процессе онтогенеза с ростом жизненного опыта число устойчивых голограмм, по-видимому, увеличивается; но параллельно с нормальным повышением психической активности возможности продуцирования «поисковых» голограмм также возрастают.

В филогенетическом же плане в психических процессах на фоне активности Основной голограммы (древнейшего регулятора поведения) происходило развитие и усиление функции вторичных голограмм, преобладающих в психической активности человека.

4.5. Психологизация инстинктов

Филогенетический опыт существования реализуется бессознательно. Из индивидуального опыта часть также может перейти в подсознание, имея возможность «осветляться» сознанием⁹⁵.

⁹⁵ В контексте неосознаваемых мыслительных процессов встает вопрос об интуиции как «непосредственном постижении истины без логического обоснования» (Словарь иностранных слов). Можно встретить мнение, что «интуиция – это опыт, умноженный на талант, который всегда эмоционален» [64, с. 61]. По-видимому, творческие акты вдохновения, озарения происходят на грани сознания и интуиции – на стыке инстинкта с неосознаваемыми знаниями (которые все-таки находятся в сознании).

Инстинкт как подсознательная реакция на глобально воспринимаемую ситуацию (на основе генетической программной модели), действуя в сочетании с неосознаваемыми в данный момент знаниями, осуществляет как бы вертикальный прорыв в процессе мышления. (Инстинктивная реакция может быть вызвана чувственным восприятием или каким-либо ярким представлением, но может быть и результатом активизации вторичной голограммы – в отсутствие непосредственного восприятия, при теоретическом размышлении или медитации с подсознательным

мыслительным процессом.) Поэтому интуиция срабатывает как внезапное, непосредственное замыкание какого-либо восприятия или случайной мысли на тревожащую задачу, которое приводит к глобально-результативному постижению явления (ср. [106]). И это близко к инсайту как творческому озарению.

Инстинктивная реакция, поведение животных – это реализация генетической программы на уровне, близком к физиологическому. Это касается и их «социальных» отношений: регуляция стадных отношений у животных носит чисто инстинктивный характер с его приоритетом продолжения рода и сохранения потомства. Например, эмотивно-смысловое поведение в стаде обезьян как начальное проявление психологии – это «мотив» основной биологической «цели».

На уровне же сознания имеет место психологизация многих инстинктов в виде их осмысления и регуляции. В процессе антропогенеза эволюция жизнедеятельности сопровождается развитием и усложнением психической деятельности и общения. Поэтому, если у животных проявления инстинктов просты и наглядны, то путь реализации любого инстинкта у людей осложняется многочисленными узлами сложнейшей жизнедеятельности, психического осмысления и взаимодействия в социуме. При этом конкретный узел, решение частной задачи кажутся самоцелью.

В человеческом обществе биологические функции (например, сохранение рода) как бы завуалированы многообразием видов жизнедеятельности и психологического самопроявления, и отдельные стороны последних кажутся оторванными от основных биологических функций. Например, речевое общение. У наших предков оно возникло в процессе совместной практической деятельности (под руководством лидера) – для ее успешной реализации; его основной целью было согласовать материальную деятельность активантов. В настоящее же время общение осуществляет много функций, часто оказываясь средством духовного и/или душевного единения, гармонизации людей – вне материальной сферы. То есть, на уровне сознания психологизация отношений оказывается ведущим моментом существования людей. Вхождение в социум – это сложное поведенческое приспособление индивида к среде. Поэтому даже если общение направлено на жизненный контакт или решение спорного вопроса, это всегда отдельная, частная ступенька к реализации глобальной функции сохранения сообщества и в конечном итоге – человеческого рода. А на поверхности оказываются конкретные материальные или духовные проблемы отдельных людей или их сообществ, и люди считают их главной целью своей деятельности и общения.

Развитие психики проявлялось в постепенной психологизации всех явлений и сторон жизни. С формированием же ПСС как *системы вторичных опосредствований* происходит к тому же и психологизация всех инстинктов и эмоций (последние, наполняясь сложным содержанием, превращаются в чувства, которые могут подчинить себе всю психику человека). Таким образом, ПСС, став высшим уровнем символизации всей области опосредствований, заняла свое место в сфере вторичных голограмм между входящим сигналом и ответом организма (мысленным или практическим). Именно высшие психические функции, увенчанные ПСС, привели к тому, что на уровне Homo sapiens естественные игры и физические упражнения превратились в соответствующие сложные системы общения; природная тяга полов украсилась грандиозным психологическим явлением – Любовью; простое образное / звуковое самовыражение – в изысканнейшие, все время совершенствующиеся виды искусств, не говоря уже о развитии первичного ориентировочного рефлекса до универсального всеобъемлющего стремления к познанию мира. Примитивные гнезда и норы животных обернулись колоссальными городами; на смену примитивным орудиям пришли сложнейшие технологии современной цивилизации...

Но эти достижения Мысли и Воли человека, развившие в условиях трудовой социализации древние инстинкты, все еще оставляют неоднозначным ответ на проблему прерывности / непрерывности в развитии высших форм отражения из низших (ср. позиции Л.С. Выготского, А. Валлона, Б.Ф. Поршнева, Н.И. Чуприковой [122]).

Еще раз подчеркнем, что развитие ситуативной деятельности, приведшее к появлению свободного доречевого мышления, способствовало детализации психики и углублению ее в структуру бытовой жизни и межиндивидуальных отношений. В общении это требовало развития средств выражения, что обеспечивалось, главным образом, превращением сигнальной номинанты в речевую путем сочетания ее с модальными элементами и выражением средств связи между номинантами. Все это развивало коммуникативную единицу (КЕ), которая, в свою очередь, стала базой для развития мышления, а его аналитические и синтетические приемы все более усложняли представления о Действительности (включая социальные отношения) и даже приводили, как

отмечалось, к психологизации инстинктов в результате содержательно-эмотивных ассоциаций их проявления. Если общая физиология – это элементарно-физический и химический обмен организма со средой для обеспечения гомеостаза (1), а психика с элементарной психологией – на основе предметного и фреймовского мышления – I ступень поведенческого опосредованного контакта организма со средой (2), то II ступенью опосредования надо считать абстрактное мышление на базе II СС, формирующее КМ человека и эмотивную сферу вторичных голограмм, лежащих в основе человеческого сознания, которые только и способны освободить (в какой-то мере!) человека от конкретной ситуации как материального проявления среды (3). Свободное доречевое мышление оказывается мостиком между (2) и (3).

Психологизация инстинктов проявляется и в эстетизации психики; сначала, возможно, в предметной жизни, затем – в появлении искусств. С древних времен в различных процессах практической деятельности, развиваясь, проявлялось чувство красоты, отражающее, по-видимому, некое гармоническое начало среды и ставшее основой эстетических представлений. Они воплощались во все последующие времена в предметах быта, одежде, в дизайнах зданий, городов и парков, квартир и витрин... Даже праздничные петарды – не что иное, как эстетизированный боевой азарт.

Эстетизируется и звуковое самовыражение людей. Гармоническая организация звуков в речи использовалась в народных сказках, сказаниях, пословицах, поговорках, даже древних медицинских трактатах – для лучшего восприятия и запоминания. В сочетании с музыкальным напевом стихосложение стало стилем народных акынов. Позже, с развитием речевой и музыкальной стороны этого действия, они разделились, став предметом двух разных видов творчества, все более совершенствуя стили авторов и исполнителей, а также рафинируя восприятие слушателей.

Веками, тысячелетиями развивались и совершенствовались эстетические представления людей, передаваясь от поколения к поколению и сохраняя определенную консервативность содержательных традиций – (в меру их сохранности в самой жизни).

Развитие же эстетической сферы психики происходит главным образом в форме и стилях авторского самовыражения.

Художественное и практическое мышление, склонность к мифологизации явлений природы и жизни все более дифференцировали индивидов, психологическое содержание которых, развиваясь, превращало их в личности с все более тонкими особенностями, все больше дифференцируя социальную среду; а развитие социальных, производственных и других сторон жизни постепенно превращало ее в общество. Упрощенно динамику психологического расхождения членов сообщества можно представить в виде дерева с постоянным ветвлением психологических типов, усложняющих в целом психологическую структуру общества.

Психические и психологические различия между людьми могут касаться любых сторон и любых черт психики. Отметим некоторые из них, дифференцируя их в горизонтальном срезе (в синхронии) и в вертикальном (историческая динамика и диахроническая; последняя – это более мелкие изменения на небольшом отрезке времени).

В синхронном плане можно различать несколько типов различий, которые проявляются главным образом при контактах между представителями разных социальных слоев населения. Это различия: (1) в сферах интересов и деятельности и (2) – в сферах и уровнях знаний (возможно, связанные с (1) или обусловленные ими).

Тип различия (3) – в особенностях мышления: образного или рационального – явление, скорее, наследственного характера. Здесь связь с (1) или (2) типами не явная, но иногда качественно обуславливающая их.

Наиболее интересным представляется тип различий (4). Это явление чисто психического порядка, проявляющееся в специфике отражения и видения мира. Оно в принципе может сказываться на (1), (2) и (3) типах, но не обязательно. 4-й тип различий – это разные плоскости мышления и представлений, когда мысль одного человека для другого проходит «по касательной». Их мысли могут исходить из одной точки или где-то даже пересекаться в своем движении (пересечение линий мышления). Поэтому, хотя мы и входим в мир, обретая выработанные обществом (этносом/человечеством) «значения» и мысленные понятия, соответствующие им, а также навыки и знания, выработанные

обществом и базирующиеся на них, – все равно вследствие существующего *закона бесконечного психического развития и разнообразия* люди, даже объединяемые общностью 1-го, 2-го и 3-го типа мышления, как правило, отличаются по 4-му типу, плоскостями мыслительных процессов и представлений. Поэтому им часто бывает трудно «сфокусировать» общение и найти взаимопонимание. Ну а если к этому прибавляются различия в (1), (2) или (3) типах или в их сочетании, тогда контакт между ними – не говоря уже о гармонии мыслей – совсем затруднен.

Впрочем, тут могут придти на помощь эмоции и, несмотря на умственные разногласия, может возникнуть и существовать эмоциональная приязнь и гармония между людьми. И это тем более возможно, что мы живем главным образом чувствами и нравственными предпочтениями как основой нашей биологической и социальной сущности. 4-й тип различий часто характеризует такое известное с давних пор явление, как разобщение поколений; и это – закон жизни *Homo sapiens* как развивающегося вида.

Динамика низших форм жизни обусловлена внешней средой; с усложнением же организмов эта динамика все меньше зависит от внешних воздействий и больше обуславливается внутренними причинами; они (организмы) активно изменяются сами путем интенсивного внутреннего развития – и здесь опять можно говорить о возрастающей активности живого в филогенезе. Поэтому в мире животных новые поколения повторяют образ жизни предыдущих (если не изменяются условия существования, возникающие независимо от них); изменения же условий существования в антропогенезе продуцируются главным образом самим типом активности, а именно, деятельностью (которой нет у животных), в связи с чем развивается и жизнь социумов (чего также нет у животных; их сообщества биологически заданы).

Эти усложняющиеся формы существования приводят к динамизации развития *Homo sapiens* как вида, развития, обретающего свойство неравномерного ускорения и, как следствие, приводящего к естественному отрыву новых поколений от «отцов»; иначе молодежь не поспевает за прогрессом и не сможет войти в жизнь (при этом дистанция отрыва связана с темпом ускорения конкретного общества) (ср. Н.Н. Моисеева: усложнение системы приводит к ускорению эволюции). В принципе и по существу разобщение поколений может идти по любой из линий (одной или в

каком-то их сочетании), отмеченных для синхронного плана; проявляются они в родственных контактах особенно наглядно и болезненно, в то время как между представителями разных социальных слоев синхронные разобщения проявляются реже вследствие менее активных контактов между ними.

При этом в процессе антропогенного (а не только исторического!) развития образуются свои центры более быстрого и поэтому более высокого развития. В историческом плане в целом – это города, но выделяются и отдельные этнические области; в обществе – отдельные личности; в авангарде же развития организма оказывается мозг. Эти функциональные центры и являются двигателями развития соответствующих форм материи.

Таким образом, если жизнь – высшая форма развития материи, то антропогенез оказывается высшей формой развития самой жизни, создавшей духовность и в ней – разум, способный познать сущность мира и воздействовать на него даже в космическом масштабе [70].

В развитии материи, и тем более ее высшей формы – жизни – большую роль играет динамика информации, стимулирующая это развитие. Динамика эта сама обусловлена уровнем развития материи и наиболее развитой ее части – мозга, продуцирующего сознание с его готовностью к восприятию и мыслительным процессам – основы переработки информации. «В начале было слово», и в слове была мысль. Мысль, опирающаяся на волю и энергетически питаемая эмоциями, движет всем и поныне; она – в основе человеческой деятельности, созидающей Культуру и Цивилизацию.

5.1. Труд

Как мы видели (в разделе 2.3.), в какой-то степени вопросы зарождения языка и мышления упираются в содержание соответствующих терминов. Но фило- и антропогенетическая динамика психики проявлялась и в эволюционном развитии естественной активности наших предков. И здесь также наблюдаются терминологические трудности. Интересно, что Н.Н. Воронцов не включает в число человеческих признаков труд, так как «отличить охотничий и собирательный труд древнего

человека от охотничьей и собирательной активности диких млекопитающих (не только приматов) совсем не просто» [16, с. 16].

Зарождение языка и мышления принято связывать с трудом. Но что такое труд? Что мы вкладываем в это понятие? С каким моментом можно связывать возникновение собственно труда? Можно ли какую-либо «деятельность» животных (например, обезьяны, достающей высоко подвешенный плод) назвать трудом? Определение содержания труда классиками, включающее предмет труда, средства производства и производственные отношения, не дает ответа на эти вопросы [68].

Все известные типы активности животных, такие как примитивные формо-пространственные пробы на основе безусловных и условных рефлексов (на перцептивном уровне психики) или ручное мышление с выбором ответа на основе фрейм-модели, и даже более высокий, эмотивно-смысловой выбор – как проявление интеллекта животных – неосознаваемы; они полу- или полностью автоматичны и осуществляются на базе предметного наглядно-практического мышления. Так, поведение обезьяны с ящиками и палкой не является трудом, каким бы оно ни было для нее «трудоемким». Ее активность ведома очень примитивным наглядно-предметным мышлением и направлена на непосредственное удовлетворение ее биопотребности. Как уже отмечалось, так называемый «этап приготовления» имеет целью приведение проблемной ситуации к определенному виду, соответствующему положительному фреймовскому образцу в ее памяти; какого-либо плана осмысленной последовательности в ее поведении, направленной на достижение цели, в ее мозгу нет. Нет мысленного соотнесения элементов наглядной ситуации с другими, ситуативно абстрагированными представлениями, и только лидер прегоминид, наблюдавший за ситуативной активностью сородичей, мог принять более далекое, «теоретическое» решение, представляя какие-то внеопытные результаты действий, например, при изготовлении орудия. То, что делалось до этого, – лишь первые шаги от «орудийной деятельности» животных. Это – 1) спорадическая подправка *камня*, но пока – на основе наглядного формо-пространственного соотнесения «орудия» (предмета) и его ситуативного применения; причем, по мнению Б.Ф. Поршнева, эти действия были «контактно-подражательного» характера, 2) сохранение орудий для возможного использования в будущем,

3) предварительность их заготовления с представлением их будущего использования.

Каждый из этих шагов значим в прогрессе ситуативной деятельности. Но это еще не труд. Уровнем, действительно предваряющим подлинно трудовую деятельность, можно считать лишь коллективную ситуативную активность с регулирующей сигнализацией лидера и развитием свободного доречевого мышления.

Деятельность лидера, опосредствующая связь действия с результатом, привела к отношению: действие → результат к новому виду, где связь между действием и результатом не прямая. Ее можно представить в виде изогнутой линии типа перевернутой греческой омеги, где излучина – символ опосредствующего воздействия со стороны лидера:

Здесь функция лидера тесно связана с его мышлением; будучи направленной главным образом на осмысление и регуляцию ситуативной активности, она вместе с тем способствовала развитию мышления самого лидера. Его деятельность (функция) была регулирующей как в пространственном отношении (распределение ролей между участниками ситуативной деятельности), так и во времени (планирование последовательности действий). Кроме того, лидер распределял продукт (результат) деятельности между участниками ситуативной активности.

Новый уровень ситуативной активности должен был характеризоваться, по крайней мере, следующими чертами: 1) отсутствием направленности на непосредственное «материальное» потребление продукта своей деятельности, 2) каким-то первичным разделением функций (или конкретных ситуативных ролей) участников процесса, придающим ему характер коллективной деятельности, и 3) таким уровнем мышления (по крайней мере, руководителя), который позволял бы предварительно прогнозировать или даже планировать отдаленный результат действий (цель деятельности).

Черты такой деятельности можно считать основными характеристиками труда, и они совершенно невозможны на уровне ручного мышления обезьяны, не говоря уже о 4) факторе, совершенно необходимом для организации сложной совместной деятельности – какого-то, пусть примитивного, средства общения по поводу элементов деятельности – между ее участниками.

Традиционно труд принято связывать с производством орудий. Является ли начало их производства одновременно и началом трудовой деятельности? Такая точка зрения представляется некоторой идеализацией фактов. В.И. Кочеткова отмечает, что «прегоминиды обладали очень сложной формой орудийной деятельности, которой нет аналогий в мире современных животных. От более простых форм орудийной деятельности животных ее отличало две особенности: систематичность и постоянное обращение к другим предметам для обработки первичного материала». Но, по мнению автора, сложнейшая форма орудийной деятельности, к которой перешли многие прегоминиды, «была условием выживаемости видов и не обладала формообразующей ролью» [46, с. 227]. Представляется, что производство орудий – это частный случай, не охватывающий всего спектра деятельности даже наших далеких предков. Оно действительно демонстрирует разрыв между процессом самой деятельности и материальным потреблением результата. Но такой разрыв мог существовать уже раньше и в более обыденных сферах активности, например, при разделке туши животных, когда первичная связь между действием и потреблением результата уже была опосредованной.

Кроме того, орудийная деятельность (мы не говорим сейчас о спонтанной подправке естественных предметов) хотя и была уже не индивидуальной, а групповой, но долго осуществлялась путем контактного подражания [86] при «неповоротливости ситуативного мышления», свидетельством чего является повсеместное однообразие Олдувайской культуры: действие совершалось на основе формо-пространственных соотношений с предметом приложения. Еще нет свободного доречевого мышления, которое могло бы обеспечить прогресс в орудийной деятельности, и нет опережающего мысленного соотнесения различных действий с их возможным результатом. Удачные находки в этом процессе случайны; еще нет подлинного творчества, поэтому нет и динамики, прогресса.

Таким образом, если здесь говорить о групповой ситуативной деятельности, то это был самый низкий уровень ее развития, когда роль руководителя сводилась главным образом к организации совместной активности в конкретной ситуации. Лишь значительно позже на уровне свободного доречевого мышления расширение роли лидера и его «вербальное» руководство с выделением нужного штриха представляемой формы могло привести к прогрессу деятельности⁹⁶.

Как отмечалось ранее, ситуативная деятельность под руководством лидера привела к развитию свободного доречевого мышления – сначала у лидера, а затем и у «рабочей» группы и способствовала развитию самого процесса деятельности и чувства коллективизма в группе (начало социализации наших предков). Все это при наличии *заситуативного общения* сопровождалось развитием средств коммуникации и, соответственно, языка – в его первичных формах: номенклатуры номинант и модальных знаков.

В ситуативной деятельности описанного типа могли постепенно формироваться черты подлинно трудовой деятельности, с развитием которой дифференциация функций со временем приводила к выделению разных типов деятельности и, соответственно, к развитию мышления и всесторонней активности людей. Если первично суггестия была проявлением подчинения воле вожака/родителя, то со временем, с осмыслением действия, а позже и деятельности она могла перейти в контрсуггестию как функцию реализации собственного деятельностно-осмысленного

⁹⁶ Ср. мнение А.С.Паникина о значении творческого начала предпринимателя (притом, что материалистическая теория К.Маркса учитывала только труд рабочего): «Мы обязаны найти людей, способных повести нацию вперед» [79]. Необходимо признать, что социальный и производственный прогресс связан с зарождением и последующим разворачиванием в нем иерархического принципа. И, на наш взгляд, это находит подтверждение в факте «иерархизации культурных, равно как и биологических или физических структур» [71, с. 75]. В нашем сельском хозяйстве в настоящее время утверждается мысль, что не финансовые вложения восстановят село, но прогрессивный, разумный хозяин-фермер, который объединит и поведет за собой рядовых фермеров. По Н.Н.Моисееву, «активное включение новых людей в коллективный творческий процесс резко ускоряет появление новых знаний и новых представлений» [70, с. 14].

желания. С увеличением роли субъекта в трудовой деятельности все больше развивалась воля, ведущая к достижению поставленной цели преодоления препятствий. Таким образом, проявление воли резко отличается от инстинктивной потребности к самоудовлетворению и соответствует развивающемуся коллективному сознанию. Ее можно считать одним из основных факторов зарождавшегося сознания – в том смысле, что, несмотря на индивидуальность ее проявления («свобода воли»), она обязана своим происхождением социализации индивида, соотносящим свое желание с общей целью трудового процесса. Ср.: сознание – соотношенность наших знаний и представлений о мире и о себе в этой соотношенности.

В развитом обществе функция вожака осуществляется более сложными инструментами, поэтому в общем виде схема представляется в следующем виде:

Здесь «социальная организация» выполняет в развернутом виде в основном те же функции (1, 2, 3). Мера и форма опосредованности различных видов деятельности может быть разной. Так, 1-я функция включает сложные виды многоступенчатого производства и других типов деятельности, 2-я – социальный запрос, 3-я – сложную систему распределения. Связь действия с результатом интересна и в современном синхронном плане. Во-первых, именно в ней реализуется процесс онтогенетического развития и воспитания. Во-вторых, она неоднозначна в разных видах деятельности. Так, если практическая деятельность в современном обществе непосредственно не связана с материальным потреблением ее результата и имеет обязательную социальную опосредованность, то интеллектуальная деятельность в целом имеет свою специфику: здесь «действием» может быть сама мысль деятеля, реализация которой опосредуется социальной сферой; при этом мысль и ее реализация в ее практическом воплощении могут быть значительно отдалены друг от друга во времени и пространстве.

По мнению Ж. Пиаже, активность, выделяющая животных в мире живой природы, стала основным фактором их прогрессивного развития. Эволюция животных организмов продвинула их значительно дальше, чем эволюция растений: «Различие между мхом и орхидеей намного меньше, чем между земляным червем и шимпанзе» [11, с. 109]. Представляется, что мысль Пиаже о том, что активность характеризует главным образом животные организмы, можно расширить: активность есть свойство, имплицитно присущее живой материи в целом. Ю.И. Александров считает ее «фактором, связанным с самим возникновением жизни, а не свойством, появившимся на каком-либо из поздних этапов филогенеза» [2, с. 28].

Н.А. Бернштейн отмечал, что главный «водораздел» между живыми и неживыми системами или прямо заключен в общебиологическом принципе активности, или включает его как важнейшую составную часть; причем именно активность обеспечивает как реализацию морфогенеза, так и любую целенаправленную деятельность и действие [8, с. 39]. Представляется, что именно активность как природная черта прегоминид была ведущим фактором возникновения труда, на базе которого благодаря разделению форм активности и языку как средству организации совместной деятельности сформировалось общество как особая форма «движения материи». Таким образом, прав был классик: «труд, а вместе с ним и язык» оказались основными факторами очеловечения наших предков, факторами социализации рода Номо.

Но язык был не только средством общения в труде и бытовых ситуациях, он стал основой мышления, что приводило к развитию как практического изобретательства, так в дальнейшем и к теоретической деятельности. Он стал средством накопления опыта материальной и духовной жизни и передачи его поколениям – особенно с появлением книгопечатания, а теперь и информационных технологий; основой развития Культуры и Цивилизации, формирования этнических сообществ и государственных образований; средством культурного и информационного общения между разными народами (переводы), а значит – объединения человечества в масштабе всей планеты.

По мере развития социально-трудовой организации (и с усложнением отношений в социосистеме с иерархической

структурой) развивается, усложняясь, и отдельный организм в плане структуры и разграничений функций между органами. Это осуществляется под главенством иерарха. Этим иерархом оказывается мозг, который сам развивается в этом процессе, постоянно усложняя свои функции и структуру. При этом нарастание активности и усложнение структуры живой материи происходит в возрастающем темпе.

В этом едином сложном процессе формировалось сознание людей и мышление – как одна из основных его составляющих. Затем именно активность мыслительной деятельности стала движущим фактором развивающегося сознания, продуктом которого явились все формы не только теоретического мышления – от мифов и религий до современной большой науки, но и технический рост современной Цивилизации (об активности мыслительных процессов см. также [65]). Однако мышление – лишь одна из функций мозга. Помимо собственно мыслительной функции мозг интегрирует все воздействия на организм из внешней и внутренней среды. Например, так называемый «кишечный мозг» – орган пищевых ощущений; сердце – не только регулятор кровяного потока, но и орган эмоциональных ощущений; нервные окончания по всему телу – орган тактильных ощущений, температурных и др. Как высший интегратор всех воздействий мозг строит стратегию поведения человека и в принципе может управлять даже уровнями восприятия. Но это не исключает импульсивного и интуитивного поведения человека в определенных ситуациях, поэтому можно сказать, что мыслительные процессы – одна из сторон, один из инструментов нашей психической деятельности⁹⁷.

⁹⁷ В этом плане интересен еще один момент. Во время сна именно отсутствие контроля со стороны Разума приводит к «неправильным» ассоциациям, рождающим нереальные сюжеты, картины. То есть сны – это результат неконтролируемых ассоциаций. Они могут быть ведомы неосознаваемыми чувствами, а иногда – результатом подсознательной мыслительной работы, которая обретает свободу вне давления будничных забот и шаблонов мышления – вплоть до нетривиальных экстраполяций, иногда сродни прозрению. А иногда – это просто случайные связи, результат случайных ассоциаций. Расшифровке сна может способствовать наличие индивидуальных ассоциаций каких-то психических образов с определенными эмотивными штрихами, юнговские архетипы подсознательного, а также то бессознательное, которое, согласно гипотезе

Как отмечалось, развитие организма в его взаимодействии со средой приводит к развитию всех сторон психики. Одна из них – психология – развивается в социальных взаимоотношениях и формирует сферы эмоций и духовности, становясь базой для сложнейших психологических нюансов развивающейся души человека, нюансов, лежащих, в частности, в основе всей его эстетической активности – от наскальных изображений до современного искусства.

В целом, психика является основой всякой человеческой активности. Свое содержание она формирует как во взаимодействии с внешним миром, так и в результате взаимодействия внутренних психических образов между собой. И это происходит на базе голографической связи между нейронами и нейронными ансамблями, некоторые из которых функционируют как ранее установленные «тропы», другие являются поисковыми.

Таким образом, все содержание нашей деятельности (в том числе и рефлекторная активность) оказывается результатом работы психики, материальной базой которой является энергетическая активность мозга, обретающая информационный статус для субъекта. И это содержание, воплощаясь в плодах материальной и духовной культуры и сохраняясь в поколениях, остается людям.

5.2. Причины скачка в развитии психики от животных форм к Homo

В контексте сказанного встает вопрос о причине или условиях эволюционного скачка в развитии психики от чисто животных форм к новым формам, характеризовавшим прегоминид, не отличавшихся, по мнению В.И. Кочетковой, значительным превосходством в структуре мозга по сравнению с антропоидами [46].

По мнению А.Н. Северцова, ведущую роль в повышении уровня организации форм в филогенезе могла сыграть лабильность поведения, а у приматов – еще и прогресс их психики [92]. Н.П. Дубинин отмечает в этой связи переход генетической

В.В. Налимова, сама культура содержит в своем подполье (что интересно соотнести с мыслью С. Роуза о переводе с языка мозга на язык сознания [89]).

программы от закрытого к открытому типу, допускающему интенсивное постнатальное развитие нервных процессов в ориентировочно-приспособительной деятельности [31]. (Ср. соответствующие гипотезы Л. Болька и Я.Я. Рогинского [117].) Не исключена связь такого перехода с воздействием повышенных мутагенных процессов в условиях Южно-Африканского рудного пояса, как считает Г.Н. Матюшин [69]. В том же духе высказывается и Н.Н. Воронцов [16]. Ш.Л. Уошберн отмечает, что «вымершие родичи [человека] обнаружены в Индии и Пакистане, на Ближнем Востоке и на Балканах и вплоть до Африки»... «поэтому сейчас кажется менее вероятным, чем в прошлом, что Африка была единственным местом, где возник человек [107, с. 221]⁹⁸. Л.А. Файнберг считает, что интенсивная радиация в определенных местах планеты послужила мощным стимулом для выделения предков человека из мира животных. Такая радиация способствовала мутагенным процессам, и в результате скачка возник человек [113]. Все это не противоречит теории Р.Б. Хесина о непостоянстве генома [118]. Впрочем, идея мутагенных процессов, лежащих в основе филогенетического развития от предков к Номо, была высказана еще Б. Киарелли (по [46]).

П. Пик полагает, что переход понгид к австралопитекам явился результатом адаптации одной из ветвей понгид к условиям саванны. По его мнению, именно «резкие перемены в климате, происшедшие на планете 1 млн. 600 тыс. лет назад, усилив процесс адаптации, привели к развитию у первых гуманоидов зачатков памяти и сознания и позволили им распространиться по Земному шару» [141, с. 75, 76].

Представляется, что перемены в климате хоть и могли усилить процесс адаптации, но сами по себе не могли привести к развитию сознания. По мнению М.А. Дерягиной, «нестабильность условий

⁹⁸ Однако недавние исследования Спенсера Уэллса «ископаемых ДНК» привели его в район Танзании и Эфиопии, где был обнаружен «научный Адам» с действительно всеобщим мутагенным сдвигом, который характерен для всех Y-хромосом у современных представителей мужского пола на планете.

Волков К. От Адама // Итоги.ru. № 20 (466) [online].

<http://www.itogi.ru/Paper2005.nsf/Article/Itogi_2005_05_17_13_2635.html>./

среды в плиоцене – повышенная вулканическая активность, радиация, геомагнитные инверсии, с одной стороны, усложняли жизнь гоминид, а с другой стороны, – создавали оптимальные факторы гоминизации» [29, с. 73]. У В.И. Кочетковой гоминизация связывается с особыми условиями, сопровождавшими жизнедеятельность какой-то из групп австралопитековых: «Вероятней всего, что в каком-то малоспециализированном виде австралопитековых верхнего виллафранка произошли события, позволившие его популяциям перешагнуть рамки понгидного уровня организации» [46, с. 229].

Возможно, этим «событием» могла стать коллективная активность под руководством вожака (лидера). Вероятно, именно ситуативная деятельность описанного выше или подобного типа могла стать проявлением усиленной адаптации в условиях повышенной нестабильности среды или радиации – если принять эту гипотезу. В принципе можно допустить на этом фоне и единичную мутацию у потенциального лидера: разрушение генетической структуры, ведавшей автоматической реализацией фрейм-модели как безусловного рефлекса. Мысленно разбив фреймовскую модель ситуативного поведения, он *организовал* (у животных нет организованной формы поведения!) коллективную деятельность, направляя ее на достижение определенной цели.

Переход от «ручного мышления» к относительно свободному оперированию ситуативными элементами как преодоление фрейм-программ поведения в проблемной ситуации означал развитие нового механизма психической деятельности и должен был сказаться на психофизиологических предпосылках следующих поколений. Использование его как более результативного могло привести к закреплению его в виде новых психических функций и постепенно – к ликвидации приоритета прошлых жестких программ фрейм-ситуативного поведения в пользу новых программ, допускающих гибкие реакции в сложных ситуациях.

Ситуативная деятельность под руководством лидера, развивая мышление и социальные контакты, постепенно превращалось в трудовую деятельность, формируя социально-производственные отношения и сознание путем перехода от осмысления действия, то есть соотнесения его с ожидаемым результатом, – к соотнесенному знанию о себе и о мире с осознанием своих поступков и поведения в нем (об этом пишет и А.Г. Спиркин в [102]). Бывший

периферийным явлением, этот новый, более высокоорганизованный уровень жизнедеятельности вследствие выживания особей с более подвижной психикой в усложненных условиях существования мог стать доминирующим в жизнедеятельности австралопитековых [71]. Не исключено также, что этот процесс, отразившись на генном уровне, сыграл не последнюю роль в переходе от закрытой генетической программы к максимально открытой, обеспечивающей интенсивное постнатальное развитие нервных процессов в ориентировочно-приспособительной деятельности [31]⁹⁹.

Выход за пределы жестких поведенческих фрейм-моделей и развитие начальных форм подлинного мышления положило начало целеполаганию, планированию и творческой деятельности наших предков.

Труд заложил начало социальной психологии, при которой активность индивидов становится не источником продукта непосредственного потребления, а вкладом в «общее дело». Развиваясь по всем своим параметрам, труд укреплял *чувство социальности*. Причем, это чувство переходит на подсознательный уровень (если не сказать, на уровень инстинкта). Человек хочет оставить после себя какое-либо дело, и тут срабатывает в основном чувство причастности к обществу, стремление внести вклад в его существование, развитие, прогресс. По-видимому, это основной, по большей части неосознаваемый смысл сегодняшней человеческой активности – как элемента Большой системы.

Но можно ли хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать динамику психики уже на уровне *Homo sapiens*? Конечно, богатый материал для этого могли бы дать всесторонние этнические исследования разных цивилизационных типов и, может быть, населения, находящегося на разных уровнях развития. И это, действительно, может стать задачей для ряда специальных исследований в русле антропогенетической психологии. Здесь же мы попробуем предельно кратко и не вдаваясь в возможные трактовки этого процесса у разных авторов, отметить динамику

⁹⁹ Возможно, с этим связано и дальнейшее, так называемое, «неотеническое» развитие в антропогенезе.

основных социопсихологических черт, возникших в самый ранний сапиентный период.

Это, по крайней мере, следующие черты: а) чувство коллективизма, возникшее в совместной ситуативной деятельности; б) символическое мышление, развившее язык – фактор, скрепляющий общество и база для дальнейшего развития мышления, а также основа творческой потенции людей; в) как результат первых двух – разрастание психической активности и практической энергетики людей (приведшие к развитию Культуры и современной Цивилизации).

На смену кочевому и охотничье-собирательному периоду пришла оседлость. На пространствах сельских поселений с натуральным хозяйством люди реализуют, главным образом, основные естественные инстинкты сохранения жизни и продолжения рода – при непосредственном взаимодействии с Природой и узком *межиндивидуальном* общении.

В больших поселениях развиваются социальные взаимодействия типа межгрупповых. При урбанизации эти контакты усиливаются и постепенно вырабатываются соответствующие свойства индивидов, закрепляющиеся на генном уровне. Пришедшая на смену почти индивидуальному взаимодействию с Природой в натуральном хозяйстве урбанизация развила разные виды деятельности и общественных отношений, превращая население в общество. Язык как основа социальных контактов и языковое мышление оказались инструментом приспособления к новым условиям существования, требующим большой умственной и эмоциональной активности, инструментом, способствующим развитию психики в целом и в итоге – превращению ее в качественно новое явление: психику *Homo sapiens sapiens*.

Разнообразие деятельности и общения интенсифицирует развитие мышления, которое в опоре на язык преобразуется в человеческое сознание как логико-эмоциональное постижение мира, основу духовного творчества и материального созидания. Материальная деятельность и мышление развиваются параллельно и во взаимодействии; при этом мысленное представление оказывается основой возникновения и развития духовной сферы сознания, создавшей всю культуру цивилизации. И роль языка в этом трудно переоценить.

В городе постоянные внешние импульсы и взаимодействия людей не только развивают их психику, но и повышают их практическую активность. При этом дифференциация функций отдельных групп и индивидов приводит к развитию разных психических черт и духовных интересов, что в какой-то мере оказывается причиной индивидуализации личностей; но вместе с тем их постоянное взаимодействие в обществе в связи с все растущими духовными интересами и потребностями приводит к общему повышению социальной энергетики.

В условиях городов разнообразие видов деятельности и межгрупповых отношений требуют усиленной иерархизации общества. При этом необходимым оказываются поиск и организация новых форм деятельности. Создаются спортивные заведения, клубы по интересам, организуются празднества, выставки, фестивали, в которых принимает участие наиболее активная часть общества. Часть населения оказывается занятой в сферах социальной организации города, недовольные участвуют в митингах и шествиях протеста. Естественно, все эти виды организационной деятельности осуществляются на базе языка.

Объективность повышения социальной энергетики и прогресса мышления проявляется в появлении новых проектов строительства городов. Социопсихологическая потребность в расширении деятельности, стремление к власти и накоплению богатства приводит к созданию новых экономических концернов, духовное развитие – к созданию культурных центров, новых информационных систем, научных, религиозных и других общественных организаций.

Именно ростом психической и социальной энергетики можно главным образом объяснить тенденцию к расселению наших предков по обширным территориям. В дальнейшем захват чужих территорий, использование их ресурсов, торговля, распространение собственной культуры (главным образом религии), стремление к созданию крупных государств – пусть даже с благими намерениями (Александр Македонский), не говоря уже о распространении Римской империи на территории «варварской» Европы – все это

экспансия, всяческая и повсеместная, связанная с «прогрессом» отдельных районов, стран и народов¹⁰⁰.

Чувство коллективности, зародившееся в ситуативной деятельности и естественным образом оказавшееся заложенным в генах в условиях оседлой жизни и индивидуального хозяйствования, оказывалось заглушенным. Но оно не исчезает и вновь проявляется в производственной деятельности городов. Это – социально-психологическое свойство человека: человек должен жить, хочет жить в составе сообщества и для его пользы. В этом он видит какой-то смысл своего существования, своей активности. Объективно принадлежность к социуму – более или менее нормальное условие существования и выживания человека. Но это важно (подсознательно?) людям и в широком, космическом плане, чтобы не воспринимать свою, да и в целом человеческую жизнь как «дар напрасный, дар случайный».

Историей человечества движет динамика прогресса, к которой все мы причастны неизбежно. Перспектив современного прогресса здесь мы не будем обсуждать. Но нельзя забывать и о чувстве удовлетворения по поводу осуществления сознательно поставленной цели и задач на пути ее достижения. А также и об эмоциональном уровне удовлетворения по поводу реализации беспокоящих мыслей, идей, художественных образов.

И еще: ведь теперь мы часто холим сому ради обеспечения творческой мысли, как условие ее функционирования и развития. То есть духовность начинает доветь в существовании человека, а это – движение к ноосфере.

Как уже отмечалось, в связи с развитием психики происходит все большая психологизация инстинктов, что не в меньшей мере выделяет человека в животной среде¹⁰¹. При этом явно отмечается

¹⁰⁰ Существует мнение, что современный процесс глобализации является продолжением древнейших процессов в развитии народов на новом этапе (Н. Чанда).

¹⁰¹ До развития сознания все поведение инстинктивно. С развитием сознания большая часть человеческого поведения осуществляется осознанно (цели, намерения) – за исключением, разумеется, автоматизмов и ситуативно-бытовых фреймов. Значит ли это, что древние инстинкты в какой-то мере стали осознаваемы или, по крайней мере, стали подвержены осознаваемому контролю?

интенсификация многих из них, возможно также являющаяся проявлением усиливающейся активности Номо.

Человек стремится к счастью. Что это такое? У каждого свое представление о нем. Но, в общем, по-видимому, это – реализация инстинкта и удовлетворение его потребностей, естественно, в современных формах существования. Инстинкт на разных биологических и социальных уровнях разнится своими потребностями. Сохранение жизни и продолжение рода – первейшая его сущность. Но, кажется, можно говорить о вторичных атрибутах инстинкта на разных уровнях развития и в разных социокультурных типах обществ. Даже такое частное стремление, как закончить дело, работу, добиться результата – оказывается проявлением инстинкта самореализации; удовлетворение этой потребности – разновидность реализации инстинкта самосохранения (обретение и сохранение определенного статуса в обществе). Все материальные и духовные потребности человека пронизаны эмотивно-смысловыми значимостями, определяющими направление его активности. Стремление к новому, поиск решения какой-либо задачи или реализация потребности к познанию, общению, к художественному, музыкальному самовыражению – все это преобразованные потребности инстинкта.

5.3. Пластичность как проявление инстинкта самосохранения Живого. Роль генетического механизма в приспособительной активности живых организмов

В целом активность есть форма пластичности как проявление инстинкта самосохранения живого¹⁰². В принципе возможны и другие и другие формы пластичности, в частности, относительная пассивность. Так, вожак в группе активнее всех. Члены группы в своем подчинении ему не проявляют активности своей воли. У Л.Н. Гумилева пассионарии противопоставлены субпассионариям. То есть в общем движении активности можно говорить об

¹⁰² История живого на Земле связана с отражением среды и развитием соответствующих реакций как средств приспособления к ней, характеризующихся пластичностью и упреждением (последнее: от биорезонанса как экстраполяции физических явлений в Биоте – до предвидения и научных прогнозов).

относительной пассивности как разновидности ситуативного приспособления. Кстати, сам «выбор» формы пластичности тоже можно рассматривать как ее проявление.

Пластичность – это свойство живого приспосабливаться к окружающей среде путем изменения своего поведения, функций и часто в конечном итоге – своей организации. Эта способность проявляется через повторение форм среды, уподобление ей движением и, может быть, даже – через тип ассоциации вещества в процессе материального обмена со средой. Можно сказать, что здесь имеет место какая-то форма резонанса: ведь восприятия свето-аудио-вкусовые, тактильные, обонятельные дают достоверные сведения об объекте, опосредованно регулируя функционирование организма (разновидность уподобления?).

Удачные, положительные результаты оказываются устойчивыми и, проявляясь популяционно, закрепляются в качестве видового безусловного рефлекса. Но положительный результат мог быть и индивидуальным, закрепляясь в условном рефлексе. Возможны и случайные виды приспособления, проявляющиеся в особенностях поведения по образцу, запечатленному в индивидуальной памяти. Безусловный и условный рефлексы функционируют как разновидности инстинктивного поведения; но и индивидуальная, чисто поведенческая пластичность оказывается условием выживания. Отсюда – направленность эволюции. Случайные мутации подвергаются отбору, а тропы полезного поведения могут закрепиться на генном уровне.

Итак, с одной стороны – уподобление, с другой – резонанс (выделим его отдельно как первичное психофизиологическое упреждение) лежат в основе выживания организмов, прерывающего процесс энтропии в материальном мире. И до сих пор вся деятельность людей направлена на сохранение себя и своего вида через разного рода приспособительную активность – с естественным самовыражением при соблюдении моральных и экологических норм среды (тоже штрих приспособительного свойства!).

Можно выделить три формы пластичности живых организмов.

1. *Физиологическая пластичность:*

а) обменное взаимодействие со средой (химическое, элементарно-физическое);

б) механическое приспособление путем уподобления (формы, цвета...);

в) групповой симбиоз, в котором часто один организм ведущий, другой приспосабливается (широко наблюдается у растительных и низших животных организмов).

В составе Биоты Земли проявлений симбиоза много, и они разнообразны. Так, фотосинтез растений обеспечивает весь животный мир органикой. А бактерии в организме последних своим богатейшим набором ферментов помогают им усваивать пищу. Кораллы с полипами, грибы, оплетающие корни растений – все это из репертуара биологического симбиоза. Отмечается и симбиоз на грани химии и биологии: когда происходит объединение нуклеиновых кислот с белками – с образованием сложного биологического организма – клетки (белки и нуклеиновые кислоты зарождались по отдельности; в первых нет фосфора, но есть сера, во вторых – наоборот: нет серы, есть фосфор).

В современной биологии подчеркивается огромная роль вирусов на элементарном биологическом уровне и в целом утверждается, что симбиоз – магистральный путь развития организмов, основа прогрессивной эволюции биосферы.

2. Психическая пластичность:

а) Предметно-опосредованная пластичность (от муравьев до птиц, бобров и обезьян), приобретаемая организмами на базе условных и безусловных рефлексов. Приспособление к среде путем спорадически используемых предметов, иногда подправляемых органами тела (зубами, лапами). Образ жизни большей частью групповой, стайный с инстинктивно подражательной активностью в основе научения. Уровень реакций – пробы-ошибки на основе предметного восприятия среды при формо-пространственном восприятии ситуации и фреймовском поведении.

б) Ситуативная орудийно-опосредованная пластичность. Орудия – естественные, специально подправляемые предметы или предметы, производимые с помощью других предметов. Деятельность, коллективно организованная под руководством лидера, с элементами мысленного представления цели и

конкретным разделением ролей участников ситуативной активности (поздние австралопитековые)¹⁰³.

3. *Социально опосредованная пластичность.* В условиях территориально-этнической сплоченности, группового сообщества или общества (объединяющего разнопрофильные виды человеческой деятельности в иерархическую структуру) наблюдается *целенаправленная, планируемая деятельность, которая, будучи функционально-дифференцированной, регулярной и, по сути, социально-регулируемой, может быть названа трудом*¹⁰⁴.

В целом в Биоте пластичность развивалась в разных направлениях в результате приспособления организмов к определенной нише через взаимодействие с соответствующей средой. Линия же, приведшая к появлению рода Номо, развивалась главным образом путем усложнения форм психического опосредствования сигналов восприятия при тенденции к экономии средств нервной деятельности – как путем интеграционного перекодирования содержательно усложнявшихся информационных сигналов при переходе от уровня к уровню, так и своеобразным «свертыванием» физиологических функциональных систем при их умножении.

Это внутреннее «самотворчество» организма осуществлялось во взаимодействии с внешней творческой активностью развивавшегося рода Номо, обеспечивая последнюю на психофизиологическом уровне. С развитием жизни обстоятельства существования оказывались настолько сложными и многообразными, что ни первичные фреймы с их редкими «творческими находками», ни даже эмотивно-смысловой выбор не могли уже обеспечить адекватное поведение. И тогда ведущим и необходимым оказывалось творческое решение жизненных ситуаций,

¹⁰³ Многие животные с высоким уровнем физиологического развития и ситуативного мышления в данном случае оказались между первой и второй группой, так как предложенная градация дана по прогрессивной линии развития, ведущей к труду и обществу. А тигры, олени, дельфины... нашли свою нишу и существуют в ней тупиковыми ветвями.

¹⁰⁴ По М.К. Мамардашвили, даже познавательный творческий акт является «социальным по своей природе и структуре (а не индивидуальным и лишь потом социализируемым)» [65, с. 46].

оказывавшихся проблемными. И тут к резерву индивидуальной картины мира присоединяется воображение (развившееся на основе представлений, появившихся как результат символизации элементов реальной ситуации). И если уже в эмотивно-смысловом выборе упреждающее представление определяло вероятность ответной реакции, то Образ мира в сочетании с воображением оказались базой для творческих «конструкций» ожидаемого, возможного и невозможного. Функционируя на уровне не только реальных, но и представляемых сигналов, эта пара создает как модели практического поведения, так и теоретические модели, научные, эстетические, знаменуя тем самым все большее развитие самопроявления организма (индивида) во взаимодействии со средой.

Пластичность в поведении человека проявляется повсюду: от выбора поведения в конкретных ситуативных условиях (так называемых действий «по обстоятельствам») до высших форм социального выбора. Она явна и в проявлении речемыслительных функций: мы излагаем мысль в разной мере развернутости, сложности и глубины в зависимости от ситуации общения, сообразуясь с тем, кому, что, когда и как сказать. То же и в мышлении «про себя»: степень развернутости может быть различной: от минимальной, свернутой средствами мыслительных знаков, до полностью вербализованной – в меру необходимости, с соблюдением универсального закона экономии и полезности (ср. принцип функциональной экономии при порождении и восприятии звуковых единиц языка [59]).

Все виды пластичности как разные формы приспособления к среде исходно являются проявлением инстинкта самосохранения организма, популяции, общества. Так что пластичность в целом, в разных своих проявлениях является необходимым и закономерным условием существования живых организмов на Земле¹⁰⁵. Она связана с самым началом зарождения жизни. По Н.А. Бернштейну, необходимость полезного результата возникла на стыке предбиологических и примитивных биологических комбинаций

¹⁰⁵ По К.С. Тринчеру, живые системы отличаются от неживых тем, что вместо структурной деградации под влиянием внешних воздействий они перестраивают свою структуру, обеспечивая сохранение своих функций в новых условиях и закрепляют их наследственно [105]. А.А. Братко называет это изменением структуры взаимодействия со средой [12].

материи [7]. В общем можно сказать, что *жизнь зародилась как активная форма взаимодействия каких-то материальных структур со средой. Причем с изменением условий существования механизм регуляции видоизменялся или все более усложнялся, образуя новые уровни и формы регуляции*¹⁰⁶.

Так, «эстетическое чувство» присуще и животным: красота как проявление гармонии должна, по идее, обеспечить рождение здорового потомства, и основная поведенческая голограмма «следит» за реализацией этого важного инстинкта. У животных на неосознанном уровне яркость, контрастность, сила и другие признаки «красоты» действуют на физиологическом уровне как ответ генов на определенное физико-химическое воздействие объекта – причем в определенный период созревания организма, да еще с учетом благоприятных природных условий. Тот же механизм определяет и выбор партнера из неродственной стаи; «ошибочный» выбор не закрепляется в генах; потомство вымирает¹⁰⁷.

Мы, люди, радуемся первой весенней зелени, потому что жизнь наша в прошлом проходила на природе, и зелень, растения были нашим благотворным окружением; рады свету и солнцу, потому что оно дало нам саму жизнь, поддерживает энергию и все жизненные

¹⁰⁶ Можно ли без оговорок принимать «универсальность» положения естественных наук о развитии как закономерности динамики системы или гегелевское положение о развитии как преодолении «исходных» противоречий, заключенных в объектах и системах [103]? Представляется необходимым учитывать факт взаимодействия любой сущности с другими в энергосиловом или/и информационном контексте ее существования. Другое дело – удельный вес или значимость тех и других факторов в разных типах систем и на разных уровнях развития. Возможно, чем сложнее система, тем внутренние факторы значимей для ее развития. Например, простейшие живые организмы – и такая система, как человеческое общество. В.Ф. Петренко пишет: «Смена состояний выражает изменение системы во времени и определяется как внешними воздействиями, так и самой системой» [84, с. 123].

¹⁰⁷ Значит ли все это, что гармония, противостоящая хаосу, – основное свойство мира (он держится в равновесии, пока гармония в нем преобладает), проявляющееся в живом как условие его сохранения? И, естественно, фраза Ф.М. Достоевского: «Красота спасет мир» обретает свой подлинный и неоспоримый смысл в трактовке: «Гармония спасет мир».

процессы. Рады голубому небу, так как такое небо издавна было условием спокойного существования. Все, что приятно и что мы любим интуитивно, *задано генетически*. Так природой в нас заложено хранить и оберегать жизнь. Дети – наша радость, не только как факт полного личного и семейного счастья; это житейский социальный аспект нашей психики. С позиций же генетического подхода это – «радость генома», так как именно в детях наиболее ярко проявляются сила и перспективность жизни – главного смысла функционирования генофонда.

С развитием психики, на основе естественных эмоций восприятия развиваются сложные психические чувства, например, эстетическое чувство, которое переходит в понятие красоты. Для человека эстетика значит очень много, причем во всех сферах жизни, не говоря уже о художественной (гармония в архитектуре, музыке, стихосложении; даже в математике: «красивое решение задачи»). Чувство любви, развившееся на основе физиологического влечения, превращается в глобальный психологический конструкт, где поиск гармонии проявляется в выборе не только физических черт избираемого, но и его психических, социальных, культурных свойств в плане их гармонической соотнесенности с соответствующими чертами активной стороны. Ведь в сложных условиях жизнедеятельности людей такая гармония должна стать гарантом не только здорового потомства, но и счастливой семейной жизни для нормального воспитания детей. Но это уже выбор на сознательном уровне. Вероятно, лишь подсознательные предпочтения осуществляются на основе генетической записи.

Если раньше говорили о психофизиологических предпосылках организма, реализующихся в онтогенезе, то теперь реально изучаются гены, ведающие структурой белка, типом нервной организации, конкретными функциями, предрасположенностью к тем или иным заболеваниям и т. д. Что же касается психических характеристик и особенностей индивида, то эта сфера как раз и должна быть записана в виде предпосылок: они менее стабильны, больше подвержены изменению под влиянием конкретных условий онтогенеза и проявляются в основном в фенотипе. (В генотипе их запись может заключаться во множественных соотношениях между материальными элементами генотипа. Но от этого они не менее реальны, хоть, вероятно, менее устойчивы.)

Структура генома, да и всего генофонда – явление производное, развивающееся во времени при взаимодействии организма со средой: условия жизни корректируют инстинктивное поведение. Инстинктивное поведение – это поведение, регулируемое Основной голограммой, реализующей генетическую программу организма. Таким образом, Основная голограмма – это генетически заданный механизм связи организма со средой. Но этот механизм не раз и навсегда задан: он может изменяться в результате мутаций и развивается при взаимодействии организма (организмов) со средой. Действие первых непредсказуемо; действие вторых носит приспособительный характер, осуществляясь при сохранении соответствующих условий в масштабе больших временных отрезков¹⁰⁸. Но чем задан первичный «творческий момент» появления РНК и позже ДНК – с дальнейшим усложнением их функций, определивший грань между «косной» и живой материей, так что последняя под внешним воздействием не разрушается, а переструктурируется, сохраняя себя именно как носителя этой способности, этого творческого начала?

Эволюция живого на Земле постоянно сопровождалась видоизменением и усложнением механизма приспособления. Самые примитивные его формы и теперь функционируют (в частности, в вирусах). Этим механизмом является то, что принято называть наследственным аппаратом. На деле функции его шире и значительней. Передача по наследству основных признаков живого организма – лишь одна из них. В целом же это – функция сохранения жизни – конкретного организма, вида, рода... Биосферы. И носителем этого механизма является главным образом ДНК. Недаром М.Д. Франк-Каменецкий называет ее самой главной молекулой [116]. Р.К. Дикерсон считает, что ДНК может

¹⁰⁸ Последние характеризуют популяции организмов, обуславливая генетическую общность целых таксонов. На уровне условных рефлексов поведенческие регуляторы, будучи индивидуально сформированы, вместе с тем могут быть физиологически типизированы для групп организмов в общей среде обитания. Их можно считать вторичными голограммами низшего порядка. Вторичные голограммы высшего порядка – социально-психологические. Они также могут быть в некоторой мере типизированы; но спектр их вариаций значительно шире, они более индивидуальны. Таким образом, проявление типологии наиболее значительно на низких таксономических уровнях.

претендовать на центральную роль в живых организмах», что «может быть, вообще не было такого времени, когда существовала бы «жизнь без ДНК» или одни только «голые гены» [30, с. 103–104].

С самого начала механизм приспособления в организме работает на уровне элементарного физико-химического обмена. У растений этот механизм проявляется на чисто физиологическом уровне (если считать, что у них нет психики (см. Ж. Пиаже, по [11])). У животных организмов – в регуляции поведения, направленного на самосохранение и продолжение рода, которое осуществляется на базе той же физиологии, но уже значительно усложненной ассоциативными связями (психика). Причем поведение животных как приспособительная функция становится все более разнообразным по мере расселения в новые средовые условия, оказываясь, таким образом, факторным механизмом изменения и развития организмов.

На уровне человека именно вхождение в социум является сложным поведенческим приспособлением, опирающимся на сознание. Обретаемое содержание жизни – внутренний эффект этого приспособления. Внешний же эффект – возможен как воздействие личности (малой из двух соприкасающихся систем) на социум. (Значительнее массовое воздействие индивидов, которое формирует или, по крайней мере, оказывает какое-то изменяющее воздействие на систему социума.) В этом взаимодействии создается а) личная психология индивида и б) уточняется его геном – сначала в виде легкой подвижности отдельных генов, которая при положительном эффекте в последующих поколениях может привести к структурному изменению генома. И это подтверждает общеизвестное положение о том, что приобретенные социальные характеристики закрепляются на биологическом уровне.

С развитием сознания развились принципиально новые формы регуляции жизнедеятельности – притом что нижние, оставаясь функциональной основой всех последующих, сохраняли самостоятельность в основном в плане обеспечения внутриорганизменных функций и координации его отдельных систем, по большей части непосредственно не определяя его внешнего функционирования. Однако они активизируются при воздействии на организм физико-химических и низших биологических структур (таково в основном функционирование

иммунной системы, которую можно считать прямой производной от инстинкта самосохранения).

Спираль ДНК, присутствуя в ядре каждой клетки и храня память прошлого, регулирует деятельность организма в настоящем. При этом одни генные структуры действенны на уровне сознания, другие – на различных психических и физиологических уровнях (возможно, это – результат деятельности генов-регуляторов, воздействующих на активность структурных генов, заведующих синтезом белка). Есть даже мнение, что разные группы клеток организма имеют разный набор генов [116]. Все структуры, составляющие ДНК, представляют собой единый комплексный механизм регуляции взаимодействия организма со средой, действующий, скорее всего на иерархической основе, когда осуществляется включение высшего уровня при сбое в работе какого-либо низшего¹⁰⁹; или в условиях резкого изменения внешних факторов воздействия на организм, при котором физиология не может успеть приспособительно перестроиться. Например, Р.У. Сперри считает, что психическое как результат деятельности всего мозга оказывает действие на протекание нервных процессов [101]¹¹⁰.

В общем и целом, приспособительное поведение в новых условиях приводит к образованию нового *психического органа* как системы специального функционирования, и в случае относительной устойчивости этих жизненных условий удачная функция популяционно фиксируется на генном уровне

¹⁰⁹ Пример – вся современная медицина.

¹¹⁰ Организм действует слаженно как целое под началом ведущего, смыслового, уровня, задающего его активность, и подключающего его к высшей системе. Например, если человек потерял «направление» жизни, любовь, веру, иногда просто вышел на пенсию, он как бы утрачивает

смысл жизни, и деятельность отдельных органов и систем его организма, распадаясь, ослабевает, так как ведущий уровень является основным стержнем существования.

Тут можно говорить об общественно положительных и отрицательных смысловых ориентирах человека. Здесь же – зародыши общечеловеческих и личностных (мелких в социальном плане) преступлений. В слабой форме – развивается позиция индивидуальной отстраненности; в более серьезной – алкоголизм, наркомания, преступления, суицизм.

(приспособительная мутация?), создавая со временем специальный или модифицированный морфологический орган. Поэтому филогенез как таковой можно считать *сохранившимся, отсеянным результатом приспособительных онтогенетических изменений, не исключаяем возможную роль в этом процессе отдельных положительных мутаций*. Но вероятность эволюционной значимости отдельных случайных мутаций кажется ничтожной по сравнению с возможностями приспособительного эффекта. Ср. у Э. Майра: «Поведение часто (а может быть, и всегда) служит «лидером» в процессе эволюции» [63, с. 29]. Таким образом, можно считать, что из тех эволюционных изменений, которые обычно относят к мутациям, большая часть является генным «приспособительным» ответом на изменение условий существования, а меньшая – результат случайных (радиационных и других) воздействий на организм.

С другой стороны, можно полагать, что если в принципе объектом мутации могут стать любые гены, то, по-видимому, приспособительное изменение более вероятно в отношении скорее видовых, чем родовых (и еще более древних) признаков, как более поздних и поэтому менее устойчивых и, вероятно, также приобретенных в результате приспособления к каким-то конкретным условиям существования. При этом, «приспособительная активность» генов-регуляторов может играть не последнюю роль в этом процессе.

Итак, речь идет не только о наследственном аппарате, но и о разнотипно проявляющемся информационно-регуляторном механизме живых организмов¹¹¹.

На физиологическом уровне этот механизм регулирует элементарно-материальный (то есть элементарно-физический и химический) контакт организма со средой; на психическом уровне, определяемом как «поведенческое приспособление» [51], он проявляется по линии: подражательные акты, научение. А развитие мышления (одной из составляющих психики) и сознания (как

¹¹¹ П.П. Гаряев вводит понятие ДНК-волнового биокомпьютера живой клетки, которая управляет не только строительством белков, но и работой хромосомного континуума как носителя голографической и фотонно-радиоволновой информации, участвуя «в управлении обменом веществ в организме и в его эмбриональном развитии» [21, с. 55].

высшей формы психики) означает новый вид его функционирования, результатом которого оказываются культура, наука, технология человеческих обществ. При этом условные рефлексы оказываются на границе физиологического и поведенческого приспособления).

В «дочеловеческой» Биоте генетическая программа обеспечивает выживание организма и сохранение рода путем физиологического приспособления к среде; отсюда: разные условия среды дают все многообразие видов и эволюцию, в частности, путем отбора из того материала, который дает мутация. Программа Ното строилась на приспособлении среды к себе на базе умственного (мыслительного) проникновения в глубинные законы материи, что позволило преодолеть ограниченность физического пространства, а также ускорить время своей эволюционной динамики. И все это – посредством переработки информации на основе символизации представлений.

Физиологический аспект приспособительной активности передается потомству в основном путем наследования структурных характеристик компонентов генома (ср. хотя бы факт расообразования, свидетельствующий о переходе благоприобретенных приспособительных черт на уровень генетической памяти). Психический же аспект передается не только путем культурного наследования, но, по-видимому, и каким-то образом зашифрованными в геноме следами родительской психики как результата их приспособительной деятельности в конкретных условиях существования; в частности, в виде психофизиологических предпосылок, определяющих в значительной степени возможности постнатального развития потомства¹¹².

¹¹² В биологии известен факт: особь, выжившая в самых трудных условиях среды, передает потомству эту свою способность. И это может быть связано не только с процессом научения. Возможно, физиологические и психические особенности дочернего организма проявляются именно в виде психофизиологических предпосылок, а развитие и использование их новым поколением способствует закреплению этих черт через формирование новых функциональных структур. Их запись в генах представлена вначале не структурно, а в виде «троп» или тропизмов, которые позже могут закрепиться в структуре генома, формируя

Таким образом, фенотип как результат взаимодействия генотипа со средой может приводить к сдвигам в генотипе. Психические наклонности, как и благоприобретенные модели поведения, каким-то образом записываются в генах и передаются по наследству. С. Роуз пишет: «...приобретенные путем научения реакции не наследуются потомством. Передается лишь степень пластичности и способность обучаться, которые в свою очередь “заданы” генетическим кодом и программой развития» [89, с. 188].

Откуда у ребенка, подростка интерес и желание заниматься какой-то деятельностью, способность к определенному творчеству? От прошлых поколений: соответствующими видами деятельности занимались в роду; затем, с развитием, изменением жизни и разных видов занятий людей и все большей их дифференциацией родовые наклонности рафинировались, уточнялись и, приобретая адекватное современности выражение, откладывались в индивидуальной памяти, со временем, при их закреплении переходя в генетическую память. Даже индивидуально приобретенная способность, свойство оставляют проторенный след в виде психофизиологической склонности, на основе которой легко формируется реальная психическая функция. Другое дело, что она может остаться невостребованной и, будучи единичной, случайной, никак не отразится на общем развитии вида¹¹³.

Но если целый вид (популяция) выжил, приспособившись к среде благодаря какой-либо полезной, притом постоянной реакции на определенную ситуацию, то эта, из поколения в поколение

отдельный локус в генетической цепи и оказываясь устойчивыми в последующем наследовании поколениями (см. о подвижности генов [117]).

¹¹³ Почему мальчики в 1,5–2 летнем возрасте тянутся к машинкам, а девочки – к куклам? Возможно, это задано на генетическом уровне. Но генотип изменчив, значит, на него могли влиять внешние условия (и явно: это не то, что принято считать мутацией). Генетический аппарат – это определенные потенции организма, реализующиеся в фенотипе при определенных условиях. Набор и разнообразие потенций определенного генома связан с уровнем и типом существования предков. Производный фенотип зависит от уровня и типа существования конкретного организма. Более того, конкретный уровень, например, психической организации, запрограммирован на определенный этап развития организма.

передающаяся связь, проторенность, способность, все время укрепляясь, в конце концов превращается в регулярную функцию организма, которой соответствует определенная нервная организация. В этой связи важно признание Дж.М. Смита: «...открытие того факта, что некоторые *особенности поведения* (выделено мной. – В.М.) наследуются, послужило важным вкладом в изучение эволюции» [97, с. 90].

Геном как информационно-регуляторный механизм человеческого организма «закладывается» в момент зачатия плода, когда в зиготе соединяются родительские гаметы (не способные самостоятельно выполнять эту основную жизненную функцию); и в нем, в этом новом геноме, оказывается уже зафиксированной значительная часть всех психофизиологических предпосылок будущего организма, которые получают свое конкретное развитие, начиная с пренатального периода и в течение всего онтогенеза, формируя личность. Значит ли это, что геном определяет не только физическую, физиологическую, но и психическую сущность человека? Нижние уровни психики формируются на основе психофизиологических предпосылок и характеризуют психический тип индивида (определяемый в значительной степени типом нервной организации) и в какой-то мере его психический склад: способности, склонность к определенным занятиям и др. Но можно говорить и об уровне содержательном, который «нарабатывается» в определенной культурной среде и который, возможно, не в меньшей степени определяет психику личности, его психологию. И эта, более тонкая материя, входящая в то, что греки называли *psychē*, в значительной степени определяет ее.

Однако фиксируются ли обретенные таким образом черты в наследственно-регуляторном аппарате? Могут ли они привести к его изменению или даже развитию? Исключает ли развитие генофонда полностью эту возможность? Является ли антропогенез лишь результатом усложнения белковой структуры ДНК, ее ферментного, коферментного и проч. состава, работы РНК? Или здесь таятся и какие-то пока нерасшифрованные следы наработанной содержательной стороны психики, которая и оказывается теми «психофизиологическими предпосылками», которые проявляются в онтогенезе при определенных

благоприятных условиях (кстати, в этом проявлении также заключалась бы регуляторная функция генома)¹¹⁴.

Итак, тем или иным способом – психика формируется в онтогенезе, и обретенные ею черты могут отразиться в геноме, что приводит к его изменению и, как правило, – развитию (об этом свидетельствует весь антропогенез). При этом генетические черты сами по себе не абсолютно устойчивы по отношению друг к другу; в течение онтогенеза их удельный вес в организме может меняться.

Интересен в связи с этим вопрос о возможности записи в генах языка (о чем говорила в одной из бесед проф. Т. Миронова). Конечно, это – не что иное, как психофизиологическая предрасположенность к определенному акустико-артикулярному укладу языка, возможно, речевой мелодике и в целом – к складу определенного типа языка. Так, исследования, проведенные Д. Дедиу и Р. Ладдом в Эдинбургском университете, показывают, что усвоение языка определяется не только речевым фоном, но и генетическим типом человека. Эти результаты открывают новую область генетики, которая связывает эволюцию языка с адаптивной молекулярной эволюцией и функцией мозга. При этом гены влияют на организацию коры, включая зону, ответственную за речь¹¹⁵.

Но, по-видимому, можно говорить и об общих задатках языковой способности, развивавшейся в течение тысячелетий в антропогенезе. И вообще, может быть, не так уж далек был от истины Н. Хомский, говоря о врожденных грамматических структурах?

В связи со сказанным интересным представляется вопрос о так называемом «неотеническом прогрессе» в морфологической эволюции человека [50]. Термин «неотеническое развитие» означает обретение функций взрослой особи (в том числе функции размножения) на уровне детского развития. Применим ли он к

¹¹⁴ Недавно в Германии были выявлены значительные различия в количестве копий в определенных участках ДНК, которые в сумме составляют 12% генома, отличающих одного человека от другого. Ср.: до сих пор сходство человеческих геномов определялось в 99,9%. Вполне допустимо, что эти различия могут определять и самые тонкие психические особенности людей.

¹¹⁵ <http://www.pravda.ru/science/eureka/30.05.2007/226071-genes-0>

развитию человеческого организма? Имеется ли для этого достаточно оснований?

Обычно сравниваются пропорции черепа шимпанзе в зародышевом и взрослом состоянии с соответствующими пропорциями человеческого черепа. У взрослого шимпанзе специфика детского черепа нивелируется, у человека же она сохраняется в значительной степени в течение всей жизни. Что это может означать? Представляется вероятной следующая трактовка этого явления. Пропорции младенческого черепа обеспечивают (обезьяне, человеку) готовность мозга к прогрессивному развитию и превалированию функции «способность к обучению» над другими менее важными функциями в младенческом возрасте. У человека значительное сохранение пропорций детского черепа свидетельствует о том, что эта функция сохраняется на всю жизнь, что связано с суггестией, по Ф. Поршневу, как подавлением непосредственного инстинкта при обучении под внешним руководством [86]. И это естественным образом было связано с изменением жизнедеятельности наших предков.

У животных же (и в частности, у шимпанзе) функция эта сравнительно рано замещается функцией собственного физического приспособления к среде с накоплением формо-пространственных моделей поведения (фреймов), то есть животным суггестия полезна только в раннем возрасте (с вариациями у каждого вида) для обучения их начальным формам поведения под руководством родителей.

И это – еще один пример того, как механизм приспособления регулирует адаптивные функции организма к условиям конкретной жизнедеятельности.

Действие этого механизма проявляется и в пространстве (среда, пища, другие условия существования), и во временном отношении: когда, в каких условиях должны превалировать те или иные функции, в том числе когда, при каких условиях организм должен погибнуть (на смену самосохранению через приспособительное развитие – самовозрождение через смену состояний?)¹¹⁶. Этот

¹¹⁶ Как реализуется этот механизм в последнем случае? Перестает ли функционировать транспортная РНК, выполняющая собственно информационно-регуляторную функцию в клетке (и таким образом нарушается канал связи между ДНК и клеткой)? Ведь ДНК при этом сохраняет свое существование или просто ослабляется *натяжение спирали*

механизм является и наследственным; но, передавая поколениям свои матрицы и формулы, он по ходу взаимодействия со средой, условиями жизни (как основными стимулами его динамики) уточняет, изменяет и, если надо – усложняет их и развивает. Ср. например, у Н. Бернштейна: «Процесс жизни есть не «уравновешивание с окружающей средой», а преодоление этой среды, «направленное на движение в направлении родовой программы развития и самообеспечения» [8, с. 27, 28].

Так могло произойти и в условиях описанной ситуативной активности прегоминид под руководством лидера: развитие суггестии в этих условиях обеспечило превращение «закрытой генетической программы» в «открытую» с сохранением пожизненной способности к обучению и подлинно интеллектуальному развитию [31].

Итак, при младенческой структуре черепа мозг максимально готов к обучению через суггестию (лобные доли максимально развиты). При этом возможности у обезьян и человека, конечно, разные: у обезьян нет такой психофизиологической базы, как у человека¹¹⁷. У человека это время тоже наиболее подходящее для обучения через суггестию; позже начинает преобладать интенция «я сам», то есть суггестия частично подавляется. Потенция к интеллектуальному развитию продолжает реализовываться, но уже больше через собственную активность в системе человеческой жизнедеятельности, что требует постоянного обучения для вхождения в Культуру общества.

Постоянное развитие мозга человека, продолжающееся во взрослом состоянии обусловлено сложностью человеческой жизни, в которой все время надо чему-то учиться. У шимпанзе оно прекращается, так как у них развитие психики в основном ограничивается биологическими задачами выживания и продолжения рода (доминанта существования).

ДНК? Интересны были бы в этой связи сравнительные исследования живой (функционирующей) ДНК с нефункционирующей, ДНК людей с сильной и ослабленной иммунной системой, здорового и больного человека, молодого, новорожденного со старым и т.д.

¹¹⁷ Другой образ жизни на протяжении всех предшествующих поколений. Но они развивают свои возможности в условиях своей жизнедеятельности.

У человека доминантой существования оказывается *психическое развитие*, являющееся как бы сверхзадачей, которой сопутствует биологическое развитие, не препятствуя магистральному развитию. В связи с этим кажется естественным, что у животных только биологически сильнейшие (как носители лучших приспособительных качеств) передают потомству свои гены; по этой же логике – человеческий род продолжается через постоянное развитие психики, которая должна быть в состоянии осваивать постоянно усложняющуюся жизнь и – способствовать ее дальнейшему развитию. Это – генеральный путь ее динамики.

Итак, если в животном мире доминанта существования это – сохранение индивидуальной жизни и продолжение рода, то у людей на современном этапе доминанта в постижении мира. Исходно – тоже для сохранения жизни; но психическое развитие в процессе ситуативной деятельности привело к такому скачку мышления, что оно постепенно становится уже самодовлеющим явлением, когда постижение мира и активное взаимодействие с ним, как сказали бы математики, «стремится к своему пределу» – как, впрочем, и развитие всей духовной деятельности в целом. И прогресс мышления в настоящее время обретает характер необратимого и ничем пока не сдерживаемого процесса.

Геном живого организма заведует не только структурой белков, но и особенностями физиологических функций и психических характеристик индивида, включая тип нервной системы, специфику функционирования отдельных органов и систем организма (например, иммунной системы); в его ведении психические наклонности и способности индивида, включая их тип и гибкость. При этом, по Н.Я. Бернштейну, «важнейший и своеобразный биологический факт заключается не в этом программировании, а в том динамическом начале (*вероятно, тоже как-то закодированном и обладающем своим вещественным субстратным носителем в клетке* (выделено мной. – В.М.)), который содержит у особи активное антиэнтропическое... стремление к реализации этой кодированной модели» [8, с. 25]¹¹⁸.

¹¹⁸ Н.А. Бернштейн говорит об удивительной динамике Биоты. Тут встают два взаимосвязанных вопроса: (1) Каким образом закодировано это динамическое начало в клетке? (2) Как оно возникло?

Удобно начать со второго. Откуда всякая динамика? Механическое движение – от внешнего импульса (воздействие внешней системы);

Короче – это очень сложный механизм, обеспечивающий живому организму приспособление к среде обитания. А.С. Северцов считает, что «какую бы функцию живого организма мы ни исследовали, всегда обнаруживаем, что прямо или косвенно она способствует выживанию организма» [93, с. 88]. Но все-таки не все признаки вида, и тем более отдельного организма, являются результатом приспособления (адаптации, по Р.К. Левонтину) [50]. Некоторые из них, возникая в результате мутаций (или генетического скрещивания), сохраняются, если не вредят выживанию организма.

Приспособительная способность, обеспечивающая сохранение жизни на Земле, реализуется путем восприятия изменений среды, приводящего к появлению полезных черт поведения (1), которые могут сопровождаться появлением новых приспособительных функций (2); последние, в свою очередь, могут привести к образованию новых органов (3) с передачей тех и других по наследству (4).

Итак, информационно-регуляторный механизм является основным свойством Живого; структурируя организмы от прошлого к настоящему, он в синхронном плане заведует их функциями¹¹⁹.

внутрисистемное – от взаимодействия внутренних сил (например, в атоме – составляющих частиц). А в ДНК потенция динамики может таиться в ее спиральности (сжатая пружина?) (ср. спиральность Млечного Пути и других галактик: исходно тоже, может быть, в результате действия внешних сил (энергия Большого взрыва?).

Различные тела, объединенные гравитацией, под влиянием соотношения своих внутренних (электромагнитных?) сил вступают в определенные взаимодействия друг с другом. В исходной РНК во взаимодействии со средой образовалась усложненная структура компонентов – ДНК, активность которой направлена на выживание в контакте со средой – при сохранности гомеостаза клетки, но с возможностью приспособительного изменения частных программ активности.

Не обеспечивает ли упругость спирали ДНК, обретенная в этой «борьбе», постоянную динамику этого процесса? Не это ли постулированный Бернштейном «вещественный субстрат» – носитель динамического начала клетки?

¹¹⁹ С. Роуз отмечает, что если раньше господствовало мнение, что организм – продукт взаимодействия «природы и воспитания» (на современном языке: генов и окружающей среды), то теперь утвердилась позиция, что

По-видимому, можно говорить о филогенетических слоях этого механизма, которые, умножаясь во времени, усложняли строение организмов. Соответственно, чем ниже слой, тем шире его представленность в Биосфере; более высокие – постепенно дифференцировали разные таксоны. В настоящее время в отношении сложных организмов можно говорить о различных регуляторных уровнях; и опять: самые нижние соответствуют самым древним слоям и обуславливают общность с соответствующими таксонами, а более поздние, соответственно, обуславливают функционирование новых и новейших структур организма.

Но какова структура самого механизма приспособления? Появление новых функций и соответствующих органов означает усложнение организма в целом и – логично допустить – усложнение самого механизма приспособления. Высшие уровни выстраиваются на нижних и функционируют на их основе. Но насколько скоординированы и взаимосвязаны между собой уровни всего механизма? По-видимому, должна существовать иерархическая взаимосвязь между ними. Ведь иначе не было бы слаженного функционирования целого организма. Известно, что единство сложных структур обычно предполагает некоторую внутреннюю иерархию. Не могут ведь отдельные уровни организма функционировать независимо друг от друга. С другой стороны, в результате усложнения механизма возможно изменение удельного веса отдельных его функций (например, можно с уверенностью говорить о довлеющей роли мышления на современном уровне антропогенеза). Сложность высших организменных структур и, соответственно, их информационно-регуляторного механизма – с акцентом на высших психических уровнях – не ослабляет ли его воздействие на низшие, физиологические уровни? Как легко поколения бактерий в организме человека приспосабливаются к антибиотикам! А как легко модифицируются штаммы гриппа! На сегодняшний день есть основания говорить о возможности некоторого функционального отрыва высших уровней от низших. На прямую физиологическую реализацию Основного инстинкта с

основой специфичности и пластичности служит проявление генов в процессе развития индивидуума [88].

психикой приходит первичная опосредованность этого процесса. Фреймовский интеллект (М1), затем начало подлинного мышления (М2) – следующие ступени его опосредствования. С подлинным мышлением (М3 и М4) приходит самый высокий уровень опосредствования: цивилизационное и культурное опосредствование Основного инстинкта. На этом уровне мышление может проявить даже некоторое отвлечение от него (Основного инстинкта). Современное мышление в какой-то степени становится самодовлеющим (стремится к тому) – вплоть до видимого практического отрыва от Основного инстинкта. При этом возможен явно отрицательный результат мыслительной деятельности, но возможен – при слабой предсказуемости – и ее отдельный положительный результат.

Правда, в условиях измененного сознания (например, при медитации или специального волевого усилия по восточным методикам) возможно прямое, непосредственное воздействие высшего уровня на низший, физиологический. А.М. Норбеков показывает, что и при нормальном психическом состоянии интенсивным воле-эмоциональным настроем можно повлиять на физиологию [75]. Известно также мнение медиков о положительном настрое и воле, способствующих излечению болезни. Таким образом, можно считать, что связь между верхним и нижними уровнями информационно-регуляторного механизма в принципе существует, но она в норме слаба и, конечно, неосознаваема.

Кстати, к поставленному здесь вопросу о связи между собой разных уровней регуляторного механизма имеют отношение, по-видимому, и следующие моменты «поведения» генома. Известно, что геном некоторых животных, реагируя на благоприятные/неблагоприятные условия среды, регулирует рождаемость детенышей (так, самки не приносят потомства в преддверии «голодного» сезона). У человека же можно говорить о том, что геном реагирует на социальные условия (например, замечено, что в предвоенные годы повышается рождаемость мальчиков). Более того, он реагирует и на чисто психологические факторы. Так, существует поверье, что постоянное восприятие будущей матерью определенного конкретного лица обуславливает некоторое сходство ребенка с этим образом, срабатывает даже фотография красивого человека: если будущая мать хочет, чтобы ее

ребенок был похож на него, ее желание может частично реализоваться.

А воздействие на будущего ребенка хорошей или плохой обстановки в семье или восприятие будущей матерью высоко художественных произведений искусства (в том числе музыки) безусловно признано. У будущего ребенка как бы приходят в готовность, активизируются соответствующие функциональные тропы, предваряются соответствующие ассоциации, короче – формируются определенные предпосылки для развития будущего индивида, личности. Бывает и так: при изучении иностранного языка легче дается тот, который знали (изучали) родители, не говоря уже об эмоциональном «заслоне», который проявлялся у некоторых людей в процессе послевоенного изучения в нашей стране немецкого языка. По-видимому, нюансы всевозможных психологических предпосылок очень разнообразны во всех сферах жизни людей; их интересно было бы специально изучать.

Данная позиция, не отвергая в целом ни роли мутации в процессе эволюции, ни дарвиновской теории естественного отбора, вместе с тем солидаризуется с дарвиновской же идеей пангенезиса и с давним утверждением Ж.Б. Ламарка о принципе *наследования признаков, приобретенных в процессе приспособления к среде*. Кроме того, высказанное здесь мнение о роли приспособительной способности организмов, направленной на сохранение и развитие жизни на Земле, согласуется с относительно недавними работами в области молекулярной биологии (например, о перемещении генов в геноме и др.) и, в частности, с результатами серьезнейшего исследования по иммуногенетике, опубликованными в последние годы [104]¹²⁰. Вместе с тем, с принятием этой позиции отпадает

¹²⁰ В последнее время обсуждается прослеживаемый в филогенезе факт

постоянно действовавшей динамики наклона черепа в направлении современного состояния вследствие «сжатия» (определенного изменения формы) сфеноида – несущей кости в основании черепа – с оценкой его как *следствия мутационных процессов*. При этом: а) отвергается воздействие приспособительного фактора и б) подчеркивается, что филогенетические промежутки между отмеченными ступенями сдвига *укорачиваются во времени* (выделено В.М.). Такая трактовка фактов представляется сомнительной. Во-первых, мутация – явление одноразовое и не может действовать как тенденция во времени. Так могут действовать именно

сакраментальный вопрос о происхождении генного аппарата, в том числе – появления первичной ДНК (1), перестает удивлять общность белковой структуры всей Биосферы Земли (2) и отпадают недоумения по поводу того, где же ожидаемое подавляющее количество «отрицательных» мутантов в палеонтологическом материале, если эволюция совершалась только путем естественного отбора случайных мутаций.

Зато естественным представляется чудо удивительного приспособления всех существующих видов животных и растений к среде обитания, которое и принято называть приспособительной способностью, а уровень значимости работы генетического механизма позволяет заключить, что сама жизнь продолжается и совершенствуется через самообновление генофонда.

Развитие человеческого генофонда осуществлялось в контексте более широких событий, а может быть, в значительной степени и определяло их. Живые организмы (и вся Биосфера) развивались на основе функционирования информационно-регуляторного механизма при взаимодействии со средой. Это развитие шло от простейших форм до самых сложных, и антропогенез достиг высшего на сегодняшний день уровня – в создании человека с максимально развитой психикой, мышлением и сознанием. При этом на смену простейшим биологическим формам взаимодействия с Природой пришел высокий уровень социализации и технизации. Вершина психики – Сознание и его центр – Разум как единство мыслей, чувств и воли. Сила разума – в сбалансированности этих трех компонентов; но тот или иной компонент психики может превалировать, оказываясь ведущим в проявлении как личности индивида, так и сообществ.

более или менее постоянные условия среды и тип существования. Во-вторых, укорочение филогенетических промежутков как раз может свидетельствовать об усилении какого-то активного деятельностного фактора, например, активности при изготовлении орудий; может быть, начало звуко-речевой коммуникации, вызывавшее новый тип активации области глотки и зева, и даже еще раньше необходимость постоянно смотреть вперед при движении на задних конечностях – тоже могла способствовать новой позе, новой посадке головы на плечах. То есть налицо поведенческие и физиологические изменения, естественно отразившиеся на уровне генома.

К настоящему времени все большее углубление мысли в познание Природы происходит параллельно с все большим отстранением человека от нее. Это отстранение проявляется, в частности, и в бездумной эксплуатации природных богатств (нарушающих экологию) в угоду бессмысленному интенсивному потреблению, в конечном итоге истощающему Природу.

По этому поводу уже можно считать общим мнение, что такой процесс губителен как для Ноосферы, так и для всей жизни на Земле. Не заключен ли в этом парадокс прогресса и тем самым – работы самого информационно-регуляторного механизма? Найдет ли Разум выход из этого положения?

По мнению Н.Н. Воронцова, техническим тенденциям должно противопоставить экологизацию народов через биологизацию образования и создания социальной целесообразности экологически ориентированной политики государств [16] (конечно, в первую очередь имеются в виду страны «обществ потребления»)¹²¹.

Н.Н. Моисеев считает, что у общества должна быть возможность «целенаправленного влияния на характер процессов развития» под эгидой «экологического императива» [70, с. 25]. Он считает даже, что «Вселенная обретает с помощью человека способность не только познавать саму себя, но и направлять свое развитие так, чтобы компенсировать или ослабить возможные дестабилизирующие факторы» [70 .с. 13]. Автор надеется на возникновение коллективного Разума в качестве «новой бифуркации», подобной возникновению мыслительных способностей у гуманоидов.

Человеческий геном представляет собой высший уровень пластичности во всей Биосфере – по крайней мере, по сложности своей структуры. Все генетические типы пластичности осуществляются на основе трех основных типов связи со средой, то есть являются тремя сторонами жизненного процесса, не существующими друг без друга. Это: а) чисто «материальный» обмен (физико-химический), б) энергетический, обеспечивающий этот обмен со средой и тем самым обуславливающий временные рамки существования организма; в) информационно-регуляторная

¹²¹ Идея преодоления технических тенденций неоднократно высказывалась с разных трибун. Например, Р. Штейнером еще в 1919 году.

деятельность, ориентирующая поведение индивида в среде путем выявления значимых для него свойств среды и обеспечивающая таким образом адекватность «вписывания» организма в сложные, постоянно меняющиеся условия существования¹²².

Реализация этих связей, разворачиваясь, «прогрессируя», усложняется в филогенезе и в антропогенезе оборачивается некоторыми особенностями существования человека. Так, с развитием социализации наших предков осуществляется: 1) закрепощение человека в какой-то определенной трудовой функции; 2) «закабаление» его времени до 18 часов в сутки (по мнению этнографов, древнему человеку достаточно было 15 часов для обеспечения своего существования в течение недели); 3) усложнение до громоздкости обмена с Природой, что приводит к разрыву естественной связи с ней.

Зато этот же процесс приводит к духовному развитию. То есть параллельно с развитием и усложнением материальной жизни происходит прогресс в духовной жизни человека, что собственно и является его подлинным развитием, возможно, высшим проявлением динамики материи.

Наша духовная сущность отражает мир, сохраняясь в других духовных сущностях (в памяти людей или даже в развитии культуры); материальная – со временем переходит в элементарный состав Вселенной; генетическая, возникая как фактор жизни, задает все формы ее проявления – как в структурном, так и в функциональном плане – и хранит их как модели Биоты. Здесь возникают вопросы о появлении и сохранности отмеченных сущностей. Духовное значимо сохраняется, пока «жив будет хоть один пиит» (ее возникновение обсуждалось подробно в данной работе); материальное – пока существует материя Вселенной (возникновение ее пытается объяснить теория Большого взрыва); генетический же уровень как основа жизни значим будет, пока сохраняется Жизнь. Согласно современным данным органическая молекула превратилась в биологическую сущность в некоторых

¹²² Р.К. Левонтин считает, что «Для того чтобы вид мог продолжать существовать в условиях непрерывно изменяющейся среды, он должен обладать достаточным запасом наследственной изменчивости соответствующего типа, который создавал бы возможность для приспособительных изменений» [50, с. 246].

экстремальных условиях среды, повысивших, по-видимому, ее внутреннюю энергетику.

Любая из отмеченных выше сущностей сохраняется как таковая, пока сохраняются энергетические взаимодействия внутри нее и между нею как целым и внешней системой (на высших уровнях материи энергетическое взаимодействие преобразуется в информационное). Но откуда берется энергия связи? Почему наиболее сильна связь на элементарном уровне?¹²³ Возникает ли энергия связи компонентов из самого их взаимодействия или она присуща целому имманентно?¹²⁴

5.4. Активность человеческого интеллекта. Еще немного о Картине мира и Образе мира

Если жизнь – высшая форма развития материи, то антропогенез оказывается высшей формой развития самой жизни, создавшей духовность и в ней – разум, способный познать сущность мира и воздействовать на него даже в космическом масштабе. В развитии материи, и тем более ее высшей формы – жизни большую роль играет динамика информации, стимулирующая это развитие. Динамика сама обусловлена уровнем развития материи и наиболее развитой ее части – мозга, продуцирующего сознание с его готовностью к восприятию и мыслительным процессам, – основы переработки информации.

«В начале было слово», и в слове была мысль. Мысль, опирающаяся на волю и энергетически питаемая эмоциями, движет всем и поныне; она – в основе человеческой деятельности, созидающей культуру и цивилизацию. Мысль – это особое явление в мире. Информация, творимая мыслью и несомая на легких крыльях ее энергии, преодолевая пространство и время, выполняет творческую функцию в предметном мире.

¹²³ Ср. странную аналогию с уровнями языковой системы.

¹²⁴ Множественность и разнообразие связей в организме (в частности, между клетками и тканями) и с другой стороны, нормативность устойчивости одних и подвижности других, по-видимому, определяют и обеспечивают жизнедеятельность организма – как в целом, так и отдельных его звеньев. С другой стороны, и любой элемент в системе сам сохраняется и функционирует как таковой, пока сохранены его связи с этой системой.

Мысль и материя взаимосвязаны функционально и генетически; мысль, зарождаясь на определенном уровне развития материи (генетический аспект их соотношения), преобразуется в силу, воздействующую на материю и создающую весь рукотворный мир (функциональная зависимость материи от мысли).

Всеми делами на Земле – с самого их начала, руководит мысль, и руководимые ею в своих делах и отношениях «деятели» превратились в людей. Итак, в антропогенезе идея, мысль – первичны и способны творить материю¹²⁵. Мысль лежит в основе духовности; она – авангард развития всей психики¹²⁶.

Помимо общего принципа активности, который характеризовал все этапы прогрессивной эволюции живых организмов, можно говорить об особой активности интеллектуальной психики с постоянной устремленностью человека к *новизне* и познанию как пище для мыслительной работы; и это стремление к новизне особенно активизируется с последующим развитием мышления. Есть даже мнение, что «именно новизна придает жизни ее высшую ценность» [40, с. 102]¹²⁷.

¹²⁵ Может быть, в этой связи возникла идея высшей творческой мысли и воли? Ведь в принципе можно, выйдя за пределы представления практической функции мысли в нашей жизни (в том числе науки, религии, искусства) признать ее глобальную созидательную сущность, которая «в руках» Высшей силы могла «сотворить» и наш мир... Не так ли возникла идея высшей созидательной силы в христианской религии?

¹²⁶ Если душа – это психофизиологическая программа генома в ее антропогенетической реализации и развитии, тогда «вечность души» – это ее сохранность в живой материи с возможным обновлением и развитием в отдельных организмах при изменяющихся условиях существования (в этом – суть генетического аппарата как аппарата приспособления). Однако А.А. Зиновьев в последнем интервью отмечал «катастрофическое снижение интеллектуального уровня всего человечества» по отношению к его прогрессирующей динамике, например, в эпоху Возрождения.

¹²⁷ На современном уровне развития мышление, опираясь на получаемые данные внешней информации и творя внутреннюю, требует все нового материала для своей активности (и может быть, это перешло уже на генетический уровень – в разной мере у разных индивидов). Но психика и в целом не прочь освежить себя новизной в любой области. Еще Сенека Младший заметил, что «новизна восхищает часто больше, чем величие».

Новизна придает жизни интерес (человеческая психика всегда стремится к познанию). Ср. высказывание М.Д. Франк-Каменецкого о науке, которое, по нашему мнению, вполне можно отнести и к постоянно развивающейся человеческой психике: «В том-то и состоит прелесть и вечная молодость истинной науки, что предлагаемая ею картина мира постоянно меняется» [116, с. 44].

Восприятие новизны не только продукт объективного контакта с миром; в нем обычно присутствует субъективный момент, в центре которого и стоит интерес. С развитием мышления он стал основной пружиной, способной завладеть человеком до полного пренебрежения ко всему прочему в жизни. Мысленный интерес влечет человеческое сознание вглубь стоящей проблемы с колоссальной силой; а эмоции, сопровождающие интерес, усиливают активность познающего субъекта¹²⁸.

Возможность нового ситуативного поворота как результата действия выработала постановку цели действия, деятельности, в том числе с преодолением препятствий и в связи с этим - часто со стремлением к расширению сферы деятельности; при этом преодоление препятствия часто оказывается особо привлекательным, не только привносит новизну и разнообразие в жизнь, порой приводя к развитию так называемого «спортивного интереса» во многих сферах деятельности и поведения. Преодоление препятствий развивает и волю (как психологически осмысленный инстинкт активности). Реализация идеи всегда встречает «сопротивление среды», в преодолении которого воля способствует достижению цели, доставляя психологическое удовлетворение – одно из важнейших стремлений человеческой натуры. Разновидностью новизны оказывается и смена эмоций; при этом у некоторых проявляется стремление к увеличению амплитуды

¹²⁸ Известно изречение И. Канта о том, что мышление приносит удовольствие почти эпикурейского типа. В сравнении с художественным творчеством, где на первом месте потребность *отдать* эмоционально и в какой-то степени интуитивно накопившуюся в душе информацию, в мыслительном процессе на первом месте потребность *познать, получить* на уровне сознания новую информацию с последующим воплощением и передачей ее вовне, людям. В обоих случаях осуществляется энергоинформационный обмен со средой. Но набирается информация по разным каналам и воплощается разными средствами.

эмоциональных переживаний. Эта психическая особенность отдельных личностей фактически работает на обострение ощущений. Всякая новизна несет новую информацию, причем не только для мышления, но и для всей психики в целом, активизируя ее. Поэтому новизна важна не только познавательно-информационная, но и в плане обыденной жизни: новые люди, стили в быту и искусстве, новое в методах лечения, хозяйствования, преподавания, государственного управления, организации общественной жизни, в спортивных играх... Новизна в стремлении к Красоте и Совершенству всегда привлекательна для здоровой психики как проявление глубинной тенденции к прогрессивной эволюции (с момента зарождения подлинного мышления). При этом Образ мира в какой-то мере обновляется, развивается. Без этого – застой, отсутствие динамики, деградация. А живой организм во всех своих составляющих и живет-то процессом динамического развития.

Наличие *новизны*, новых впечатлений для мышления, да и всей психики, столь важны, что сильно влияют на самоощущение личности. Так как время – мера изменения, то отрезки времени, не отмеченные яркими событиями, новыми впечатлениями, интересной деятельностью, тянутся, даже тяготят нас; они как бы проваливаются, почти не оставляя в памяти следа. Но если время, пусть небольшой его отрезок, наполнено новыми яркими впечатлениями или творческой работой, оно проходит незаметно, но оставляет легкий след в памяти как содержательное, значимое, емкое и даже субъективно воспринимается как длительное в прошлом¹²⁹.

Любое изменение, динамика являются основным свойством материи. В человеческом обществе психика, адаптируясь к

¹²⁹ Уточним: время – мера изменения, динамики в пределах конкретной

системы и при определенных условиях, и измеряется оно в условных единицах обычно высшей системы или смежной, взятой за эталон. Но если говорить о времени как о скалярном физическом явлении (не имеющем направления, но со знаком), то, по-видимому, можно допустить существование «+времени» с развитием, усложнением материального мира (например, Вселенной – с расширением пространства, усложнением структуры материи) и «-времени» с противоположной динамикой изменений.

однообразному, рутинному течению жизни, получая минимум новизны впечатлений, не испытывает должной меры преобразующей и обогащающей ее динамики. Само по себе астрономическое или биологическое течение времени не дает ощущения какого-либо субъективного духовного обогащения, которое по существу и является доминантой существования человека. К тому же, дробя время на все меньшие отрезки, предназначенные для каких-то практических дел, мы уничтожаем субъективное ощущение его цельности, с чем часто бывает связан психологический дискомфорт. Поэтому можно говорить не только об астрономическом времени и биологических часах, но и о психологическом времени, которое особенно важно для личности, и если оно характеризуется яркой, содержательной новизной, то наполняет смыслом и радостью нашу жизнь (см. также [24]).

С восприятием новой информации появляется чувство интереса, так как за ней может лежать нечто значимое для жизни – приятное, опасное и т. д. Интуитивный интерес к окружающему характеризует не только человеческую психику, но и более низкие ее уровни. Он с давних пор заложен в генах, проявляясь в ориентировочном рефлексе. Даже у обезьян манипулирование предметами и любопытство отмечаются вне конкретной ситуативной необходимости. Но эта активность зажата рамками фреймов; она пуста, неосмысленна и непродуктивна без выхода на вербальную или хотя бы довербальную «свободную» форму мышления – как свободное доречевое мышление наших предков.

Содержательные перспективы «неведомого» безграничны именно на уровне Сознания; грани его могут быть предвосхищены воображением или теоретическим мышлением, захватывая человека почти полностью и укрепляясь надолго в подсознании. Расцвет и достижения нас радуют. Это может говорить об общей устремленности Культуры к прогрессу, отражающейся в нашей психике. Но эта устремленность, отражаемая в фенотипе, может зависеть от общей генетической направленности, которая сама формируется в процессе эволюции мышления в постоянно прогрессирующем стремлении мышления *познать* – как пышном цвете древнего ориентировочного рефлекса, побуждаемого инстинктом самосохранения и опирающегося на одно из основных свойств живого: опережающее поведение.

Здесь можно сказать несколько слов о человеческом общении как проявлении интереса к новизне в социальном контакте. В потребности социального контакта опять видим проявление энергоинформационной природы материи – на новом уровне. Сейчас мы не будем говорить о физическом уровне, но социопсихологический аспект ее представляется интересным¹³⁰. Мы живем в отраженном свете наших мыслей, чувств и настроений. В этом основной смысл нашего общения и важнейший момент социализации. Именно в общении может проявиться та психологическая интенция, которая выражает сущность субъекта больше, чем его практическая деятельность, так как сущность человека не в том, что он есть, а в том, к чему он стремится. То, что он есть – результат осуществления взаимодействия его генетических задатков с условиями его жизни. Но всегда остаются идеи, мечты, к осуществлению которых он стремится и которыми он психологически живет. Это – его духовная сущность. То есть человека делает человеком его психология: сущность человека заключена в психологии, определяющей его духовность.

Но что мы ищем в общении? Гармонию для самоутверждения и устойчивости или тот ракурс, угол отражения, который скорректирует наше видение мира и наше поведение? Первое или второе – зависит от ситуации и от натуры конкретного человека. Первое как будто обещает стабильность; второе же придает динамику и мысли, и чувству. Так что же больше привлекает? К какому «счастью» стремится человек?

Если говорить о счастье, то ближе всего, по-видимому, к нему чувство психологического комфорта (1). Важны, конечно, благополучие и социальный статус – в масштабе желаемого и возможного (2). Но наиболее значима свобода самореализации, самопроявления (3). Это древнее природное свойство, реализующее не только инстинкт самосохранения и продолжения рода, но со временем – и тенденцию к саморазвитию (которая каким-то образом на продвинутом уровне оказывается зафиксирована в геноме человека). Другой основой самопроявления является чувство

¹³⁰ На уровне биологическом энергоинформационный контакт между элементами системы (или между малой системой и большой, в которую она входит) жизненно значим: нарушение его уничтожает клетку, орган, организм (старение, аутизм, по-видимому, есть частные проявления этого процесса).

приятности: оно имеет тот же конечный результат для Основной голограммы, но стоит ближе к индивиду и выходит на общество более опосредованно.

Все три отмеченные момента взаимосвязаны; и все же (2) и (3) работают на обеспечение первого как главного искомого для счастья современного человека. Но как справедливость является составляющей социального комфорта (см. (2) и (3)), так важнейшей составляющей, можно сказать, основой психологического комфорта в целом является спокойная совесть, без которой все остальные компоненты окажутся не действенными. Чистая совесть – Бог человеческой психики, ее фундамент. Реализация потребности в общении осуществляется как в практической деятельности, так и в информационно-чувственных межиндивидуальных «посылах-ответах». Последние в серьезных случаях могут играть роль запроса на предмет самого существования человека.

Итак, можно говорить об «информационном послы» (в широком смысле) – как запросе на предмет своего существования, то есть о послы-восприятии, которое для человека жизненно важно.

Развитую психологию отличает постановка сложной отдаленной цели, длительное поступательное движение к ней с его планированием и преодолением препятствий. Важно, что «простые» исходные чувства, стремления человека проходят через всю его психологию и проявляются, соответственно, во всем спектре его поведения, как бы облекаясь во все свойства его характера и личности и приобретая тем черты неповторимого и очень сложного явления. При этом сила эмоционально-психологического переживания зависит не столько от объективной значимости предмета внимания, сколько от его субъективной ценности и эмоционального склада человека.

Любое явление, отраженное воспринимающей системой, становится информацией; поэтому все сущее несет в себе потенциальную информацию. В филогенезе появление новых видов активности оказывается связанным с новыми способами восприятия и обработки информации, и развиваются они взаимосвязано, так что на каждом уровне развития организма типу его активности соответствуют определенные виды информационной обработки. При этом в развитом организме с многоуровневой системой обработки информации преимущественно функционируют те из

них, которые наиболее задействованы в жизнеобеспечении – притом, что значительная часть остальных функционирует параллельно и частично бессознательно.

Чем выше уровень развития организма, тем он более полифункционален. Каждый уровень воспринимает определенный тип информации, создавая для этого свой орган регуляции через специфическую связь с Основной голограммой. При этом можно говорить об иерархии в том плане, что высшие уровни в принципе могут «контролировать» деятельность низших (но сами низшие осуществляют свою работу, как правило, самостоятельно; ср. уже упоминавшийся «второй мозг» в кишечнике).

В принципе мышление как психическая деятельность – это оперирование отражениями – внешними и внутренними. Можно дифференцировать несколько уровней отражения.

I. Чувственный: это внешние и внутренние ощущения разных модальностей.

II. Психический:

а) восприятия – наглядные образы на базе синтеза сигналов разных органов чувств;

б) представления – как структурные обобщения одновременных восприятий – в абстракции от наглядных образов;

в) понятия: представления в сети значимых функциональных отношений, образуемых в результате мыслительной работы, в которой уже участвуют элементы суждений и умозаключений.

III. Информационный:

а) память (П) как самостоятельные, логически не обработанные картины прошлого опыта, которые, однако, в момент вспоминания оказываются не простой репродукцией прошлого, но часто воспроизведением его в контексте психического развития личности от прошлого к настоящему;

б) информационные блоки (И-блоки)

в) области знаний (О-знаний)

г) И-блоки, О-знаний и Память образуют Картину мира индивида, вернее его Образ мира, ассоциированный с социальной Картиной мира (КМ).

Уровень II а) сильно завязан на эмоции; это следы ощущений, которые на уровне II б) и особенно II в) значительно ослаблены.

Понятия вследствие преимущественного веса связей и отношений представляют собой некую точечно-содержательную

целостность высокого уровня абстракции. В отличие от этого И-блоки – это блоки ассоциированных понятий, а О-знаний – развернутые содержательно-информационные структуры.

На уровне III в результате анализа, синтеза и других логических операций (например, выявления функционально значимых характеристик и отношений между понятиями и представлениями) происходит формирование и переформирование И-блоков как групп логически связанных понятий, что отражается на структурах О-знаний, представляющих собой группы И-блоков, объединенных каким-либо фрагментом Действительности. И-блоки и О-знаний социальной Картины мира лишь частично входят в соответствующие индивидуальные сферы, но зато содержание сформированных соответствующих сфер в КМ оказывается результатом всей совокупности индивидуальной мыслительной деятельности представителей данного социума.

Если не дифференцировать категории Информационных блоков, Областей знаний и Картины мира, то можно сказать, что мы живем в мире понятий и представлений о вещах и явлениях, которые формируются обществом на базе языка и других средств символизации (в науку и культуру мы также входим, приобщаясь к соответствующим парадигмам и канонам). Язык как бы нависает над ОМ индивида. По Р.Л. Солсо, неврология языка – «это мириады центров» взаимодействующих одновременно [100]. В плане же психики наиболее важно, что уровень детализации и обобщения восприятия и мысленной обработки информации обусловлен именно языком, «языковым сознанием», которое развивается вместе с мышлением, и «создает» свои единицы в соответствии с появляющимися новыми означаемыми мыслительного процесса, тем самым развивая и все время усложняя структуру нейронных связей в мозгу. См. мнение Н.А. Бернштейна о процессе филогенетического развития центральной нервной системы: это – «не столько разрастание, сколько обрастание сверху новыми нейронными этажами и новыми, более молодыми и совершенными нервными аппаратами» [7, с. 298].

Интересна в связи с этим теория Д. Бома о функции значения, которую оно вносит в наше восприятие мира и в наше поведение в нем, «разворачивая и сворачивая его» [10]. По А.Н. Леонтьеву: «Человек в ходе своей жизни усваивает опыт предшествующих поколений людей. Это происходит в форме овладения им

значениями и в меру этого овладения» [55, с. 298]. Представляется, что это верно в условиях хотя бы относительно стабильной жизни. Но в периоды динамического развития общества бывает так, что меняется парадигма жизни; и это значит, что меняются ее означаемые, когда постепенно новые знания (в том числе и индивидуальные особенности трактовок) сдвигают прежнюю систему представлений, открывая новые видения и горизонты. Прежние значения утрачивают свою значимость; формируются новые ценности, значения и смыслы. Пример – наблюдаемое в настоящее время состояние науки и культуры.

Мыслительная работа всегда направлена на решение какой-либо проблемной ситуации, практической или умозрительной (в последнем случае приводя к усовершенствованию ОМ личности). В процессе постоянной работы мышления, плюс интуиции (преобладающей в сфере эмотивных характеристик) идет сравнение, анализ информационных данных, приводящие к установлению все новых модально-смысловых связей, и первоначальные голограммы обретают более сложные узоры в Информационных блоках.

Между последними тоже устанавливаются свои связи, отношения, и вся эта система модифицируется под влиянием новых «впечатлений» из внешнего и внутреннего мира. При этом происходит не только соотнесение друг с другом представлений на логической или функциональной основе, но устанавливаются и личные эмоциональные оттенки, придающие новому представлению положительную, отрицательную или какую-нибудь более тонкую эмотивную окраску.

Порой в момент восприятия какая-нибудь ситуация или ее элемент может вызвать целую гамму эмоций. Известно, что в памяти лучше сохраняются главным образом те ситуации, которые вызвали подобные переживания; последние как бы воскрешаются в момент воспоминания, но в ослабленном виде, так как образ непосредственного восприятия сам по себе ярче, чем представление о нем. Это связано с тем, что на самом нижнем уровне отражения: ощущения – уже субъективны (субъективная чувствительность). Образ – как сумма разномодальных ощущений – также. При этом субъективность его эмотивной составляющей оказывается связанной с эмотивной окраской ситуации, с которой он преимущественно ассоциируется для субъекта. Отражение объекта (по Веккеру, как перевоплощение собственного «нутра» носителя

психики в свойства других, внешних по отношению к нему физических тел [13]) оказывается как бы в облаке субъективной эмотивности. То же – в отношении представлений, которые хоть и являются некоторым обобщением ряда образов, все же не лишены указанных черт, которые к тому же могут накапливаться и обобщаться, иногда корректируясь, но всегда присутствуют¹³¹.

Понятий это касается в той мере, в какой они опираются на образные представления (то есть если это не полностью абстрактные, логические понятия). Таким образом, не все психические образы – тем более не все в равной мере – несут в себе эмотивные оттенки. Но субъективная эмотивная окраска, если уж она есть в образе, проявляется во всем: в речи, поведении, деятельности индивида – и не только в настоящем, она в значительной степени определяет его будущее отношение к жизни, к миру (поэтому так важны обстановка, условия и само содержание воспитания детей¹³²).

Итак, Образ мира каждого человека – не простая совокупность знаний, не номенклатура образов и ситуативных отражений. Он характеризуется модально-эмотивными чертами компонентов как отражением индивидуальных оттенков чувств и настроений личности. Как система биологически, социально и модально значимых представлений он образует основу, базу для ориентации человека в мире. Находясь в осознаваемом соотношении с личностью, как в ретро-, так и в перспективном аспекте, она оказывается важной для планов и поведения в будущем. Как

¹³¹ Отсюда и внутренняя форма языка, по Гумбольдту, которая представляет собой не что иное, как совокупность субъективностей на уровне общепринятых, близких для членов данной языковой общности ракурсов, аспектов воспринимаемого, отражаемых в момент наименования и проявляющихся как в речевом выражении, так и в динамике языкового развития.

¹³² В связи со сказанным понятен тот или иной эмоциональный настрой, вызываемый конкретным произведением искусства, особенно поэтическим или музыкальным. При этом естественна и обратная связь, т.е. тип эмоционального настроения (а часто и связанное с ним физиологическое состояние) могут вызвать в памяти какую-то прошлую ситуацию, активизирующую связанное с ней поэтическое или музыкальное воспоминание.

отмечалось, ассоциируемые типы информации в результате мыслительной деятельности (не всегда осознаваемой), организуясь в И-блоки, находят свое место в Картинах и Образах мира¹³³. При этом сохраняется потенция информации вступать во взаимоотношения как с другой информацией того же уровня, так и с информацией на новом, более высоком уровне Картины мира, обуславливая тем процессы ее структурирования и переструктурирования, а также и формирования в ее пределах целых Областей знаний. Информация же, характеризующаяся индивидуальными эмотивными штрихами для индивида, может вступать в дополнительные связи с другими И-блоками в его Образе мира¹³⁴.

Говорить, что сама информация в КМ содержит некий потенциал активности *suī generis*, значит признавать ее в качестве основного фактора мыслительно-познавательной деятельности человека¹³⁵. И отсюда можно было бы полагать, что чем больше информации накапливается в сознании человека, тем активней должны быть его мыслительная и практическая деятельность. Но, по-видимому, это не так, ввиду того, что энергетический импульс перевода потенции информационного содержания в деятельность осуществляется в соответствии с интересами и мотивационными установками личности (что, пожалуй, верно и в отношении общества). И главное – само содержательное восприятие и, соответственно, сохранение информации зависит от того, что заложено в воспринимающую систему. По-видимому, можно считать, что *воспринимающая система, превращая сигнал в некую Информацию, делая ее потенциально способной быть манипулируемой мышлением*. При этом плодотворность

¹³³ Именно связь, ассоциация между текущими восприятиями и следами прошлых составляет «предмет» психики на всех ее уровнях. Элементарные связи, объединяясь в более или менее опосредствованные структуры, создают сложные и подвижные единства, функционирующие как единицы психического оперирования.

¹³⁴ Подчеркнем, что все эти процессы в КМ – суммарный результат психической деятельности всех представителей сообщества.

¹³⁵ Ср. внутреннюю кинетическую энергию информации, получаемую в результате активного действия, которую В.П. Зинченко противопоставляет роли внешней информации как единственного стимула мыслительного процесса, по Р.Л. Солсо [39].

мыслительной деятельности конкретного человека при восприятии сигналов зависит от потенциала виртуальных связей соответствующих элементов в его КМ (1), от общей активности его биополя, определяющей, в частности, активность взаимодействия между собой нейронов (2), и, конечно, от формы конкретного выражения информации, которая может войти в резонанс с каким-либо элементом Образа мира (3). Представляется, что все три зависимости в разной мере могут быть взаимосвязаны.

Структуру Образа мира можно представить себе в следующем виде. Первичные представления и «естественные понятия» образуют основу Образа мира, ее внутренний стержень. Все И-блоки включены в малое кольцо Образа мира, к ним «подвешиваются» соответствующие О-знаний, которые таким образом создают большое информационное кольцо образа мира. Кольца образа мира – не равновесные образования, так как сведения людей не бывают равновеликими в разных сферах жизни. По малому кольцу осуществляется первичная (подсознательная?) обработка информации. Но затем в результате мыслительных манипуляций с поступившей извне и какой-то внутренней информацией может образоваться какой-либо новый И-блок, который дополнит, разовьет уже имеющуюся О-знаний и может стимулировать некоторую практическую деятельность.

Так, афферентные импульсы после обработки в ЦНС приводят к эфферентным реакциям. При этом кольца движения информации по цепи ассоциаций и логико-эмотивных осмыслений (содержательная сторона нервных импульсов) многообразны, сложны и, конечно, индивидуальны.

Можно ли говорить о наличии Образа мира у животных? Окружающая среда в мозгу обезьяны представлена главным образом в виде *набора фреймов* как совокупностей ситуативно-признаковых отношений, ассоциированных с определенной активностью, удовлетворяющей ее биопотребности. То есть ситуация, биопотребности и рефлексы неотделимы для нее. По П.Я. Гальперину, «Для животного среда – сфера объектов его внутренней активности», и «сигналы о собственных нуждах организма» преобразуются «в побуждения к действиям» [18, с. 192]. Но давние фреймы в условиях развивающейся активности (особенно на уровне свободного доречевого мышления) постепенно уступали место *когнитивным схемам*, в которых связь между

предметным и деятельностным компонентами постепенно ослаблялась, уступая место специальному принятию решения в конкретном ситуативном контексте.

Если на прежнем, чисто фреймовском, уровне среда как таковая еще не объективировалась, то появление когнитивных схем превращало ее в набор жизненных условий, требовавших обдуманного поведения. Подлинная же объективация ситуаций с противопоставлением ей себя приходит с символизацией, обозначающей элементы ситуации и деятельности. В развивающейся ситуативной активности наших предков под руководством лидера возникает самосознание: индивид противопоставляет себя объекту, ситуации, внешнему миру. На этом пути возникает самоосознание, которое ложится в основу зарождения сознания. И на этом уровне уже можно говорить об Образе мира как формирующемся представлении о мире, дифференцируемом от субъекта к субъекту. В нем есть место и для самого субъекта, однако, не как самоощущение (оно опускается на более низкий уровень психики), а как одного из «объектов мира», то есть с осмыслением себя как части мира и с устремленностью на выявление отношений, связей с ним. Это путь представления мира как очень сложной, цельной сущности и понимания того, что познание, информация – это проявление, разновидность взаимоотношений и взаимодействий в этом большом мире, называемом Вселенной.

Немного задержавшись на физиологическом аспекте этой картины, можно вспомнить И.М. Сеченова, который говорил, что соматические нервные процессы и низшие формы психических явлений, вытекающие из деятельности высших органов чувств, родственны между собой по природе [95]. Близки к этому и мысли Т. Куна о том, что нервные процессы управляемы теми же самыми физико-химическими законами, которые регулируют восприятие, с одной стороны, и биение наших сердец – с другой [48]. По его (Куна) мнению, «восприятие как процесс интерпретации – бессознательный вариант того, что мы делаем после акта восприятия» ([48], с. 251).

Если безусловный рефлекс – непосредственная, хоть и сложная, физиологическая реакция на внешнее или внутреннее воздействие, а условный рефлекс – психически опосредствованная реакция на сигнал, то есть – результат психической ассоциативной

деятельности, то дальнейшее усложнение опосредствования представляется возникающим в ситуативной обусловленности отношений в группе взаимодействующих особей, что приводит к развитию психологии. Здесь – зародыш вероятностного замыкания функциональной системы по типу: «если,... то». Пока ассоциативная связь «застыла» в ожидании, она составляет как бы некоторое «знание» в виде информационной памяти (ср. иное – в физиологических тропах рефлексов, а может быть, и в подсознательной биологической памяти). Во всяком случае, на уровне психики можно говорить о том, что воздействия среды ассоциируются с имеющимися следами в памяти по голографическому типу (как известно, голограмма проявляет себя при воздействии на любой участок образующих ее ассоциаций и восстанавливает более или менее полно картину прошлого в меру ее – голограммы – сохранности).

Можно сказать, что память и области знаний представляют собой голографические информационные поля, сохранность содержания которых зависит от сохранения в них всех связей (принцип голограмм: уменьшение точности образа с сокращением соответствующей голографической картины, например, в результате травмы, повреждения или хирургического удаления части соответствующей области коры мозга).

Содержание памяти и элементы знания, будучи ассоциативно обусловлены, находятся в постоянном обновлении, изменении – по мере умножения жизненного опыта индивида. И если допустить, что физиологические процессы в здоровом организме совершаются по более или менее устойчивым связям, оставляя след в лучшем случае на уровне неосознаваемой биологической памяти (вероятность колебаний здесь минимальна), то психические процессы – возможно, уже на уровне эмотивно-смыслового выбора – и соответствующая эфферентная реакция, по-видимому, характеризуются некоторой вероятностной неопределенностью, так как зависят от замыкания на какую-либо конкретную ассоциацию.

Из физиологии известно, что ориентировочная реакция высших животных базируется на способности строить нервную модель внешнего мира [90]. При этом психический процесс восприятия объекта, оставаясь, по мнению Л.М. Веккера, состоянием своего субстрата, изоморфного объекту [13], тем не менее, в каждом индивидуальном случае – в зависимости от внешних и внутренних

условий восприятия, оказывается следствием модально-эмоциональных опосредствований процесса и способен варьироваться от одного случая восприятия к другому, меняя при этом биосоциальную значимость объекта для воспринимающего¹³⁶.

Т. Кун считает, что «между воздействием на нас стимула и осознанием ощущения всегда имеет место множество процессов, протекающих в нервной системе. То немногое, что мы знаем об этом с уверенностью, состоит в следующем: даже весьма различные стимулы могут вызвать одни и те же ощущения, и один и тот же стимул может вызвать очень разные ощущения; наконец, преобразование стимула в ощущение частично обусловлено воспоминанием» [48, с. 247].

На сегодняшний день в психологии господствует мнение о принципиальной вариативности отражения Действительности – как проявлении специфики человеческого мышления. Но самая большая неопределенность характеризует психологию как социальное проявление психики, строящуюся по принципу сложных ассоциативных связей, создающих *идеальные сущности* (если в первом приближении идеальным считать сами связи и отношения в системе). Это – социальные значимости и смыслы; и так как социальные отношения уже сами – не абсолютная, но относительно-вероятностная величина, то психологические проявления – как вероятность от вероятности – оказываются вероятностями в квадрате. И не только в ответ на внешние воздействия, но и на внутриспсихическую активизацию отдельных ее узлов (С. Роуз отмечает неопределенность в работе мозга и поведении его владельца [88])¹³⁷.

Собственно мышление и есть активизация связей между ними в случае внешнего воздействия или без него. Как заметил еще и В.П. Зинченко, особенность нашего мышления в том, что оно активизируется не только в ответ на воздействие среды; наша мыслительная (да и эмоциональная) активность может быть самопроизвольной. Осуществляясь путем сопоставления

¹³⁶ Опосредствование в отличие от опосредования – внутриспсихическое явление.

¹³⁷ Вернер Гейзенберг считал принцип неопределенности глубинным свойством природы. А М. Борн даже утверждал (в отношении исследований на уровне квантовой физики), что нет реальности, а есть возможность зафиксировать либо волну, либо частицу.

представлений, хранящихся в Памяти и Образе мира - на основе их внутренней и внешней символизации, она оказывается направленной на выявление сущности материальных и духовных явлений жизни и глубинных законов мира. Такая активность осуществляется на основе символизации элементов мысли, обеспечивающей возможность внутреннего оперирования представлениями, логическое сопоставление которых в таком случае направлено на вскрытие сущности этих представлений, хранящихся в памяти и Образе мира.

Если у животных внешнее воздействие (или внутренняя физиологическая активность) через незначительное психическое опосредствование приводит к физиологической реакции организма, как ответ Основной голограммы, то у человека внутреннее возбуждение какого-либо представления в Памяти или ассоциативного узла в Образе мира часто оказывается стимулом сложной, подлинно мыслительной работы. В результате возникают новые сложные ассоциативные структуры идеальных сущностей, которые формируют и переструктурируют картину мира личности, являющуюся для него осмысленным представлением внешнего мира, своего места в нем и в какой-то мере своей сущности – в этом соотношении (у Гегеля познание духом самого себя).

Образ мира – внутренний, глобально организованный информационный уровень субъекта; на внешнем же уровне информация разворачивается в содержательных текстах знакового обозначения, где при описании какого-либо фрагмента Действительности абстракция системных единиц снимается конкретностью описываемой ситуации. Слово как семантическая единица языка значение обретает в предложении; сочетание семантических единиц в предложении создает содержание речевой единицы, которая в контексте ситуации общения превращается в высказывание, имеющее определенный смысл. Сочетание предложений в тексте как сочетание отдельных содержаний разворачивает повествование о некотором явлении материального или духовного мира со смыслом более высокого порядка – в культурно-историческом контексте [60].

В целом о процессе символизации можно говорить как об *отражении отражения*¹³⁸. Вся наука и культура как виды фиксации представлений, понимания и знания людей о мире есть область вторичных отражений. И если уже первичное отражение не зеркально (так как является итогом внутренней психической обработки сигналов), то в отражении отражения происходит специальная переработка информации. Так, театр (любое искусство) концентрирует черты жизни, создавая в нашем мозгу представление какой-либо ее стороны (и тем ярче, чем талантливей автор), подчеркивая в ней гармонию, красоту, безобразие, вызывающие к нашему уму и чувству. И все это – в образах, картинах и сюжетах, которые на деле существуют вокруг нас (но частично могут быть и нафантазированы автором как плод его психического отражения реальности). Однако в суете будней для большинства людей они обычно не так явны. Поэтому талантливое произведение так привлекательно, а порой воспринимается как некое откровение, отвлекает от повседневности, убаюкивая наши чувства и нашу потребность в новизне, помогает осмыслить то, что предлагается автором. Короче – это остается в психике и памяти как значимая картина жизни.

Собственно, отражением отражения можно считать всякое проявление индивида: его действия, общение... Но там оно еще является как бы его частью, а здесь оно уже обособилось и обрело свое собственное независимое существование.

Заметим, что от II (психического) уровня отражения через ступени а), б) и в) к III уровню (информационному) происходит активизация психической деятельности, которая здесь обретает все более осознаваемый мыслительный характер. Подлинно волевой характер мыслительная работа обретает в речевой деятельности, а также в осознаваемых процессах внутреннего мышления и практической деятельности людей.

Для воспринимающего информативность – это знак чего-то, знак в системе его значимостей, в том числе эмотивных. Так что: не готовый принять – не воспримет, не готовый понять – не поймет.

¹³⁸ Ср. замечательную работу Б.А. Душкова и В.А. Чудинова, посвященную классификации уровней отражения [33].

При этом очень важен новый ракурс восприятия, он расширяет горизонты видения мира.

То же – в плане эмоций и искусств, то же – в плане восприятия научно-философских и религиозных идей. Даже при восприятии речи с обыденным житейским содержанием, где жизненный опыт создает психическую основу для усвоения новых предъявляемых идей, смыслов, тоже нужно иметь соответствующее «психическое основание»: развитую, близкую по типу эмотивную сферу, определенный уровень эстетического развития, научного... и – соответствующую готовность к восприятию.

Последняя, видимо, создается именно самим «хорошим» уровнем психического развития в соответствующей области, так как при этом повышается ее активность. Чем выше уровень психического развития, тем больше его активность и потенциальные возможности дальнейшего развития (ср. восприятие музыки, специальных научных текстов и т. д.). То есть готовность к восприятию нового производна по отношению к уровню развития психики в целом, и в частности – в соответствующей области сознания.

Если условно выделить искусство и философию из Культуры в широком смысле, то можно принять, что оба они есть осмысление мира. Но философия – это рациональное осмысление сути мира и законов его существования, а искусство есть эмоциональное отражение интуитивно-подсознательного осмысления мира. Платон не любил искусство, считая его «конкурентом» рационального мышления, а Аристотель ценил его как «аффект знания».

Об изобразительном искусстве говорят, как об эмоционально-рациональной остановке момента; о философии – как о рациональном замедлении его. В этом контексте музыку можно считать эмоционально-динамическим его отражением. Через сложные ассоциации с прошлыми содержательными восприятиями музыка может углублять смысл сюжета какого-либо спектакля, особенно в опере. Но и в песне, романсе талантливая музыка, безусловно, усиливает содержание стиха.

Если внешние или внутренние сигналы соотнесены с некоторым знанием, они превращаются в информацию, которая, будучи осознана, включается в содержание Сознания (в И-блоки и т. д.). Например, информативность прекрасного должна опираться на соответствующие образы в сфере Памяти или Образе мира, которые

формируются в онтогенезе на базе генетических задатков¹³⁹. Информативным может оказаться все, если есть соответствующее восприятие. Но можно говорить и о потреблении информации на разных уровнях организации живого, и возможно, – до живой материи не только на химическом, но и на физическом уровне (В.И. Сафонов считает, что информация как особый аспект реальности существует объективно [91]). При трактовке Вселенной как энергоинформационной системы информативность всего сущего может представляться средством организации энергетически сопряженных ее элементов.

В человеческом обществе без воспринимающего человека информация мертва (ср. доисторические культуры, нерасшифрованные письмена). Но человек не только «потребляет» информацию, он стал активным создателем информации на самом высоком уровне: вся наука и культура – это информационный посыл в пространство и время, и даже само общение людей, как уже отмечалось – тот же посыл, на который очень важен ответ. Человеку одному в этом мире делать нечего; весь интерес, да и смысл жизни в психическом взаимодействии с другими людьми. Даже если человек не общается с другими «напрямую» (сидит один), он все равно информационно и эмоционально социализирован: слушает, читает, смотрит творения, послания... то есть всевозможные «посылы» других людей¹⁴⁰. На фоне интереса людей к новизне как одной из

¹³⁹ Сколько должно пройти человеческих жизней, несущих опыт поколений, чтобы общество по крупицам накопило знания (в частности, в виде науки и культурных традиций), которые сформируют его в качестве такового. В этом процессе информация как абстрактное явление, реализуясь в человеческой жизнедеятельности, и сама, обретая новое содержание, направляет Биоту на новый уровень его развития как основной фактор антиэнтропийной динамики в мире.

¹⁴⁰ В принципе любое явление обретает смысл только в составе чего-то общего.

Жизнь отдельного человека может иметь смысл лишь в случае пользы обществу или в плане причастности к Миру – его познания или какого-то содействия. То есть человек должен жить для кого-то или чего-то. Но первое, по-видимому, связано со вторым, и наоборот. То и другое может иметь конечной целью сохранение Жизни (или самого Разума?). Может быть, это имеет какое-то значение для Вселенной? Вспомним: по Н.Н. Моисееву, человек достиг такого уровня развития, что может воздействовать на процессы Вселенной [70]. Будничные дела и

сторон потребности в информации можно отметить постоянную необходимость в информационно-чувственном общении. Последнее благодаря искусству превращается в *информационно-эстетический* посыл-восприятие, эстетический аспект которого стал насущной потребностью для человеческой души в современном прагматичном мире.

Чувственное начало и рациональное осмысление мира постоянно проявляются на уровне повседневной жизни. Но высшим проявлением чувственного начала оказывается искусство, а высшим уровнем мысленного проникновения в сущность мира – наука; соответственно: высший уровень информационного общения осуществляется в науке, а высший уровень чувственного общения – в искусстве. Это последнее как экстремальный уровень общения ярко проявляется в большинстве искусств – как в плане самовыражения автора (который не может не творить: императивная потребность посылать!), так и в плане приверженности людей к восприятию произведений искусства. И если наукой занимается или интересуется ею сравнительно незначительный процент населения (этот процент соответствует цивилизационному уровню страны, хоть потребляет ее результаты в практической жизни большинство), то к произведениям искусства интуитивно или осознанно тянутся практически все. И это понятно: все проявления подлинного искусства – будь то литературное произведение или сценическое представление, музыка или живопись – как правило, вызывают сопереживание в виде ассоциации чувств и мыслей воспринимающего, или даже катарсиса.

Влияние отдельных видов искусства специфично, но каждое из них – если произведение талантливо – развивает, оживляет чувство Гармонии, Красоты. Информационно-эстетический посыл искусства не менее, а может быть, и более важен людям, чем чисто информационный, так как приобщение к искусству, помимо факта духовного развития и душевного возвышения является очень важным аспектом их социализации.

С другой стороны, многоуровневое и разностороннее осмысление первичной информации путем научного анализа и логического синтеза с использованием специальных методов

практические цели «снимают» вопрос о смысле Жизни. Но ведь это – на уровне «доразумности».

математики и современных информационных технологий дают возможность человеку проникать все глубже в структуру мира, изучать глубинные законы его существования и, как результат, созидать на основе этих знаний свой рукотворный мир, свою ноосферу, удовлетворяющую его потребностям, не противоречащую большому миру Космоса и Вселенной, но гармонически вписывающуюся в них. Эта сложнейшая опосредованность между первичным восприятием/действием и результатом и есть содержание человеческой жизни, и тем более жизни общества и человечества в целом. Размах этой опосредованности и есть то, что выделяет человека во всей Биосфере.

Но наряду со стремлением к информации люди склонны жить и поверьями, что с одной стороны, закрывает неизбежно существующую брешь незнания – при уже врожденном и развиваемом воспитанием стремлении к познанию, а с другой, – как бы объединяет их в положительном или отрицательном отношении к действительности, жизни.

Мышление и чувства (последние как содержательно наполняемые эмоции) – две основные стороны человеческой психики. Мышление оперирует информацией (внешней и внутренней), эмоции и чувства – энергетический двигатель мышления, да и всей психики – являются его основой. Без них нет человеческой активности (даже в науке, технике). Но между ними должен существовать баланс; нельзя нарушать соотношение «золотого сечения»: материи должно быть столько, чтобы могла развиваться духовность; последней должно быть столько, чтобы не нарушать свою материальную базу. Однако порой, особенно на высшем уровне развития психики, эмоциональное и умственное сверхнапряжение «съедает» материю человека, его нервы, на которых эта психика держится¹⁴¹.

Принцип активности мышления людей обычно характеризуется выражением «мысль нельзя остановить». Это что-то вроде родовой «привычки», сложившейся в антропогенезе в виде каких-то физиологических троп, психической склонности, требующей своей

¹⁴¹ Сверхинтенсивная духовная деятельность, конечно, истощает материю; правда, результат такой концентрированной деятельности бывает очень значительным – несравненно большим, чем при нормальной пропорции соотношения между ними.

реализации. Конечно, не сами формы мыслительной деятельности, но, видимо, тенденция к ней каким-то образом закладывается в гены [31]. Причем потенция, а вместе с ней и потребность познания все больше усиливаются с развитием мышления.

Мышление – исходно один из типов пластичности – постепенно становится самодовлеющей сущностью и все время требует нового материала¹⁴². Онтогенетически эта склонность развивается в процессе обучения и вхождения в жизнь, приводя иногда к абсолютизации функции мышления. Развитие мышления приводит к развитию познания, а сам процесс познания стимулирует мыслительный процесс. Развитие социальности приводит к развитию психологии, и они тоже взаимодействуют. Первый и второй виды развития дали в сочетании то, что мы называем Сознанием – то есть знанием (относительным!) природного мира и человеческого общества – в соотношении с собой, что в сочетании с основным инстинктом лежит в основе нашей деятельности и поведения.

С одной стороны, детализация объектов восприятия, а с другой – укрупнение и усложнение самих психических образов (ставшее возможным благодаря их опоре на знаковую символизацию) означают изменение самого типа операторных единиц психики, которое со временем привело к прогрессирующему развитию не только мышления, но и сознания в целом.

Динамика и результаты мыслительной деятельности нарастают стремительно, по экспоненте, особенно со второй половины XX века – как за счет новых средств исследования, так и, главным образом, благодаря использованию технических информационных систем. Как особая форма пластичности мышление, направленное на выявление внутренних сущностных свойств мира и формирующее наши знания о нем, должно стать важнейшим средством адекватного взаимодействия с миром. Но мышление с его результатом – совокупностью человеческих знаний о мире и созиданием своего рукотворного мира – не существует вне других

¹⁴² Ярким примером пластичности у людей является усвоение языка, как в плане акустико-артикуляционной базы речи, так и в плане содержательного его усвоения как главного средства вхождения в мир. У животных наличествует биологическая пластичность, которая проявляется непосредственно в степени выживаемости и распространения популяции, вида.

форм деятельности и вплетено в них по цепочке: мысль – желание – воля – действие. Именно будучи реализованы, использованы в жизнедеятельности, знания поднимают пластичность на новую высоту: с развитием мышления осуществляется наиболее тонкий и глубокий тип взаимодействия со средой. В настоящее время пластичность мысли и динамика сознания в целом стали решающим фактором в развитии Биосферы. Правда, результат этого развития на сегодняшний день предвидеть трудно¹⁴³.

В генетике существует мнение, что в какой-то момент при определенных условиях органические соединения создали длинные молекулярные цепочки, самовоспроизводящиеся за счет приспособительного взаимодействия со средой (тут отмечается роль «черных курильщиков» и гейзеровских условий в глубинах океана). Дальнейшее взаимодействие на обратной связи как «информационно-смысловой» основе реакции первых организмов – было древнейшим проявлением активности живого в среде. Существование в разных условиях среды приводило к появлению новых реакций и впоследствии – соответствующих органов и новых организмов. При этом, естественно, погибали неприспособившиеся или попавшие в зону геокатастроф, унося с собой неудачный опыт; сумевшие выработать адекватные реакции выживали и, умножая свою популяцию, расширяли сферу распространения.

Результатом такой динамики в течение миллионов лет оказалось бесконечное многообразие живых организмов на Земле, представленное в «книге живого» сегодняшнего дня, включая современного человека. Что дальше? Больше ли мы приспособились к среде в процессе антропогенеза? Ср. Е.Д. Яхнина: «Мы вступаем в эпоху кризиса человеческой цивилизации» [129]. См. также немного

¹⁴³ Все живые организмы изменяются в условиях изменяющейся среды; эта их приспособительная способность – основа эволюции. Человек же сам изменяет среду. В развивающейся психике активнее всего мышление. Предметное мышление развивает мир, человеческую среду, что, в свою очередь, стимулирует мышление как приспособительный механизм к дальнейшему развитию Ното. Но, кроме того, есть теоретическое мышление, которое по существу меняет «взгляд на вещи», углубляя понимание их природы. И это еще больше способствует динамичному изменению среды. В итоге с течением времени процесс развития мышления осуществляется все более интенсивно.

странные рассуждения на эту тему в ключе: энтропия – информация в [121]. По мнению Д. Эттенборо, в естественной Природе взаимодействие организмов и приспособление к среде приводят к идеальному сбалансированию и гармонии. Может быть, просто невозможно прервать действующую тенденцию развития мышления? В данном случае мысль оказывается движимой прогрессирующим развитием сознания, когда новые цели включаются в постоянно расширяющийся контекст осмысляемых горизонтов¹⁴⁴. Как бы – не в ущерб основному инстинкту, ведь духовное должно развиваться лишь настолько, чтобы не уничтожить свою материальную основу. Или оно в принципе может оторваться от нее??. Может ли быть, что неукротимость движения человеческой мысли приведет к разрушительному преобразованию нашей цивилизации? Может быть, чем сложнее система, тем у нее больше степеней свободы изменения, *в том числе и не обязательно прогрессивного* (ср. [83])? И поэтому, чем сложнее система, тем она менее устойчива? Н.Н. Моисеев считает, что по мере усложнения организации систем происходит одновременно ускорение процессов развития и понижение уровня их стабильности. «Вероятнее всего, замечает он, этот последний факт также служит ускорению эволюции», так как «стабильность и скорость эволюции в известном смысле противоречат друг другу» [70, с. 10]. Но может быть, этот «полет» мысли в высшие сферы генетически предопределен как подсознательный поиск выхода из возможной тупиковой ситуации на Земле?

Как бы то ни было, в настоящее время очевидно, что динамика психики как постоянно развивающегося процесса на уровне Ното движется вперед, прогрессируя. Но при этом с одной стороны, отмечается неравномерность этого процесса в пространстве; с другой – явно ощущается недостаточное развитие духовности в целом, включающей, помимо мышления, морально-нравственную, эстетическую и другие стороны человеческой психологии. Важно,

¹⁴⁴ Мысль все больше уводит человека от практических жизненных забот к проблемам существования человечества и Земли, происхождения жизни и Вселенной, к познанию сущности материи и сознания. И это находится в русле функционального закона, действующего по крайней мере, на психическом уровне. Его можно сформулировать так: если в некоторых условиях возникает какая-то функция «х», она – при сохранении данных условий – проявляет тенденцию к своему усилению и расширению.

что в этом процессе меняются акценты психической активности. Если прежде она была ведома Основной голограммой (активность во имя сохранения жизни), то теперь она направляется в основном вторичными голограммами, обеспечивающими «более высокие» смыслы жизненной активности. И все же в контексте современной жизни эта устремленность в конечном итоге, через многократную опосредованность оказывается необходимым условием существования людей, так как на определенном уровне развития психики приемлем только такой способ существования. Иначе – психическая деградация, которая может привести к биологическому разрушению. Так что новые акценты психической активности можно считать новым типом пластичности. А любой тип пластичности – это необходимое условие существования организмов как закономерный этап в процессе самоорганизации материи в целом, которая, интенсифицируясь во времени, разворачивает все новые формы антиэнтропийного развития¹⁴⁵.

Но в непосредственной близости к сегодняшней реальности перед нами – ставшие уже сакральными конкретные вопросы исторического развития: «Куда идет Россия?» и «Что делать?»

Затронем первый из них. Чем определяется жизнь народа? Можно ответить кратко: его ментальностью. А ментальность? Еще В. фон Гумбольдт, говоря о «народном духе», отмечал влияние на него природных и исторических условий; «народный дух» (если использовать этот термин Гумбольдта) является производным от этих двух факторов.

Так, представляется, что в последнее время обсуждаемый «дух сталинизма» является лишь одним из исторических факторов, повлиявших на нашу ментальность, и он не мог бы прижиться на неподготовленной почве предшествующих событий и условий

¹⁴⁵ Между тем, надо отметить некоторый (по-видимому, общий) закон динамики цивилизаций. На определенном уровне развития (обеспечившем рост населения?) наблюдается выхолащивание начальных цивилизационных смыслов, искажение прежних созидательных ценностей. Наука, Культура, социальные институты постепенно утрачивают свои исходные благородные цели. В них начинает преобладать утрированная социальная функция. В новых условиях социальность уже работает не на объединение людей, но на их разъединение через конкурентное соперничество. В результате социальность, создавшая человеческое общество, может и погубить его.

существования народа. Довольно суровые природные условия, неблагоприятные для ведения сельскохозяйственных работ, и вследствие этого отсутствие тесной причинной связи между деятельностью и ее результатом приводили к некоторой бездеятельности, порой безалаберности в отношении к труду (и «артельности» – как объединению в трудных условиях?). Кроме того, сильная центральная власть и крепостное право могли способствовать развитию в характере народа, с одной стороны, терпимости и подчинения судьбе, с другой (и это могло быть связано с первым) – усилению его духовной основы в виде веры в Бога, а позже и в коммунизм. Короче, стала довлеть устремленность в виртуальное. Вот так и получилось, что народ в течение всей своей истории подчинялся безмерной высшей власти, уповая на устранение жизненных тягот и трудностей с ее стороны.

Так что пресловутый «сталинизм» – лишь поздняя разновидность этой терпимости в сочетании с послушанием, не раз, впрочем, прерывавшимся бунтами.

Со вторым вопросом («Что делать?») еще труднее. Это проблема сегодняшнего дня: с одной стороны – историческая ментальность, с другой – надо (?) входить в современный «цивилизационный» мир Запада...

Кратко суммируем основные моменты динамики психики от рефлексов к подлинному мышлению. *Безусловный и условный рефлекс*ы – это автоматические реакции организма. *Безусловный рефлекс* это – рефлекторная реакция, возникающая под воздействием внешней среды и закрепляющаяся как условие выживания представителей вида; передается по наследству, оказываясь генетически заданной для последующих поколений. *Условный рефлекс* – индивидуальная приспособительная реакция; действует также автоматически, но не передается по наследству и может исчезнуть или очень ослабиться при изменении вызвавших ее условий.

Оба эти рефлекса действуют на физиологическом уровне при физико-химическом воздействии среды. Активность здесь проявляется, главным образом, в виде избегания неблагоприятных факторов для жизни или реализации конкретного инстинкта в определенных условиях. Реакции эти физиологически сложны, но поведенчески довольно просты.

Фрейм – сложная поведенческая модель. Активность направлена на реализацию инстинктивной потребности в условиях сложных формо-пространственных ситуативных отношений. В отличие от рефлексов активность характеризуется сложной поступательной динамикой, обусловленной степенью приближения изменяемой ситуации к фрейму. Как возникают фреймы? В условиях изменяющейся среды с повторяющимися нестандартными ситуациями путем проб/ошибок находится адекватное поведение, которое фиксируется в памяти в единстве с типом ситуативных отношений. Появляются *элементы научения* как шаги нового типа поведения в приспособительной активности животного. Фреймовские модели поведения оказываются более или менее устойчивыми в зависимости от частоты соответствующих ситуаций в жизни особи.

Реализуются они как в «пассивных» природных условиях, так и в ситуациях с активными участниками контакта. В последнем случае выбор модели поведения обусловлен прогнозируемым встречным поведением «оппонента», варианты которого зафиксированы в более широкой фреймовской модели в ассоциации с моделями собственного поведения.

Фреймовское поведение, по сравнению с рефлексам, является более высоким уровнем взаимодействия организма со средой. Но выбор фрейма – всего лишь *уровень предмышления*. На базе свойств и способностей, унаследованных от прошлого, животного состояния именно и только коммуникативная сигнализация в ситуативной деятельности прегоминид оказалась тем «запалом», который зажег огонь подлинной мыслительной деятельности. Знаковая сигнализация лидера создавала психическую пару «представление предмета – представление знака». Эта пара выводила первичное представление из жесткой связи с запрограммированной реакцией, давая начало функционированию ситуативно независимого представления, направляемого теперь на указываемую или желаемую *цель*. Со временем ассоциация свободного представления со знаком стала основным элементом психической деятельности, на базе которой формировались коды внутреннего мышления. Здесь представление, абстрагированное от конкретной ситуации, оказывается «пусковым» центром мыслительного процесса, сущность которого – выявление его связей и отношений с другими, значимыми для конкретного момента представлениями. И это уже –

подлинное мышление. Итак, подлинное мышление начинается с символизации представлений, которая выделяет элементы среды как объекты действия, а позже и сами элементы деятельности. Легкость мысленного соотнесения представлений, помогающая избежать практических проб/ошибок, обеспечивает адекватное решение проблемной ситуации в кратчайшие сроки. Так на смену «ситуативной неповоротливости» приходит мысленное решение практической задачи.

Единство сигнала с умственным представлением делает объект предметом мышления и общения. Сопоставление символически выделенных представлений как бы показывает объекты с разных сторон, выделяя их связи и отношения с другими объектами. В мышлении эти связи и отношения формируют узлы первых понятий – основу будущего сознания.

Пара «свободное представление - знак» проходит развитие через номинанту к слову. Слово (а раньше уже и номинанта), не являясь глобальным обозначением ситуации, как знак одного из ее элементов предполагает его соотнесение с обозначением другого элемента ситуации. То есть, слово – как результат I членения речи (по А.Мартине) превращает КЕ в инструмент аналитического мышления¹⁴⁶.

Мысленный анализ и синтез (сопоставление представлений и понятий) углубляют видение мира, его связи и отношения, его системность. Открываются новые ракурсы его представления, и людей с тех пор одолевает жажда активного познания. Легкость мысли опережает и влечет за собой практическую деятельность. Развивается необъятная сфера не только практического, но и теоретического мышления и всей духовной деятельности.

Если раньше (ближе к животным) активность удовлетворяла естественные физиологические потребности организма (сохранение гомеостаза), то появление подлинного мышления и развитие его в коллективно-ситуативной деятельности способствует интенсификации процессов взаимодействия мыслей, активизации поиска информации, и в результате удачное решение ситуативных

¹⁴⁶ При этом КЕ как целое, образуемое сочетанием небольшого количества составляющих, обладала огромной информационной емкостью по сравнению с древним нерасчлененным сигналом. (Позже эта экономичность выражения проявится и на чисто звуковом уровне – ii членение речи по А.Мартине).

проблем приводит к появлению знаний, которые накапливаются в процессе совместной деятельности и социального общения.

Развитие мыслительной деятельности, с одной стороны, обгоняет насущные материальные потребности, обуславливая их «перепроизводство». С другой – оно порождает все новые виды духовной деятельности - в ответ на интенсивно развивающиеся потребности в этой сфере: искусство, религия, наука стали неизменными атрибутами современной жизни. При этом мыслительная активность все больше способствует дальнейшей потенции их развития, оказываясь авангардом прогрессивной динамики всей психики и самой жизни.

Итак, если генетически (фило-и онто-) первична материя, то сознание, появившись на определенном уровне ее развития, становится первичным функционально, так как именно оно движет всю динамику жизни – основу ее существования – и не только отдельной личности или общества, но и жизни как таковой, как формы существования материи в мире.

Заключение

Работа, посвященная происхождению языка и человеческого мышления, с необходимостью оказалась теснейшим образом связанной с проблемой генезиса человеческой психики, поэтому была предпринята попытка выявить движущий фактор филогенетического развития психики и проанализировать возможные механизмы ее развития в антропогенезе.

Узловым моментом, придавшим психике динамику развития, можно считать ситуативную деятельность прегоминид под руководством лидера. До этого индивидуальное, вне коммуникации «ручное мышление» формировало фрейм-модели ситуативной активности, соответствовавшие формо-пространственным отношениям как ведущему признаку ситуации. Сигналы же лидера, выделяя отдельные элементы ситуативной активности, разбивали глобальность фреймов; психическая ассоциация двух представлений: сигнального знака лидера с представлением элемента ситуативной деятельности, выделяя цель активности, как бы выводила ее за пределы жесткой фрейм-модели. Это было началом так называемого свободного доречевого мышления, давшего толчок развитию сферы представлений.

Уровень представлений укреплялся и развивался с появлением сигнальной «номинанты», которая как знак элемента ситуативной деятельности освобождала образ предмета от ситуативной связанности, из признака ситуации превращая его в самостоятельное представление. С другой стороны, уровень представлений получал развитие и в заситуативном общении, при котором необходимость уточнения в описании наглядно не представленной ситуации приводила к появлению модально-предикативных знаков – на первых порах, вероятно, интонационных, позже специально артикулируемых. Сочетание номинанты с модальным знаком создавало первые коммуникативные единицы (KE_1), в которых сигнальная функция номинанты преобразовывалась в речевую.

Уже с развитием свободного доречевого мышления представление как мысленный конструкт обретает особенно важную роль: появилась возможность сопоставления возможных результатов действия, что способствовало прогрессу, ситуативной деятельности. Позже на базе свободного доречевого мышления развилось «внутреннее мышление» как оперирование образами и представлениями на основе внутренних кодов: КОС (код образов и схем), ПЛК (предметно-логический код) и позже – «языковых знаков» (редуцированных символов языковых единиц, функционально не тождественных им). В дальнейшем внутреннее мышление становится основой всех последующих видов человеческого мышления. Именно на уровне внутреннего мышления с его кодами мысленное сопоставление представлений становится базой воображения и построения виртуальных ситуативных конструктов – основы творчества во всех видах деятельности (раньше: Олдувайская галька – результат чисто подражательной активности. Нет творчества, нет прогресса; в лучшем случае – это формо-пространственные находки на уровне фреймов). Творчество начинается с мысленных представлений и мысленного же – *на основе символов* – оперирования представлениями вплоть до воображения результата, возможного или желаемого.

Назовем такое мышление *символическим* [143]. Символы помогали расчленить образы восприятия, сохранить их в представлении и манипулировать ими в уме, придавая большую динамику психическому процессу (ср. до того – «неповоротливость

ситуативного мышления»). С другой стороны, замена предметно-ситуативных образов на символические единицы давала возможность усложнять психические образы путем их ассоциативного соотнесения в неконкретной ситуации, строить на их основе воображаемые ситуативные картины, углубляясь в их анализ и сравнение. Таким образом, символизация элементов ситуативного процесса, дав начало абстрагированию представлений от конкретной ситуации, открывала путь к превращению мысленных процессов в абстрактно-символическую деятельность и стала залогом развития духовности, полностью отсутствующей у животных. Символизация психических образов и представлений стала инструментом развития психики: с одной стороны, это – «языки мозга» [87] во внутреннем мышлении, с другой – язык как средство передачи содержательных сообщений вовне, прямому или косвенному собеседнику. В целом, дальнейший прогресс психики осуществлялся главным образом на базе развивавшегося символического мышления.

Со временем этот тип мышления стал определять всякую деятельность людей: практическую, теоретическую и эстетическую. Как инструмент мышления в ситуативной деятельности символизация способствовала ее развитию и превращению в подлинный труд, и таким образом наряду с трудом оказалась важнейшим фактором развития рода Homo [46]. Но, как основное средство формирования абстракций символическое мышление вместе с тем оказалось инструментом развития представлений и воображения. Поэтому-то внутреннее мышление оказалось не только сферой, но и основной базой всей творческой деятельности людей. Так, в искусстве оно оказалось инструментом эстетизации психики, а в религии использовалось (и по сей день используется) как средство воплощения внушаемых представлений и даже описания целых воображаемых миров. Кроме того, в результате символизации стала возможной ассоциация самых разных психических образов, что увеличивало потенцию их содержательной емкости, способствуя этим усложнению внутренней структуры психики, вершиной которой является современное сознание.

Итак, язык, мышление и практическая деятельность оказались теснейшим образом взаимосвязаны как в функциональном плане, так и в генетическом. С самого начала символизация стала

средством мысленного выделения элементов окружающего мира и, как следствие, восприятие и вся человеческая деятельность стали опираться на уровень и тип членения Действительности, отраженные в языке. Сам процесс мысленного членения Действительности с обобщением психических образов продолжается и углубляется во внутренней психической активности постоянно (в частности, во внутреннем мышлении каждого индивида), находя или создавая новые языковые средства для своего выражения.

Психика в целом и мышление как ее составляющая развиваются вместе с развитием жизнедеятельности в силу их взаимодействия. Но, анализ этого процесса показал, кроме того, что повышение уровня психики само приводит к возрастанию темпа ее развития.

Это происходит за счет увеличения внутренней динамики самих психических процессов, что, возможно, связано с тем, что эти процессы все больше осуществляются на высоких уровнях психических образов, не связанных напрямую с первичными представлениями восприятия как совокупностями разномодальных физиологических сущностей, как это было в психике ранних этапов, где превалировали ассоциации между естественными образами и первичными представлениями. Новые единицы оперирования оказываются как бы «легче» и подвижнее. Да и сами сигналы восприятия со временем большей частью оказываются материей иного рода: это главным образом знаковые сигналы.

Развитию психических процессов способствовало и то, что постепенно, помимо прочего, мышлением как центральным компонентом активной психики стало осуществляться взаимодействие межуровневых вертикальных связей, обеспечиваемое спецификой П СС.

На уровне П СС языковые знаки часто обозначают не только понятия и представления, но и ассоциативные узлы между ними как моменты более высоких уровней отражения. Кроме того, здесь психика оперирует уже и такими сложными их производными, как суждения и умозаключения, и направлена на выявление отношений между ними и их компонентами. Возможно, в особом знаковом выражении это происходит и во внутреннем мышлении. То есть психическая работа идет не как простая ассоциация представлений; она направлена на выявление отношений между сложными предметами мысли.

Благодаря II СС единицами психического оперирования оказываются содержательные сущности более высоких, сложно ассоциированных между собой элементов Картины мира (например, знаки математики, физики и других наук высоко поднимаются над первичными естественными представлениями, формируя свои понятийные единицы). В мыслительном процессе часто уже функционируют целые комплексы из соответствующих областей знаний. То есть меняется сам содержательный аспект психического оперирования, который прогрессирует, развиваясь и усложняясь по существу в условиях развития жизнедеятельности при социопсихологическом взаимодействии личностей. С другой стороны, все это не исключает функционирования эмотивного аспекта во взаимодействии образов, определяющего не в последнюю очередь их психологическую значимость, которая оказывается предметом осмысления в сети других значимостей.

Отмеченные моменты, усложняя психические процессы, вместе с тем повышают их динамику, ускоряя во времени развитие главным образом мышления (в меру преобладания этих черт психического функционирования у индивидов и в обществе).

Таким образом, как представляется, можно сформулировать гипотезу *прогрессирующего развития психических процессов, обусловленного, в частности, спецификой новых единиц оперирования*, которая привела к невиданному прорыву мыслительной деятельности в наше время. Объективным фактором, влиявшим на темп развития психики, и особенно мышления, естественно, явилась интенсификация жизнедеятельности людей, сопровождаемая все более развивающейся символизацией как внутренних, так и внешних психических актов. Все это увеличивало темп развития психики, повышавшийся от уровня материальных представлений (I СС) к уровню II СС.

II СС как наиболее тонкий, подвижный инструмент психической деятельности оказалась более результативной и в плане мысленного углубления в сущность воспринимаемых и анализируемых явлений, а возможность – благодаря символизации – содержательного усложнения единиц психического оперирования привела к созданию образно-мыслительных конструкторов, развивающих *творческий потенциал* Номо, превращая его в *Homo sapiens sapiens*.

Физиологический механизм психической деятельности является наиболее подвижным компонентом активности организма. В

основном это голографические связи в виде электрических импульсов, вероятно замыкающиеся между сравнительно устойчивыми «субстантными» структурами мозга – опорными элементами мышления. Функционально же психику можно считать *отражательно-регуляторным механизмом*.

Если генетическая регуляция как явление филогенеза задается наследственно и в синхронном плане не зависит от конкретной активности организма (хоть и способна изменяться через фенотип), то психическая регуляторная способность – это прижизненно приобретаемые свойства, вырабатываемые на основе генетических задатков в результате активного взаимодействия организма со средой. В принципе оба формируются во взаимодействии со средой, но различен масштаб времени их формирования, условия, влияющие на них, а также устойчивость и возможность передачи обретаемых свойств по наследству.

В то время как генетическая регуляция осуществляется на морфо-физиологическом уровне прямо или опосредованно через Основную голограмму (голограмму существования), сферой психической регуляции оказывается поведение особи, индивида – через вторичные эмотивно-смысловые голограммы, формирующиеся прижизненно.

Если первая характеризует целые популяции, а через них роды и виды, то вторая в основном индивидуальна – однако с возможностью формирования групповой общности в особых условиях существования, например, социальных. Здесь при значительном постоянстве обуславливающего фактора, через формирование специального психического органа, она может перейти в разряд психогенетических задатков – с перспективой передачи ее как таковой по наследству. В контексте наших представлений поэтапное развитие психики и ее основного активного компонента – мышления – в антропогенезе выглядит так:

I. «Свободное доречевое мышление»: возможность оперирования ситуативными компонентами – вне их фреймовских связей.

II. «Внутреннее мышление»: постоянная динамика свободных представлений, приводящая к формированию кода предметных образов и пространственных схем (КОС) и кода логических связей (ПЛК). С появлением «номинант» и их звукового воплощения коды внутреннего оперирования обогащаются звуко-знаками,

дополняющими их, главным образом, в плане фиксации формирующихся первых абстрактных представлений. На уровне внутреннего мышления осмысление ситуативной деятельности и своих действий можно считать зарождением человеческого *Сознания* в его двойственной природе: структурной и динамической [122].

Так, в результате расширения предметной деятельности мышлением, помимо матриц логических отношений, типа: Действие – Объект, Субъект – Объект, Субъект1 – Субъект2 и др. – создается первичная Картина мира с последующим осмыслением более широкого соотношения Субъекта с Действительностью, и в формирующемся сознании на основе представлений развивается сфера Воображаемого.

Впоследствии развитие языка из первых коммуникативных единиц прибавляет внутреннему мышлению так называемое «языковые знаки» – аналоги элементов II СС, которые обогащают мышление возможностью использования межуровневых вертикальных связей при оперировании психическими сущностями.

III. На следующем этапе развития огромное значение приобретает вербальное мышление; именно язык стал важнейшим фактором подлинного прогресса сознания: как основа вербального мышления он оказался инструментом точного обозначения элементов и отношений отражаемой Действительности, а также формирования понятий как средства их абстракции и обобщения и как таковой – важнейшей основой развития творческой мысли (в том числе, на основе вторичных знаковых систем).

Осмысление деятельностных ситуаций и социальных отношений развивало логическое мышление, прогресс которого привел к возможности оперирования целыми мыслительными блоками в процессе познавательного и деятельностного отражения мира. Каждый новый уровень развивавшегося мышления естественно функционировал на базе предыдущих с применением «старых» функций к единицам нового типа и прибавлением новых, которые становились возможными в новых условиях.

Итак, усиление психической активности, начавшееся со свободного доречевого мышления, обрело новый темп и новое качество с развитием именно II СС, ставшей фундаментом все более развивавшегося сознания.

В связи со сказанным антропогенез представляется процессом не только развития материальной жизни, но главное – зарождением и развитием духовной сферы в Биоте. Разделение труда и сложная социальная организация сообществ, обнаруживаемые иногда в жизни животных (например, муравьев), свидетельствуют о том, что и в материальном обеспечении, и в организации совместного существования человечество идет по пути своих братьев меньших. Но у животных нет духовности; вся их деятельность задана фреймами, в отличие от людей, где она регулируется подвижной развивающейся психикой.

Содержательным источником развивающейся психической деятельности стала информация как мысленное представление каких-то явлений жизни или среды – вначале только практически значимых для жизни индивида или сообщества. В настоящее время человек нуждается в информационной «пище» не меньше, чем в органической. При этом, как отмечалось, очень большая роль принадлежит фактору новизны¹⁴⁷. Развитие науки, техники, технологий (включая сферы общественной жизни) расширяет содержание психической деятельности, само в значительной мере являясь продуктом этой деятельности. А повышение активности с расширением содержания деятельности с неизбежностью приводит к развитию самого аппарата психической деятельности путем усложнения единиц психического оперирования с использованием в качестве таковых и единиц абстрактного мышления.

Стремление к новизне во всем (в том числе в практической деятельности) – это проявление тенденции к обновлению жизни как

¹⁴⁷ Потребность в новизне является показателем активности психики. Это потребность новой информации, жажда познания, неизбежное стремление людей к творчеству и следование моде во всевозможных сферах жизни, материальных и духовных; потребность к путешествиям, к новым развлечениям, видам спорта и т.д. Для активной, развивающейся психики монотонность впечатлений и рутинность деятельности является тормозом в ее динамике, которая и есть нормальное проявление ее существования. При этом потребность в новизне возрастает с развитием психики в основном в той сфере, в какой она больше развита; здесь больше способность к восприятию соответствующей информации и возможность человека проявить себя (а активность психики в целом направлена на адекватную самореализацию организма, отвечающую основному инстинкту).

ведущего фактора в развитии рода Номо. Итак, на сегодняшний день Разум, расширяя сферу своих исканий, стал стремиться к познанию неизвестного как возможного источника значимой информации и *потребление информации все больше становится неотъемлемой потребностью психики*, превращаясь в духовное обеспечение жизни. Но не только в практическом или социокультурном плане.

На низших уровнях развития Биоты ее взаимодействие со средой было слабым и обеспечивало лишь физическое существование ее представителей, но развитие рода Номо кардинально меняет этот тип связи; оно настолько усиливает давление человека на Природу, что может привести к значительному изменению всего лика Земли. Наблюдение этого процесса при осознании невозможности изменить направление нашей цивилизации приводит к поиску экстремальных путей разрешения проблемы и развития областей знания, позволяющих окинуть мысленным взором дальние горизонты человеческого бытия (космические исследования, генетические и антропогенетические – как изучение рода Номо в контексте современных научных данных и т.п.).

На современном уровне истории духовная психическая деятельность стала ведущей, оставляя позади себя практическую сторону, имеющую, впрочем, немалое значение для сохранения сегодняшнего существования человечества как наивысшей из известных форм развития Биоты. Ни биологическая эволюция, ни даже развитие генофонда самого по себе (часто редуccionистски определяемого как результат мутаций) – не исчерпывают антропогенеза, особенно на последних его этапах. Именно духовность определяет суть Номо *sapiens sapiens*, направленность его эволюции и ее перспективы.

Представляется значимым, что одним из важнейших путей формирования Номо *sapiens* было развитие творчества как высший уровень духовной деятельности. Причем как в художественном, так и в рациональном творчестве, первично обращенном к практической сфере, позже начинают преобладать абстракции и воображаемое. И это свидетельствует об усилении со временем в психике Номо духовной составляющей.

Духовная культура, а не материальные достижения, является оплотом нашего существования, и все разговоры о душе есть

радение о частице человеческой духовности, хранящей нас. Духовность зародилась, существует и развивается как основной «продукт» психики, основной результат антропогенеза. И чем дальше род Ното в своем развитии отходит от своих животных предков, тем больше в его психике превалирует духовность. С ростом и преобладанием духовности в человеческой жизни, по-видимому, функции основного инстинкта расширяются и включают не только сохранение собственной жизни и продолжение рода, но и *сохранение и развитие духовности как важнейшей составляющей Жизни на новом этапе ее развития*¹⁴⁸.

Если основой психики животных являются пять органов чувств, ориентирующих их в среде, то основой человеческой психики является язык, формирующий сознание как средство взаимодействия со средой. Функционируя на уровне мышления, он способен информировать не только об окружающей обстановке, но и о прошлых и о возможных будущих событиях, а также о воображаемых явлениях, рождающихся в умах людей, то есть в целом – о широчайшем спектре ориентиров, способных регулировать повеление людей и познавать окружающий мир, проникая в суть его явлений для более тесного и адекватного контакта с ним. И как носитель и одновременно инструмент для создания и передачи этой важнейшей информации – язык оказывается посредником, основным средством контакта между человеком и миром, между человеком и человеком, а часто и между человеческим мышлением и его чувствами. И эта роль языка постоянно возрастает в наше время, в эпоху информационного общества. Духовность как отличительная черта человечества пронизывает всю жизнедеятельность людей. Вся современная цивилизация и культура созданы на основе языка и вербального мышления как знаковой опоры мыслительных представлений и

¹⁴⁸ Жизнь – одна из форм существования материи, и как таковой ей присуща динамика, которая на уровне антропогенеза проявляется в появлении духовности, а в ней – Духа, Разума, способного к познанию всего сущего (и самого себя в том числе – Гегель) и к воздействию на него в космическом масштабе (Н.Н. Моисеев).

Это есть развитие жизни, но это есть и ее движение в составе Большой системы, то есть в составе материально-энергетической системы Вселенной.

воображаемых конструктов в процессе функционирования сознания.

Динамика психики от антропоидов к роду Номо – это фактически путь развития сознания. Проведенное исследование дает некоторое представление о нем.

От свободного доречевого мышления – к внутреннему мышлению с его кодами (КОС и ПЛК) и в опоре на внешнюю символизацию (давшую язык) – к вербальному мышлению. Это – *механизм, инструменты развития психики.*

Содержательная сторона процесса. На базе символизации (особенно на уровне языка) развивается представление, поднимающее восприятие и мыслительные процессы от конкретно-предметного уровня до абстракций и обобщений.

В ситуативной деятельности и бытовых контактах у древнего человека складывается картина окружающего мира с осмыслением себя как активного деятеля в нем. И это есть основа, ядро развивающегося сознания. Представление дает начало воображению, дополняющему картину мира в сфере неизвестного, непонятного, но интуитивно ощущаемого. Представление в практической деятельности и воображение в сфере неизвестного формируют область духовного, которая со временем обретает все большее значение для человека.

Духовность понемногу проникает в сферу эмоций, рафинируя их и поднимая до уровня чувств. В художественной сфере она обогащает самовыражение автора, придавая его творчеству абстрактность и глубину обобщения.

В развивающемся языке отражается социально значимая Картина мира, которая усваивается носителями языка в процессе жизнедеятельности. Но параллельно в сознании каждого индивидуума эта картина через личное восприятие и опыт преломляется в виде индивидуального Образа мира, обуславливающего систему личностных мотиваций, которой человек руководствуется в жизни.

Исторический прогресс науки, культуры и разнообразие всей жизнедеятельности людей приводят к развитию сознания, которое, варьируясь в пространстве и времени, вместе с тем сохраняет определенную общность человеческой сущности как высшего духовного явления на Земле. Это и есть «внутренняя форма»

сознания, отражаемая в парадигме языков и в какой-то степени предопределяющая возможные перспективы развития человечества.

Вся динамика психики, формирующая сознание, некоторым образом отражается в геноме отдельных людей (естественно, через генофонд), создавая базу для дальнейшего развития психики и обуславливая ее готовность к функционированию во все более усложняющихся жизненных условиях.

Можно говорить о двух качественных скачках в развитии материи на Земле: 1) зарождение (развитие на базе панспермии?) жизни и 2) зарождение языка и развитие мышления.

* * * * *

Проблематика, затронутая в работе, тесно связана с психолингвистикой, так как сама динамика функционирования и прогресса психики в антропогенезе развивалась на знаковой, фактически – языковой основе, и они до сих пор находятся в этом тандеме. Представляется, что кроме таких традиционных разделов психологии, как зоопсихология, психогенетика, сравнительная и общая психология (при всей многогранной сложности и важности аспектов последней), можно говорить и об *антропогенетической психологии*, которая займет место рядом с ними, так как предмет ее – развитие психики от животного состояния к роду Homo¹⁴⁹. Именно в рамках этого раздела психологии ставится цель раскрыть сам процесс развития психики как регуляторного механизма коллективной деятельности – основы социогенеза.

Антропогенетическая психология в значительной степени оказывается теоретическим разделом психологии, но, как и другие теоретические науки, опирается на экспериментальные и другие конкретно-исследовательские данные (ср. теоретическую историю, теоретическую физику и др.).

¹⁴⁹Еще Б.Ф. Ломов (в 1987 г.), признавая заслуги различных наук в изучении антропогенеза, подчеркивал необходимость привлечения к этой области психологии ввиду важности ответа на вопросы об уровне и типе психических процессов у древних предков человека.

Приложение

ПЕРЕЧЕНЬ АВТОРСКИХ ПОНЯТИЙ

- Основная голограмма (голограмма существования) – стр. 17.
Ситуативно-поведенческий фрейм – стр. 17
Эмотивно-смысловое поведение (эмотивно-смысловой выбор) – стр. 22.
Психология как социально-ориентированная психика – 39.
Вторичные голограммы – стр. 22.
Свободное доречевое мышление – стр. 26.
Понятие «действия» в противопоставлении «поведению» - стр. 30.
Номинативная функция – стр. 35.
Номинанта (в дальнейшем: сигнальная, речевая, языковая) – стр. 42.
Внутреннее мышление – стр. 35.

Литература

1. Акимов А.Е. Облик физики и технологий в начале XXI века. М., 1999.
2. Александров Ю.И. Макроструктура деятельности и иерархия функциональных систем // Психологический журнал. 1995. № 1.
3. Александров Ю.И., Сергиенко Е.А. Психическое и физиологическое: континуальность и/или дискретность? Психологический журнал. 2003. № 6.
4. Банникова С.В. Роль перцептивных феноменов в языковом сознании // Языковое сознание. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 2003.
5. Бассин Ф.В. У пределов распознанного: К проблеме предречевой формы мышления // Бессознательное. Т. 3. Тбилиси, 1978.
6. Бельская Е.Ю. Информационная составляющая в генезисе карты мира // Полигнозис. 2001. № 1.
7. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990.
8. Бернштейн Н.А. Новые линии развития в физиологии и их соотношение с кибернетикой. М., 1962.
9. Болотов Б. Шаги к долголетию. СПб., 2002.
10. Бом Д. Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Дэвидом Бомом [online] <<http://spintongues.msk.ru/bohm/bohm.htm>>.
11. Брангье К. Беседы с Ж. Пиаже // Психологический журнал. 2000. № 3.
12. Братко А.А. Кочергин А.Н. Информация и психика. М., 1977.
13. Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. ЛГУ, 1974.
14. Веккер Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов. М., 1998.
15. Вишняцкий Л.Б. Происхождение языка: современное состояние проблемы (взгляд археолога) // Вопросы языкознания. 2002. № 2.
16. Воронцов Н.Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 1999.
17. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.
18. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М., 2002.
19. Гальперин П.Я. К вопросу внутренней речи // АПН РСФСР. 1957. № 4.
20. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

21. Гаряев П.П. Клонирование, СПИД, рак, диабет и волновая генетика // Сознание и физическая реальность. М., 2003. Т. 8. № 2.
22. Генис А. Сладкая жизнь. М., 2004.
23. Герман И.А. Лингвосинергетика. Барнаул, 2000.
24. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев, 1984.
25. Горелов И.Н. Об эволюционном аспекте семиотики от антропоида к «гомо» говорящему // Мировоззренческие и методологические вопросы современного научного познания. Саратов, 1985.
26. Грот Н.Я. Психология чувствований. СПб., 1880.
27. Гурьев Д.В. Загадка происхождения сознания. М., 1997.
28. Данилова Н.Н. Психофизиология. М., 1998.
29. Дерягина М.А. Эволюционная антропология. М., 1999.
30. Дикерсон Р.К. Химическая эволюция и происхождение жизни // Эволюция. М., 1981.
31. Дубинин Н.П., Кукаркин А.З. Современная генетика поведения в поисках теоретических основ // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 6.
32. Дубровский Д.И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психологический журнал. 1990. Т. 14. № 6.
33. Душков Б.А., Чудинов В.А., Психика и классификация уровней отражения действительности // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 5.
34. Ерахтин А.В. Актуалистический метод и его роль в реконструкции филогенеза мышления, сознания и языка // Диалектика познания и активность сознания. Иваново: Ивановский госуниверситет, 1985.
35. Ерахтин А.В. Диалектика становления мышления и сознания. Свердловск, 1989.
36. Ермаков В.М. Генезис предметного сознания: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1998.
37. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6.
38. Залевская А.А. Теоретические проблемы языкового сознания // Языковое сознание. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 2003.
39. Зинченко В.П., Назаров А.И. Вступительная статья // Солсо В.Л. Когнитивная психология. М., 1996.

40. Иваницкий А.М. Главная загадка природы: как на основании работы мозга возникают субъективные переживания // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3.
41. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 2000.
42. Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. М., 1983.
43. Кликс Ф. Об эволюции когнитивных процессов и возможностей // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 6.
44. Конорски Ю. Интегративная деятельность мозга. М., 1970.
45. Костин А.Н. О дискретной и континуальной составляющей мышления // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 5.
46. Кочеткова В.И. Палеоневрология. М., 1973.
47. Красных В.В. Фрейм-структуры как единицы языкового сознания // Языковое сознание. Содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
48. Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.
49. Ладыгина-Котс Н.Н. Конструктивная и орудийная деятельность высших обезьян (шимпанзе). М., 1959.
50. Левонтин Р.К. Адаптация // Эволюция. М., 1981.
51. Левушкин С.И. Поведение как черта животной организации // Рощевский Ю.К. Особенности группового поведения животных. Куйбышев, 1978.
52. Леонтьев А.А. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.
53. Леонтьев А.А. Проблема глоттогенеза // Энгельс и языкознание. М., 1973.
54. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
55. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
56. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М., 1981.
57. Лукьянов И.Ф. От элементарных форм отражения в неорганической природе до человеческого сознания. М., 1985.
58. Лурия А.Р. Об изменчивости психических функций в процессе развития ребенка // Вопросы психологии. 1962, № 3.
59. Мазлумян В.С. Восприятие речи: фонетика или фонология? // Вопросы филологии. 2000. № 1(4).

60. Мазлумян В.С. Теория речевой коммуникации и коммуникативная лингвистика // Культура, общение, текст. М., 1988.
61. Мазлумян В.С. Языковое сознание // Языковое сознание. Содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
62. Мазлумян В.С. Семантические уровни высказывания и лексические сочетания // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза: Вып. 238. М., 1984.
63. Майр Э. Эволюция // Эволюция. М., 1981.
64. Манучарова Е.Н. Личный выбор. М., 1981.
65. Мамардашвили М.К. О форме и содержании мышления: Автореф. дис... д-ра филос. наук. Тбилиси, 1970.
66. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения. Т. 3. М., 1955.
67. Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы. Сочинения. Т. 20. 1955.
68. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Сочинения. Т. 23. М., 1955.
69. Матюшин Г.Н. У истоков человечества. М., 1982.
70. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм: Позиция и следствия // Вопросы филологии. 1991 № 3.
71. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2001.
72. Назаров А.И., Травина О.В. Асимметрия динамики межполушарных взаимодействий // Вопросы психологии. 2006. № 2.
73. Налимов В.В. Неопределенность против дискретности в языке и мышлении // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.
74. Новоселова С.Л. Развитие интеллектуальной основы деятельности приматов. М., 2001.
75. Норбеков М.С. Опыт дурака, или Ключ к прозрению. М., 2001.
76. Нуаре Л. Орудие труда и его значение в историческом развитии человечества, Киев, 1925.
77. Орлов В.В. Психофизиологическая проблема. Пермь, 1966.
78. Павлов И.П. Полное собрание трудов. Т. 3. М., 1949.
79. Паникин А.С. Что делать? М., 2000.
80. Панов Е.Н. Бегство от одиночества. М., 2001.
81. Панов В.Г. Эмоции, мифы, разум. М., 1992.
82. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1932.

83. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. МГУ, 1988.
84. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.
85. Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972.
86. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
87. Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.
88. Романова Н.Н. Ассоциативные языковые нормы в контексте ноосферной парадигмы мышления // Языковое сознание. Содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
89. Роуз С. Устройство памяти от молекулы к сознанию. М., 1995.
90. Рубинштейн С.А. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
91. Сафонов В.И. Несусветная реальность. М., 1990.
92. Северцов А.Н. Эволюция и психика. М., 1922.
93. Северцов А.Н. Направленность эволюции. М., 1990.
94. Сергеев Б.Ф. Эволюция высшей нервной деятельности в свете ленинской теории отражения // Журнал высшей нервной деятельности. 1970. Т. XX.
95. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию // Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб., 2001.
96. Симонов П.В. Эмоциональный мозг. М., 1981.
97. Смит Дж.М. Эволюция поведения // Эволюция. М., 1981.
98. Соколов А.Н. Внутренняя речь и мышление. М., 1968.
99. Соколов Е.Н. Сферическая модель интеллектуальных операций // Психологический журнал. 2000. № 3.
100. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 1996.
101. Сперри Р.У. Перспективы ментальной революции. Возникновение нового научного мировоззрения // Мозг и разум. М., 1994.
102. Спиркин А.Г. Происхождение сознания. М., 1960.
103. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Предмет философии науки // Философия науки и техники. М., 1995.
104. Стил Э. Дж., Линдли Р.А. Бландэн Р.В. Что, если Ламарк прав? М., 2002.
105. Тринчер К.С. Биология и информация. М., 1964.
106. Умрюхин Е.А. Соотношение интуиции и сознания в интеллектуальной деятельности: системная модель // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 3.

107. Уошберн Ш.А. Эволюция человека // Эволюция. М., 1981.
108. Урсул Д. Экология, биосфера и ноосфера // Человек: образ и сущность. М., 1991.
109. Ушакова Т.Н. Двойственность природы речезыковой способности человека // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2.
110. Ушакова Т.Н. проблема внутренней речи в психологии и психофизиологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 4.
111. Уфимцева Н.В. Глобализация и языковое сознание // Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникаций. М., 2003.
112. Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. М., 1993.
113. Файнберг Л.А. У истоков социогенеза. М., 1980.
114. Филиппова Г.Г. Эволюция структуры деятельности и происхождение человеческого сознания. М., 1998.
115. Филиппова Г.Г. Психология материнства: концептуальная модель. М., 1998.
116. Франк-Каменецкий М.Д. Самая главная молекула. М., 1988.
117. Харитонов В.М. Введение в теорию антропогенеза и археологию палеолита. М., 1998.
118. Хесин Р.Б. Непостоянство генома. М., 1985.
119. Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В. Антропология. М., 2002.
120. Цымбал Л.А. Синергетика информационных процессов: Закон информационных процессов: Закон информативности и его следствия. М., 1995.
121. Черносвитов П.Ю. Эволюция жизни как информационный процесс // Человек. 2006. № 3.
122. Чуприкова Н.И. Психика и сознание как функция мозга. М., 1985.
123. Чуприкова Н.И. О стабилизации времени реакций при большом числе хранящихся в памяти эталонов // Вопросы психологии. 1971. № 1.
124. Шеховцев А.Ю. Информационная парадигма в структуре современного мышления. Саратов, 1998.
125. Шехтер М.С. Об образных компонентах речевого мышления // Доклады АПН РСФСР. 1959. № 2–3.
126. Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю. Практикум по экспериментальной психосемантике: Тезаурус личностных черт. МГУ, 1988.
127. Эволюция. М., 1981.

128. Якимов В.П. Черты прерывности в эволюции человека: Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973.
129. Яхнин Е.Д. Эволюция и будущее человеческого социума // Вопросы филологии. 2006. № 5.
130. Ячин С.Е. Мышление в структуре сознания. Владивосток, 1982.
131. Не может быть: Альманах. 2001. № 5.
132. Человек в системе космо-земных связей: Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1994.
133. Философия и будущее цивилизации. Т. 3. М.: Современные тетради, 2005.
134. Evans P., Dechan G. The Nature and Purpose of Intelligence. London, 1990.
135. Hewes G.W. Primate communication and the gestural origins of language // Current Anthropol. 1973. Vol. 14.
136. Jorgensen J. Some remarks concerning thinks and talking // Acta psychologia. 1954. Vol. X. No. 1–2.
137. Kendon A. Gesticulation, speech and gesture theory of language origin // Sigh Language Studies. 1975. Vol. 9.
138. Kendon A. Introduction: Current issues in the study of “Nonverbal Communication, Interaction and Gesture // Nonverbal Communication, Interaction, and Gesture: Selections from Semiotica. The Hague, 1981.
139. Kuzin A. The anthropic principle. A key to deciphering the Universe? // Kvantum. 1999. Vol. 9. No. 3.
140. Liberman Ph. Structural harmony and Neanderthal speech: A reply to Le May // American Journal of Physical Anthropology. 1976. Vol. 45.
141. Picq P. L’homme ecartelé entre deux natures // Revue des deux Mondes. Paris, 1998. No. 3.
142. Raskin J. The toy that drove the universe // Kvantum. 1999. Vol. 10. No. 2.
143. Sebeok Th.A. Origin of Language. A nyelv eredete // Nyelvtudományi Közlemények. Budapest, 1985.
144. Tobias P. Premature discoveries in science with especial reference to Australopithecus and Homo Habilis / Proceedings of the American Philosophical Society. 1996. Vol. 140. No. 1.
145. Волков К. От Адама // Итоги.ру. № 20 (466) [online]. <http://www.itogi.ru/Paper2005.nsf/Article/Itogi_2005_05_17_13_2635.html>.

Содержание

Введение	5
1.1. Об уровнях психики. Фреймовское мышление. Эмотивно-смысловой выбор	15
1.2. Ситуативная активность с лидером. Свободно-доречевое мышление	24
1.3. Роль звуковой сигнализации в психологизации ситуативного поведения.....	34
2.1. Сигнальная номинанта – выход за пределы практической ситуации.....	45
2.2. Начало внутреннего мышления.....	50
2.3. Вербальное мышление	56
3.1. Мышление в раннем онтогенезе.....	67
3.2. Внутренняя речь и внутреннее мышление	72
Схема 6. Развитие психики и мышления в соотнесении с видами деятельности и общения ¹	82
4.1. Формирование сферы представлений. «Неизвестное».....	86
4.2. Внутреннее мышление и предречь. Уровни отражения среды. Дифференциация правого и левого полушарий.....	98
4.3. Развитие уровней опосредствования. Сознание. Вторичные голограммы.....	105
4.4. Вторая сигнальная система. Слова – основа II СС. Картина мира и Образ мира	113
4.5. Психологизация инстинктов	125
5.1. Труд.....	131
5.2. Причины скачка в развитии психики от животных форм к Номо	139
5.3. Пластичность как проявление инстинкта самосохранения Живого. Роль генетического механизма в приспособительной активности живых организмов	146
5.4. Активность человеческого интеллекта. Еще немного о Картине мира и Образе мира	171
Заключение	200
Приложение	212
Литература.....	213

$$\begin{aligned}
 &2)(x-4) \\
 &-4x+2x-8 = (x+2)(x-4) \\
 &-35 = 0 \quad 27 = x^2 - 4x + 2x - 8 \\
 &x^2 - 2x - 35 = 0 \\
 &2) (x-7)(x+5) = 0
 \end{aligned}$$

109